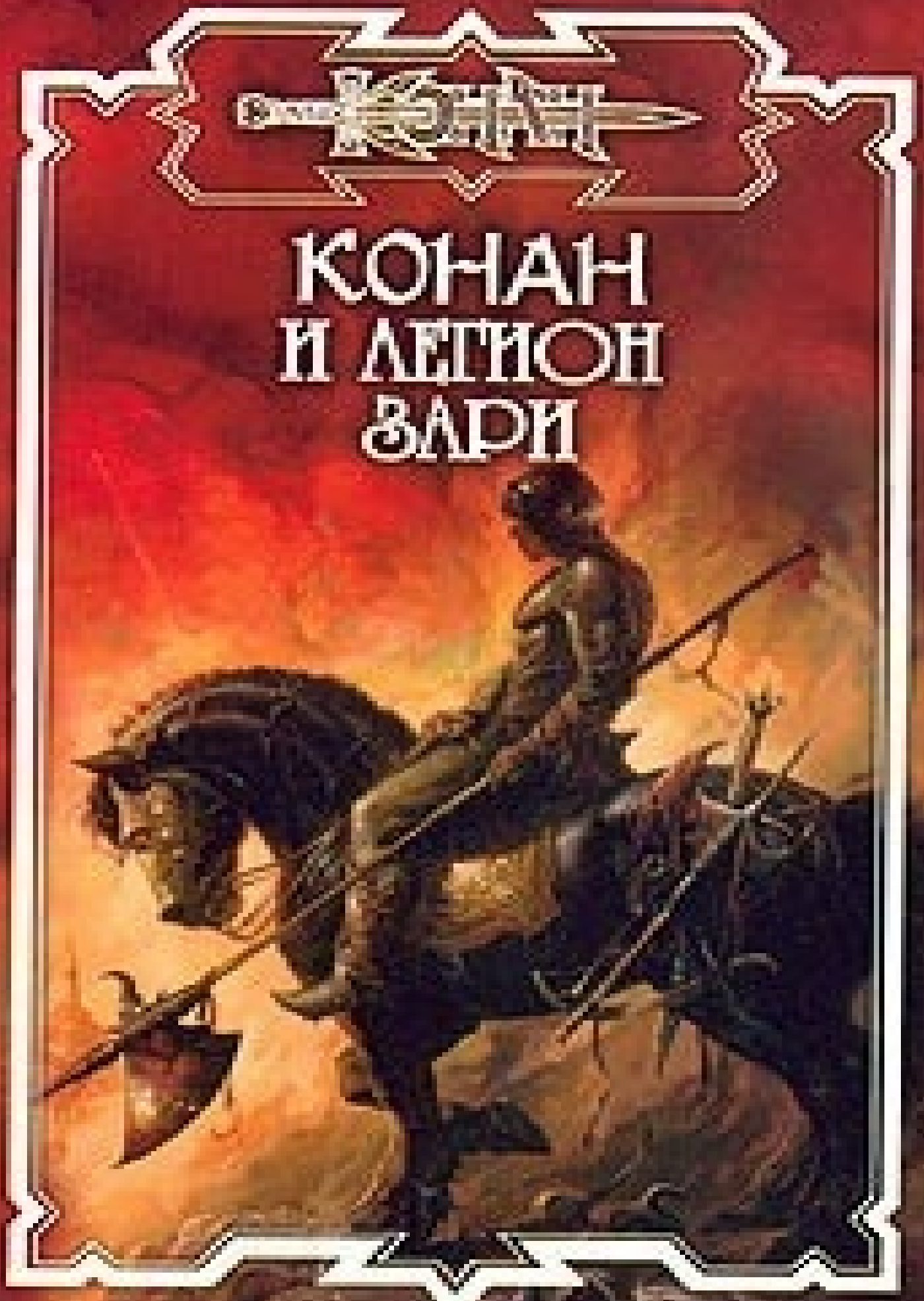
Роберт Говард

КОНАН И ЛЕГИОН ЗАРИ



Annotation

Во время очередного приключения Конан добывает Скрижали Скелоса, эта книга при правильном и умелом обращении, способна уничтожить Зло по всей Хайбории. А в компании варвара, помимо доблестных воинов, есть и могущественный маг Реас Богард, который может использовать Скрижали против сил зла. Но Слуги Тьмы не дремлют, глава Черного Круга Стигии посылает оборотней, наемников и Темных Магов, чтобы уничтожить Конана и его друзей.

«Северо-Запад Пресс», 2004, том 84 «*Конан и Легион Зари*»
Пламен Митрев. Легион Зари (роман), стр. 11-381

- Пламен Митрев
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - Пролог
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI
  - Глава XVII
  - Глава XVIII
  - Глава XIX
  - Глава XX
  - Глава XXI
  - Глава XXII
  - Глава XXIII
  - Глава XXIV
  - Глава XXV
  - Глава XXVI
  - Глава XXVII
  - Глава XXVIII

Пламен Митрев
Тьма и Свет 1
Легион Зари

Посвящаю эту книгу сыну Питеру — моему первому читателю, вдохновителю и критику.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель,

По собственному опыту знаю, что обычно мы редко читаем разные введения, прологи и тому подобное. И все-таки, если эти строки попадутся тебе на глаза, советую прочитать их до самого конца

Они написаны мною, автором романа, который ты спешишь начать читать. Думаю, что некоторые короткие пояснения не покажутся тебе лишними.

Во-первых, я хочу высказать свое глубокое уважение тебе за то, что в эпоху абсолютного всевластия кино, телевидения и электронных игр ты лишился части своего драгоценного свободного времени и скудных средств, чтобы купить и прочитать эту книгу. Это достойно преклонения и восхищения в нынешние времена.

В своих попытках не разочаровать тебя, написав эту книгу, я поставил перед собой несколько амбициозных, для моего скромного таланта, задач.

Во-первых, создать произведение, которое можно быстро прочитать, произведение в стиле «fantasy» — сказочной и героической фантастики. Стиль «меча и магии» особенно популярен среди широкой читательской аудитории.

Может быть, потому что успешно заменяет собой сказки, которые когда-то рассказывали ваши бабушки. А может быть, потому, что современные бабушки слишком заняты, чтобы рассказывать что-либо своим внукам.

Сколько современных детей знают кто такой Питер Пэн, Змей Горыныч или Али-Баба? Но каждый ребенок слышал о подвигах Бэтмена, Супермена, Люка Скайуокера или Конана Варвара.

Так что вторая мол задача — это, чтобы кроме тебя, читатель, купившего и прочитавшего книгу, рано или поздно ее взяли в руки твой ребенок, внук, младшие брат или сестра. И если у них останется время, свободное от школы, телевизионного экрана или игр для того, чтобы окунуться в волшебный мир сказочных героев, их невероятных приключений и подвигов, то это будет прекрасно.

Третья моя задача, может быть самая трудная для исполнения, это показать борьбу Добра и Зла. Это вечная тема не только в литературе, но и в религии, политике, природе и в самой жизни.

Что такое добро и что такое зло? Задавали ли вы когда-либо себе вопрос, почему в былинах, легендах, теологии и мифологии есть столь много злых сил, а силы добра можно пересчитать по пальцам?

Давайте скользнем взглядом по «плохим». Те, которые рождены Тьмой, которые заставляют нас поеживаться, от которых стынет кровь в жилах.

Во-первых, есть «плохие» герои, общие для всех мифологий и религий человечества. Кто не слышал о дьяволах, демонах, злых волшебниках, привидениях, ведьмах и фантомах? Призраки, домовые, вампиры, вурдалаки, злые огненные и водяные духи пугают детей и взрослых во всех концах земного шара.

Гномы и великаны, драконы, ужасающие морские чудовища обитают в преданиях народов всех континентов.

Но каждая мифология вносит свой вклад в создание и утверждение самобытных злых

сил.

Еще древние египтяне почитали странных звероголовых божеств — кровожадных и безжалостных

Не слишком отстают от них и древние персы и арабы: джинны, выходящие из бутылки, Ариман — могущественный бог зла, ужасающие птицы Рух.

Древняя Греция создала таких чудовищ, как Геката, многоголовые бессмертные гидры, Медуза Горгона; фантазия греков породила трехголового пса Цербера, гарпий и сирен, заманивающих в свои объятия путешественников.

Старые скандинавские саги являются неисчерпаемым источником ужасов, там есть поражающие воображение василиски, гномы и тролли, гоблины и великаны-турсы, орки, йотуны, драу, злобные драконы и саламандры.

Даже у древних римлян, прагматичных и здравомыслящих, есть свои фурии, суккубы и инкубы, грифоны и проклятые лары.

Черный континент Африка является колыбелью таких созданий, как зомби, ошу, огун, и родиной магии вуду.

Целый сонм устрашающих демонов и привидений порождают загадочные дальневосточные Китай, Индия и Япония.

У славянских пародов есть свои вильи, лесные нимфы, упыри, драконы и Змей Горыныч, Баба Яга и Кощей Бессмертный.

Вкладом Америки, Нового Света тоже нельзя пренебречь. Начинаем от страшных, мрачных и кровожадных богов майя и ацтеков, инков и толтеков, появляются также огромные анаконды племен по течению величавой Амазонки, зловещие и неуничтожимые Маниту североамериканских индейцев и, кончая более современными, лепреконами, кэндименами и полтергейстами.

Даже у цыган есть свои самобытные джохано и джуджаво…

Что могут противопоставить этой многочисленной и хорошо вооруженной могущественной магией, крепкими челюстями и острыми когтями армий Зла силы желанного Добра?

Редкий рядок добронамеренных, но анемичных фей, добрых магов и чародеев, вечно ищущих истину, заклинателей и вещунов, выучивших почти бездейственные «магические» трюки, меланхоличных, бесцельных эльфов и кобольдов. Прилетит разве что еще иногда мифическая птица Феникс, больше озабоченная собственным выживанием, чем торжеством Добра… Почему так бывает? Потому что носитель доброго божественного начала — это Человек! Не напрасно многие реальные, мифические герои разбивают козни злых сил и побеждают или уничтожают их. Где с Божьей помощью, где собственной храбростью и мужеством, где с помощью сострадательного автора добрые силы торжествуют. Имена святого Георгия Победоносца, сразившего змея, Геркулеса, Одиссея, Тезея, Зигфрида, победителя нибелунгов, или скандинавского Сигурда, одолевшего страшного дракона Фафнира, короля Артура и Ланселота, Руслана и Ильи Муромца останутся вечным эталоном непримиримых борцов против Зла и Тьмы

Я поселил своих героев в созданной гениальным американским фантастом Робертом Говардом Хайборийской эпохе. Отец Конана, Кулла Завоевателя, Брана Мак-Кормака и Соломона Кейна более шестидесяти лет назад создал вымышленный, но изумительно реальный и интересный мир. Более проницательные читатели найдут слегка завуалированными многие современные страны и народы на карте древнего Хайборийского

мира. Не случайно после ранней и нелепой кончины Говарда десятки писателей дополняют приключения и подвиги Конана-варвара. Никто однако не может достичь полноты образа, сотворенного Робертом Говардом.

Несомненно интересные попытки предпринимали не только американцы, но и авторы из многих стран Европы, и даже Австралии и Новой Зеландии. Все они хороши по-своему, и вносили в образ бессмертного воителя нечто свое, какие-то национальные черты, свойственные той нации, к которой принадлежали они сами.

Теперь настало время попробовать свои силы в этом грандиозном предприятии и славянам.

Я не льщу себя тем, что преуспел в этом отношении больше, чем все предыдущие авторы. Но в «Воинстве Зари» Конан является не единственным главным героем. Я попытался с помощью созданного Легиона Зари противопоставить злым силам Тьмы различные по характеру, по дополняющие друг друга личности. Насколько я успел, оставляю решить Тебе, любезный читатель.

Пламен Митрев.
Болгария, 2002

Пролог

Великая звездная река времени невозмутимо течет и омывает наносы истории. Жизнь планет для нее является мимолетным водоворотом, тысячелетия — изборожденные ветром волны, века — брызги воды, появляющиеся и исчезающие по повелению бесконечного Космоса.

Ничто не в состоянии смутить бескрайнюю носительницу Вечности. Но от самых своих истоков до величественного устья Река является свидетелем эпохальной битвы между Добром и Злом, между Тьмой и Светом!

Битва без начала и без конца, без победителей и без побежденных, без цели и мотивов. Битва, в которой значение имеют только временные поражения или победы, отступления или превосходства. Битва, за которой Великие Космические Силы лишь только наблюдают, не вмешиваясь. Одна их прихоть, одна забава, являются роковыми для людей, держав и миров! История планеты Земли и ее человечество подвластны этой бесконечной борьбе.

Звездная река времени течет и омывает наносы земной истории.

Непреклонно ее стремление вперед, необорима сила, коей никто из смертных не способен противостоять. Им остается лишь отдаться на волю волн. И устремиться к Свету!

Глава I
«Кровавый Закат»

Алые лучи заходящего солнца окрашивали южные склоны Великих Кезанкийских Гор. Их начало терялось в мрачных морозных просторах северной тундры, населенной незнакомыми дикими племенами и мифическими, покрытыми инеем чудовищами Полуночных земель.

Горы обнимали ласковой и теплой рукой восточные и южные границы Гипербореи — самого северного из хайборийских государств. Как непробиваемая стена крепости, они защищали мирную Бритунию от сухих восточных ветров.

Далее, на юге, могучие плечи гор делили древнюю, наполненную мистикой и тайнами землю королевства Замора от необъятных степей и пустынь Туранской империи, распростершей хищные крылья над западным и южным побережьем внутреннего моря Вилайет. В лабиринтах узких, труднодоступных перевалов часто сталкивались в яростных битвах статные, одетые в железные доспехи заморийцы и смуглолицые туранцы в островерхих шлемах, чалмах и плетеных кольчугах.

Немногочисленные горные племена, одетые в овечьи тулупы и шапки, плохо вооруженные, по кровожадные и воинственные, не признавали ничьей власти. Разделенные на небольшие родовые общины и кланы, они постоянно воевали между собой, не забывая брать свою кровную дань с разбитых в междоусобных войнах заморийских или туранских отрядов. Кроме скотоводства, промыслом местных жителей был и грабеж больших караванов, перевозящих ценные товары между далеким и загадочным Востоком — Кхитаем, Вендией, легендарными Меру и Паганом и цивилизованным хайборийским Западом — Немедией, Кофом, Офиром, могучей Аквилонией, Аргосом и Зингарой.

В целом мире не было более величественного пограничного вала, поля сражения и перекрестка, где жизнь и смерть, торговля и имперские амбиции устраивали бы встречу. Но все-таки самым ярким было столкновение сил в самой южной части огромной горной цепи. Там, в местности, названной ее древними жителями Шемом, сливались границы четырех королевств. Кроме скандальной Заморы и амбициозного Турана свои претензии предъявляли таинственное царство Коф и молодое королевство Хауран, отрезанное армиями хайборийских владык от обширных земель Шема — некогда могучей и славной империи.

Ожесточенные столкновения в этой части материка никогда не прекращались. Границы непрерывно менялись, и единственным постоянным владетелем в этих местах была Смерть, пожинающая своей беспощадной косой обильную кровавую жатву.

* * *

В это позднее послеобеденное время все было спокойно. Ветер гладил листья могучих дубов и шелестел в зеленой траве небольших лесных полян. Бодро звенели песни кузнечиков

и цикад, как будто они стремились наверстать время за долгое зимнее молчание. Им подпевали звонкие голоса поющих птичек, журчали горные потоки.

На опушке величественного широколиственного леса стоял высокий, стройный юноша. Широкие плечи, узкий таз, дленные мускулистые ноги говорили о большой, но не совсем оформленной силе. Он был одет в короткие штаны из хорошо выделанной кожи. На ногах у него были сандалии с длинными, переплетенными до колен шнурками. Пепельно-русые волосы падали свободно по прямым широким плечам. Проницательные, умные и ясные голубые глаза внимательно осматривали поляну.

В позе незнакомца, на вид расслабленной и беззаботной была таящаяся сила сторожащей добычу пантеры.

Юноша не спешил. Несколькими изящными пружинящими шагами он вышел на открытое от тени столетних деревьев пространство. Огненный диск солнца уже дотрагивался до западного склона горы. Редкие деревья на поляне отбрасывали длинные тени на все еще низкую траву.

Откидывая небрежно назад свои пышные волосы, человек продолжил свой путь. Несмотря на внешнее спокойствие, походка его была напряженной и торопливой, как будто бы он хотел как можно скорее пересечь открытое пространство и снова окунуться в спокойный сумрак леса.

Внезапно его фигура застыла. Что-то было не в порядке. Хор цикад замолк, песня перелетных птиц замерла. Тихое журчание ручейка как бы усилилось, преодолевая стенания травы.

Молодой мужчина медленно протянул свою крепкую десницу над левым плечом, где в импровизированном колчане было несколько дротиков — коротких метательных копий. Почти неуловимым движением запястья он отбросил закрученный в тугой жгут плащ, переброшенный за спину.

Левая его рука сжала висящий на поясе маленький бронзовый двулезвийный топор. Другого оружия у него не было.

Но где-то там, впереди, был враг. Коварный и беспощадный, потому что в этой части Шема дружески настроенных людей не было. А то, что враг был человеческого рода, достаточно ясно подсказывала природа — при появлении хищника птицы реагировали бы не так.

Его предположения оказались правильными. Из небольшой, заросшей густыми кустами, ложбинки выскочили пятеро всадников. С пронзительными криками они выстроились полукругом и помчались вперед. В их руках появились сети, густо усеянные оловянными шариками. Их целью было окружить молодого человека и помешать ему добраться до спасительной тени леса.

К изумлению нападавших, намеченная жертва даже не попыталась убежать. Молниеносным движением светловолосый юноша вынул из колчана дротик.

Он метко бросил легкое копье в самого близкого противника. Последние лучи заходящего солнца бросали огненные отблески на сверкающие доспехи всадников.

Маленькое копье глубоко, с беспощадной точностью, пронзило горло бородатого всадника. Плетеная стальная кольчуга окрасилась ярко-красной кровью. Еще не заглох предсмертный хрип первой жертвы, как уже второе копье, направленное железной рукой юноши, пело свою смертоносную песню, пронизывая незащищенную броней подмышку второго всадника.

Все произошло настолько быстро, что остальные всадники еще ничего не поняли, как уже двое из них лежали бездыханными на земле, а намеченная, вроде бы, легкая жертва спокойно стояла, поджидая их.

— Пусть меня поразит Иштар! — заорал один из уцелевших — статный чернобородый мужчина среднего возраста, вероятно, предводитель шайки. — Домин и Шох убиты! Вперед, ребята, держите этого сосунка!

После этого призыва двое других, которым нерадостная судьба их товарищей явно не вдохнула дополнительной смелости, бросили сети и вытащили изогнутые поверху сабли. С гневными криками они пришпорили своих коней, чтобы догнать проворного юношу.

Мгновенная задержка, однако, стоила им очень дорого. Еще не успев достичь жертвы, один из них уже почувствовал острие боевого топора меж ребер и захлебнулся в собственной крови. Другой выпал из седла, как пораженный громом, с забитым в левую глазницу копьем.

Столь легкие победы не ослабили внимания юноши. Резким прыжком влево он увернулся от ловко брошенной главарем уже не существующей банды охотничьей сети и выпрямился, готовый к решительной схватке.

— Клянусь Дэркето, недоносок! Ты убил моего брата! — скорее прошипел, чем проговорил разгневанный всадник. — Я, Мургеш из Хоршемиша, вырву собственными руками душу из твоего проклятого тела и положу твое сердце на алтарь богини, чтобы упокоить дух моего брата!

Увидев, что в руках его противника нет никакого оружия, Мургеш медленно направил своего коня к юноше. В правой руке он держал длинную саблю, а в левой, кроме поводьев лошади, сжимал маленький кинжал с длинным тонким острием.

Несмотря на ярость, вызванную неожиданной гибелью товарищей, он не спешил. Вероятно, он был опытным бойцом. Добыча от него не ускользнет!

Действительно, для почти невооруженного юноши это было опасной ситуацией — всадник успеет настичь его и мгновенно рассечь клинком, если тот решит бежать.

Почти неуловимым для человеческого глаза молниеносным движением, юноша прыгнул на приблизившегося всадника. Стальные мускулы его правой руки впились в запястье Мургеша, сжимающего саблю. Ребром левой ладони он нанес в лицо противника стремительный удар, направленный вверх. Послышался сухой треск костей, и тело наездника обмякло, как восковая кукла. Косточки переносицы вонзились в мозг, и главарь присоединился к своему брату в царстве мертвых.

Но последняя атака дорого стоила юноше. Мургеш все-таки успел отчасти выполнить свою угрозу. Между ребер юноши торчал, забитый почти до рукоятки, кинжал.

Упав на колени возле неспокойного жеребца, светловолосый юноша изумленно ощупал холодную сталь.

Тонкая струя крови просочилась между потерявшими чувствительность пальцами. Последними усилиями раненый попытался вынуть хищное острие, впившееся в его плоть. В этот момент лошадь дернулась и тяжелое тело мертвого разбойника упало на русую голову. Все утонуло в черной пасти мрака.

* * *

Боль. Боль и тьма. Как будто огромный гранитный блок придавил Плама. Его сознание исчезало, как мгла при ярком солнце. Он был бесплотен и беспомощен, подвластен непреодолимой силе. Побежден. Несомненно — это смерть! Конец жизни — безнадежная черная пустота. Или может быть начало вечности?

Тьма. Тьма и холод. Наверное, он был мертв и его дух попал в какой-то безрадостный мир множества богов, населяющих его мир или бескрайнюю Вселенную. Совсем скоро он поймет, кто его настоящий бог, кому служит его несчастная душа. Светозарный Митра, далекий и недостижимый, зловещий мрачный Сет, гордая, гневная Иштар, величественный Эрлик, двуликий Хануман, непроницаемый Асура? Кто? Может быть, кто-то из давно забытых древних богов Атлантиды, Ахерона или Лемурии? Кто?

Сознание медленно возвращалось в истерзанное тело. Всепоглощающая боль уменьшилась и притаилась в правой части груди. Отяжелевшие веки с трудом открылись.

Он был жив! Жив!!!

Он чувствовал, как с каждым мгновением жизнь все сильнее пульсирует и возвращается к нему. Он почувствовал, как тысячи иголочек пронзают онемевшие конечности. Память его прояснилась.

Внезапно в его мысли хлынули воспоминания о прошедшей битве. Первый бой и первая победа!

Где-то поблизости горел огонь. Мрак, окутавший сознание Плама, рассеялся. Воскресшее любопытство заставило его оглядеться.

— Не шевелись! — властный, но спокойный и дружелюбный голос застал его врасплох. Друг или враг? Напряжение прервало дыхание Плама. — Расслабься, не говори! Я друг, хотя бы на этот момент, — продолжил все тот же голос, отдающийся эхом во тьме.

— Кто ты?

— Сказал же тебе — друг, — ответил спокойный голос. Плам понял, что хозяин голоса — хайбориец. Но произношение было для него слегка чужим и незнакомым. В Заморе, Кофе и Хауране так не говорили.

— Пей! — приказал голос, и юноша почувствовал заботливую руку, которая поддержала его голову. К губам поднесли рог с жидкостью, которую его жаждущее горло приняло ненасытно. По жилам разлилось приятное освежающее тепло.

— Убийство заставляет людей много пить, потеря крови тоже, — продолжал незнакомец. — А поскольку ты сегодня попробовал и то, и другое, пей еще!

В округе все было спокойно. Плам почувствовал себя настолько окрепшим, что рискнул повернуть голову в направлении ласково греющего огня.

Он заметил, что находится у подножия гранитной скалы, слегка нависшей над укромной полянкой. В дальнем конце прогалины паслись несколько коней.

Возле головы Плама сидел человек, укутанный в темный плащ. Бледные отсветы огня освещали волевое скуластое лицо с правильными чертами. Мужчине было около сорока лет. Слегка посеребренные борода и усы, заботливо постриженные и изящно загнутые вниз, придавали лицу незнакомца благородное выражение.

— Мое имя — Реас Богард из Офира, — сказал мужчина. — Я нашел тебя недалеко отсюда и позаботился о тебе. Ты выздоровеешь быстро, рана у тебя не серьезная. Я ее прочистил и перевязал, умастив целебными травами.

— Ты разве лекарь, Реас?

— Всего понемногу, — засмеялся Богард и потянулся к огню, чтобы подбросить в пего хворосту.

Плам посмотрел на свою грудь. Перевязка очень умело была сделана из полосок лыка, намазанных благовонным маслом.

Плам снова выпил несколько глотков вина.

— Очевидно, ты хорошо разбираешься во врачевании ран?

— Лекарское ремесло — это одна из моих слабостей. льщу себя иногда тем, что я — еще ученый, путешественник, даже философ. а ты кто и как попал сюда?

Юноша призадумался. этот человек спас ему жизнь, да и от всего его существа исходит какое-то властное, подкупающее благородство. он решил довериться.

— Зовут меня Плам, и я родом из Шема.

— Шем для меня звучит как общее понятие. я знаком с несколькими племенами, которые живут здесь. ты из какого племени и как справился с шайкой работорговцев?

— Это были работорговцы? у меня не было времени их рассмотреть. да и очень плохо я знаком с землями и народами за пределами Шема. в первый раз я оставляю свое племя.

— Это были работорговцы из Кофа. мерзкая порода! они сторожили добычу. но и ты тоже хорош! быстро действуешь. не было времени оглядеться, а успел их всех перебить!

— Я не убийца, только защищал свею жизнь!

— И все-таки, один — против пятерых! Должно быть, ты знаменитый боец!

— Я не боец. все еще нет. можно сказать, что разбираюсь в охоте и в разгадывании следов. В этом я был одним из лучших в своем племени. У нас нет бойцов. Война противна нашей вере.

— Интересно! Как же вы выжили в этом мятежном краю? Я заметил, что ты использовал только охотничье оружие. А одного из них убил голыми руками! Ты уже стал бойцом, и отличным, клянусь Митрой. Есть у тебя и хорошие трофеи. Кони, оружие, доспехи, немного золота и серебра. Все это я собрал на поляне, теперь эти вещи принадлежат тебе.

— Не хочу ничего брать, — возразил Плам. — Хочу вернуть только свое оружие. Я сражался не за добычу, а за свою жизнь!

— Это хорошо! Жизнь — это дар и для нас, и для других людей. Ее нужно беречь. А ты нуждаешься в отдыхе. Полежишь тут несколько дней. Рана того требует.

— Я тебя задержу, Реас. У тебя своя дорога.

— У меня достаточно времени. Теперь выпей еще немного вина с травами. Завтра мне расскажешь о себе. Если захочешь.

— Хорошо! Вино твое, как эликсир, — теперь уже более твердой рукой Плам принял рог и выпил его до дна. Снова его обволокла тьма. На этот раз ласковая, успокаивающая. Рядом с ним находился друг. Друг!

* * *

Плам проснулся с потрескавшимися губами, испытывая сильную жажду.

Блестящий диск солнца только что поднялся на небосклоне. Над костром булькал котелок, от которого шел вкусный запах приправ. Желудок раненого дал о себе знать

громким урчанием.

Поблизости от костра паслись кони. Плам был заботливо укрыт тонким одеялом. Возле левой руки в землю был забит рог, наполненный густой темно-красной жидкостью.

Юноша потянулся и удивился, что испытывает совсем слабую боль в раненой правой части груди.

Он выпил немного ободряющего напитка и снова забил рог в землю. Потом усмехнулся — Реас Богард отлично позаботился буквально обо всем!

— Соня проснулся! — послышался шутливый голос сзади. Реас приближался с охапкой лекарственных трав в руках. — Ты спал непробудно целый день и целую ночь. Я даже испугался, что мой новый друг отошел на Серые Равнины!

— И в самом деле, если сейчас же не попробую твоего божественного кушанья, то будет мне верная смерть! — попытался перейти на шутливый тон и раненый. — Чувствую себя, как новорожденный!

— Отлично! — Реас положил лекарственные травы на расстеленное на земле одеяле. — Но сначала позаботимся о твоей ране…

Совсем скоро новая перевязка была готова, и мужчины приступили к завтраку. У еды был превосходный вкус, хотя она была приготовлено без мяса.

— Я не ем мяса, — заявил офирец. — Так я воспитан с малолетства. Кроме того, я и не воин, чтобы мне нужны были силы. И не гляди на меня так удивленно! Когда поправишься, будешь охотиться, как и раньше, а я не люблю охоту.

— Да, в этом отношении мы вообще не похожи, — задумчиво проговорил Плам. — С тех пор, как помню себя, я питаюсь мясом. Охота на зверя у меня в крови.

Реас задумался. На его благородном лице разлилась широкая сердечная улыбка.

— Хочешь — будешь готовить мясо сам. Совсем скоро ты сможешь заботиться о себе. Вернешься к своим родным с хорошей добычей и боевой славой.

Лицо Плама потемнело. На высоком лбу прорезалась глубокая морщина. Теперь он выглядел куда старше своих шестнадцати лет.

— Что, рана заболела? — забеспокоился Богард.

— Нет, не от раны. У меня уже нет народа, нет племени, нет близких и родных!

— Почему? Неужели все перебиты или умерли от болезни? Почему ты один?

— Я расскажу тебе, я у тебя в долгу! — Плам протянул руку, взял рог и допил оставшееся в нем вино. Он посмотрел на своего собеседника откровенным взглядом и продолжил. — Я — изгнанник, которого выгнали свои же! Можешь меня презирать, но я не могу и не хочу лгать тебе.

Реас как будто не услышал слова, наполненные горечью. Он вынул кожаный мех, наполнил пустой рог вином. Отпил большой глоток, подал рог юноше и только тогда посмотрел на него. В его взгляде сквозило сочувствие и тепло.

— Изгнанник — это не всегда преступление. Иногда преступниками являются как раз те люди, которые прогоняют себе подобных. Важнее не прогнать добро в себе!

Кроткий и тактичный тон успокоил бурю, зарождающуюся в душе Плама. Удобно опершись на согретую солнцем скалу, подкрепившись хорошим вином и понимающим, сочувственным взглядом взрослого мужчины, он начал свой рассказ:

— Я рожден в немногочисленном племени с древней и гордой историей. Наши прадеды происходят из высшего жреческого рода, служившего легендарной Горе Славы. Там были расположены главные храмы высших богов Атлантиды. Когда много веков назад ярость

океанов поглотила наш материк, с помощью больших знаний, сильных заклинаний и могучей магии почти весь наш род спасся от гнева моря. Но, по воле богов, нас разбросало по всему свету. Основной задачей уцелевших атлантов нашего рода было сохранить чистоту нашей крови, уберечь древние знания, исконное благочиние и веру. Мы — исчезающий народ.

Из-за наложенных нашими прадедами ограничений мы не имеем права родниться с другими племенами, даже уцелевшими после катастрофы атлантами. Другие люди считаются низшими, а мы — народ Горы Славы, мы — богоизбранные. Поэтому мы зовемся славинами. С течением веков валузийцы, ахеронцы, а позднее хайборийцы уничтожали наши небольшие общины. Древняя вера запрещает нам воевать, поэтому нам почти невозможно защититься. Нас осталось немного: здесь, в Шеме, в Пиктской пустоши, и, может быть, где-то в далекой северной тундре. Долгие годы мы не поддерживаем никакой связи с другими сородичами. Более многочисленные наши родственники живут к востоку от моря Вилайет. Но они — вымирающий народ и их зовут козаками. Предание, оставшееся с времен Великой Катастрофы, гласит, что мы возродим величие Атлантиды. Мы свято чтим эту легенду…

Плам сделал короткую паузу, перевел дух и хрипло продолжил:

— Я оказался единственным, кто усомнился в непогрешимости наших верований. Я изучил древние манускрипты, но не прозрел в них истину. Я убежден, что для того, чтобы выжить, нужно бороться. Прятаться, преклонять голову перед врагом и ждать, чтобы буря пощадила тебя, не по мне — это не ведет к величию. Я поделился своими мыслями со старейшинами племени. Меня объявили еретиком, отродьем, вредным для нашей общины. Они прогнали меня, во имя сохранения чистоты крови. Я отправился в дорогу с великой мукой в сердце, но и с верой, что отыщу истину. И… И встретил работорговцев. И тебя, Реас.

В голосе славина было много как горечи, так и скрытой силы. Он остался совсем один, но сдаваться на милость безжалостной судьбы не собирался!

Они долго молчали, пили вино и думали о своем. Костер догорал. Реас принес охапку хвороста, чтобы оживить огонь. Ностальгия по утерянной спокойной жизни в родном племени все больше угнетала юношу. Ненадежное будущее, враждебность окружающего мира и отсутствие друзей делали его одиноким и уязвимым. Офирец первым нарушил молчание:

— Человек не должен жить в одиночестве. Именно тогда в нем умирает все человеческое. Пойдем со мной, славин, пусть нас будет двое! Я тоже ищу истину. Вот уже более двадцати лет ищу ее и все еще не нашел. Иногда и я бываю одинок, иногда мной овладевает отчаяние. Но в одном я абсолютно убежден: истина существует. И мы ее отыщем — вместе. И каждый сам для себя, свою собственную истину! Даже если и не сможем ее отыскать, то мы найдем дружбу. А это тоже истина. Будь моим братом! — изящная, с изысканными тонкими пальцами рука Богарда потянулась к юноше.

Радостные искорки заблестели в голубых глазах изгнанника. Его рука крепко ухватила протянутую ему длань офирца. Слегка дрожащим, но уверенным голосом он заявил:

— Я слишком молод и недостоин для того, чтобы стать твоим братом, офирец! В твоих словах видны глубокая мудрость и знания, которым я бы гордился выучиться. Будь моим учителем и наставником! Теперь у меня никого нет, кроме тебя, Реас!

— Молодость — это не порок, славин, а преимущество! Ты, как незасеянное поле, которое при правильном уходе может стать райским садом! А достоинства и скромность идут рука за руку. Будь таким, каким тебя создала мать-природа!

Глава II
«Ярмарка»

Древней и загадочной была земля Заморы. Не напрасно по всему хайборийскому миру разносилась слава ее купцов и ремесленников, вин и деликатесов, астрологов и прекрасных жриц любви. Несравненны были заморийские воры, сколь знаменитые, столь и ненавистные, однако вызывающие повсюду восхищение дерзкими и непревзойденными по своей виртуозности преступлениями.

Земля богатства и похоти. Земля разгульной жизни, но и отчаянной нищеты. Земля контрастов. Перекресток мира. Единственное королевство с двумя столицами! Одна — блистательный и удивительный Шадизар, была названа еще и Проклятым городом. Другая — гордый Аренджун, славилась стальной мощью своих воинов, успешно охранявших тысячелетия подряд самое восточное хайборийское царство. Могучие орды гирканцев, зуагиров, мунганов и туранцев разбивали свою ярость завоевателей о неприступные каменные стены города.

На самом деле, официальной твердыней короля Заморы Озрика был Шадизар. Оттуда этот мудрый, уже постаревший и слегка впавший в детство владетель правил твердой рукой в своей державе. В Шадизаре находились и большинство главных храмов основных для страны богов. Митра, Деркэто, Бел, загадочный Асура, великолепные Иштар и Эрлик встречали своих поклонников в роскошных палатах, построенных искусными мастерами. Двуликий древний Хануман, обезьяноподобный бог мудрости, выбрал для своего местонахождения Аренджун.

Лишь храмы зловещего кровавого Сета, бога-змея, были запрещены во всех хайборийских землях.

По старой традиции, каждый високосный год, в начале последней весенней лупы в Аренджуне проводилась большая ярмарка, посвященная плодородию и миру.

В это время город становился бесспорным центром всего цивилизованного мира.

Кроме правителей или их посланцев, со всех сторон в Аренджун стекались купцы, ремесленники, обыкновенные обыватели или крестьяне. Фигляры, авантюристы и преступники, астрологи и знахари, воины и куртизанки дополняли многообразие человеческого муравейника.

За высокими стенами Старого города возвышался построенный специально для праздника квартал временных зданий — торговые лавки, сараи, кабаки, навесы для ночевки, конюшни и загоны для животных. Вместе с местами, определенными для проведения различных соревнований и скачек, а также и площадей, предусмотренных для стоянки многочисленных прибывающих кочевых племен, на время ярмарки Аренджун становился самым большим городом в мире. Даже более многочисленным, чем славная Тарантия — столица могучей Аквилонии.

Временный ярмарочный город был поистине огромен. Там не было недостатка и в игральных домах, где каждый желающий мог проиграть свой последний грош или обрести в игре целое состояние. Тарок, игральные кости, игры в камешки, ставки на каком-нибудь из многочисленных соревнований — все это были способы сделать свой кошелек пустым или

полным.

Ожидали, что толпа в этом году будет более блестящей, чем в предыдущие. Предсказатели, гадалки, хироманты гадали о благоприятном расположении небесных светил, руководящих судьбами людей и королевств.

Вот уже пять лет не было серьезных войн, и торговля процветала. Уже в первый день третьей весенней луны огромное множество гостей со всего света людей искали свое место в лабиринтах ярмарки.

Среди этой разнородной и пестрой толпы трудно было выделить какое-либо конкретное лицо, или даже группу людей. И все-таки, на одной из главных улиц Старого города бросались в глаза своей необычностью и яркой индивидуальностью двое чужеземцев.

Одним из них был уже знакомый нам юноша с голубыми глазами и светлыми волосами. На его плечах красовалась новая накидка травянисто-зеленого цвета. Он вел за поводья крепкого каурого коня и осматривал с неприкрытым любопытством высокие крепостные стены с крепкими сторожевыми башнями, покрытые булыжником и плитами улицы, мраморные дворцы и статуи.

Рядом с ним шагал мужчина крепкого телосложения, лет, по виду, сорока. Темно-коричневый плащ из дорогого кхитайского шелка заканчивался высоким капюшоном. Конь, который следовал за ним, был великолепным пепельно-серым асгалунским скакуном, не очень крупным, но с идеальным сложением. Такой жеребец стоил целое состояние, потому что мог неутомимо мчаться целые сутки с быстротой, недостижимой для других пород.

— Ты впервые в большом городе, Плам? — спросил Реас (ибо человеком в коричневом плаще был именно он).

— Да, я первый раз в жизни оставляю горы. Мы живем в пещерах, даже наши храмы находятся глубоко под землей. Прячемся, как преследуемая дичь, в свои норы, и надеемся выжить. А тут все так красиво и интересно! — ответил Плам, восхищенно глядя на обнаженную статую богини любви и смерти Дэркето. — Ты, Богард, путешествовал много и многое знаешь. Прошу тебя показать и объяснить мне все, что возможно!

— Это исключено, мой молодой друг! — снисходительно засмеялся офирец. — Целой жизни не хватит, чтобы рассказать тебе лишь только о том, что я знаю из путешествий и книг. А в сравнении со всеми знаниями мира, мои — капля в море. Но ты увидишь и узнаешь многое, это я могу тебе обещать твердо.

— Этот город столь огромен, и в нем живут тысячи людей! — не переставал изумляться Плам. — Как они понимают друг друга? Здесь собрано столько ценностей, которые вводят человека в искушение!..

— Далеко не все люди — преступники, согласись? Даже работорговцы, которые напали на тебя, в городе превращаются в мирных и добропорядочных граждан. За порядком следят префект, комендант гарнизона и городская стража. Вообще, законы сосуществования людей являются одной из самых сложных вещей на свете.

— Прости мне, что я веду себя, как только что пойманный в лесу медвежонок, учитель.

— Если ты хочешь начать учиться жизни в широком мире, то ярмарка — самое подходящее место для первых уроков. Но сначала нам нужно найти постоялый двор «Пуповина». Содержит его мой соотечественник. Двор чистый, с хорошей кухней, да и мой Пустынный Вихрь окажется под присмотром надежных людей и перед полными яслями.

Реас нежно погладил морду серого коня.

Вскоре двое путешественников подошли к солидному четырехэтажному зданию. На

деревянной табличке, повешенной над широкой дубовой дверью, был нарисован румяный малыш. Маленький шалун подносил к своему улыбающемуся ротику рог с красным вином.

— «Пуповина»! — засмеялся Богард. — Смешное название! Идем, мой друг!

Они прошли вместе с конями через широкие ворота. Когда подкованные копыта застучали по плитам двора, из боковой двери показался прилично одетый слуга и взял поводья копей. Путники вошли в обширную, чистую и хорошо обставленную таверну, остававшуюся пустой в это раннее весеннее утро. За стойкой с сосредоточенным видом стоял немного полноватый, плешивый мужчина, который вытирал тряпицей несуществующее пятно на высоком кубке. Он был одет в широкую белую рубаху с вышивкой на рукавах.

Когда вошли посетители, толстяк оторвал взгляд от кубка и уставился на новоприбывших. В его умных темных глазах Плам с удивлением прочел целую гамму самых искренних чувств — удивление, радость, может быть, некоторое опасение. Но прежде всего — уважение и дружелюбие.

— Повелитель! Повелитель Богард! Ты вернулся! Ты опять здесь! — симпатичный толстяк с искренней радостью в голосе приветствовал Реаса. Он сразу же поставил на прилавок бокал и отбросил полотенце. С изумительной для его телосложения прыткостью, хозяин таверны бросился к офирцу, упал перед ним на колени и почтительно поцеловал руку, прежде чем гость успел ее отдернуть.

— Встань, выпрямись, мой добрый Ванил! — возмутился Богард и поднял его за плечи. — Хорошо, что ты не забыл своего старого друга!

— Да я никогда не забуду тебя, Повелитель, даже после смерти! — воодушевленно воскликнул содержатель постоялого двора, ибо это был именно он. — Ты спас мою душу! Все, что я имею — дом, кошелек, моя жизнь — все принадлежит тебе!

— Пока что я нуждаюсь лишь в крыше над головой для нас двоих, — сдержанно ответил Богард.

— Ну да, конечно, самые лучшие мои комнаты — ваши, Повелитель! Из-за ярмарки в городе полно посетителей. Вы же знаете, что богатые господа предпочитают останавливаться здесь, в Старом городе. Воры и грабители, которые выбираются на время ярмарки из проклятого Шадизара и приезжают в Аренджун, не смеют разбойничать здесь так напористо, как в Ярмарочном городе. А доморощенные воришки обходят Старый город стороной! — с улыбкой добавил круглолицый Ванил. — Но вы, наверное, устали и голодны, Повелитель?! Сотея! Скорей сюда!

Из кухни показалась приятная женщина среднего возраста и вопросительно посмотрела на Ванила. Хозяин приказал ей приготовить две самые лучшие комнаты на первом этаже, после чего позаботиться о роскошном завтраке для гостей.

— Но завтра прибывает принц Моррог из Хаурана, господин! — воспротивилась стряпуха. — Комнаты по всему первому этажу оставлены для него и его свиты.

— Делай, что я тебе приказываю, глупая гусыня! — обозлился владелец «Пуповины». — Принц удовольствуется комнатами на втором этаже!

Богард ласково положил руку на его плечо.

— Дорогой Ванил, комнаты на втором этаже подходят для меня гораздо лучше. Шума из трактира меньше, воздух — чище.

— Благороден, как всегда! — промолвил Ванил. — Хорошо, пусть будут на втором. Но я лично позабочусь о еде! — гордо объявил он. — Мой винный погреб великолепен, однако, чтобы порадовать вас мясом со специями мне нужно сбегать на базар. Садитесь, выпейте по

кубку моего самого лучшего пуантенского вина, я вернусь через один квадранс!

— Не беспокойся, друг, мы удовольствуемся тем, что есть. Мой товарищ мечтает о сочном

овечьем мясе, которое, если мне не изменяет память, ты отлично готовишь!

— Сейчас же начинаю! Устраивайтесь за почетным столом, Повелитель! — и, налив два стакана превосходного красного вина, толстенький Ванил оставил покрытую паутиной бутылку на столе и бегом устремился на кухню.

Вся эта сцена изумила молодого славина. Немыслимые почести, оказанные его скромному спутнику, озадачили Плама. В Богарде было что-то таинственное, величавое, но чтобы настолько?..

— Кто ты таков? Король, принц, барон, высший жрец или великий волшебник? Кто ты такой, Реас?

— Твой друг, наставник и почти отец — Реас Богард из Офира, — засмеялся тот. — Когда-то я оказал услугу этому человеку. И, как ни странно, Ванил доселе помнит о своем долге. Надеюсь, мы будем путешествовать вместе еще долго, и ты узнаешь меня получше. А теперь давай подкрепимся, нас ждет тяжелый день. Ты должен узнать побольше о мире, в котором живешь. Аренджунская ярмарка, как я тебе уже сказал, хорошее начало для познания Универсума, в коем тебе посчастливилось существовать…

* * *

После обильного завтрака Реас и Плам вышли за черту Старого города и нырнули в море разноцветной толпы, заполнившей Ярмарку. Несмотря на то, что официально праздник еще не начался и многие лавки и магазинчики были не заняты, ярмарочное поле было похоже на огромный человеческий муравейник. На пустующих площадках странствующие фигляры ставили свои шатры. Места определенные для продажи животных были похожи на строительные площадки — торговля животными начиналась лишь в конце седмицы, а сейчас там сколачивали огромные загоны и навесы.

Среди этого хаоса величественно расхаживали статные заморийские стражи в блестящих доспехах. Воины, руководимые офицерами с высокими, окрашенными по рангу в различный цвет, гребнями на шлемах, пытались не допустить беспорядка и присматривали за гостями города, среди которых наверняка были и жулики. Только сила и ловкость Плама и спокойная, твердая самоуверенность Богарда помогали двоим чужестранцам продвигаться вперед сквозь толпу.

— Этот отряд кочевников — гирканцы с северного побережья моря Вилайет, — объяснял офирец, показывая на группу темнолицых всадников с острыми чертами хищных лиц. — А эти люди в роскошных доспехах и белых чалмах — телохранители какого-то важного купца из Турана. А вон те, с бритыми головами и точками на лбу, — вендийцы, из далеких восточных пределов мира.

— А эти низкорослые желтокожие люди? — спросил славин, впитывавший каждое слово своего взрослого товарища.

— Они прибыли из еще более далекого Кхитая, — ответил Реас. — Здесь ты можешь

увидеть людей отовсюду — вон там, те, с черной кожей — это кушиты. Так мы называем всех приезжих из далеких южных королевств. Однако, эти люди наверняка прибыли из самого Дарфара. А вот и стигийцы — смуглолицые, мрачные и сильные. Они — древний народ и почитают Сета, зловещую змею, покровительствующую злому колдовству.

В подобных разговорах двое друзей провели все послеобеденное время. Плам, выросший в дикой горной пустоши, удивлялся огромному многообразию рас, племен и народов, одежды, оружия, товаров и украшений. Ему хотелось увидеть и узнать все-все!

— Человек учится, пока он жив, мой друг, а ты будешь жить долгие годы. Но и за десять жизней ты не сможешь изучить и увидеть все на этом свете, каковой является лишь пылинкой в огромной Вселенной, — успокаивал своего нетерпеливого спутника офирец.

К вечеру, уставшие, по довольные, оба путешественника вернулись на уютный постоялый двор Ванила. Таверна была полна посетителей, но почетный столик у камина был оставлен специально для Реаса. Ужин, поднесенный улыбающимся хозяином, вызвал бы восторг у самого утонченного гурмана.

Мягкие кровати, застланные чистыми шелковыми покрывалами оказались очередной роскошью, которой Реас и Плам в полной мере насладились. Засыпая, молодой славин вспомнил прошедший день. Он заснул, удивляясь словам мудреца Богарда: «Наш мир — лишь пылинка в огромной Вселенной». Если весь мир — только пылинка, тогда что представляю собой я?..

* * *

Приближался конец первой седмицы Аренджунской ярмарки. Плам уже не изумлялся при виде многоликих толп и не созерцал, застыв, груды товаров, заполнивших лавки купцов.

Несмотря на то, что в его кожаном кошельке побрякивало достаточно медных, серебряных и несколько золотых монет, полученных от продажи боевой добычи, Плам сделал всего лишь несколько мелких покупок.

— Трать спокойно свои деньги, юноша, — советовал ему Реас. — Может статься, что ты снова попадешь в лоно цивилизации лишь спустя долгие луны. Мой кошелек тоже к твоим услугам!

Первой значительной покупкой Плама был широкий пояс с множеством хитроумных приспособлений. На нем имелись колечки для подвешивания различного оружия, тайники для кошелька, огнива и кремня, небольшой сумочки для мазей и лекарственных трав. У того же купца славин купил плетеную золотую повязку для волос, чтобы подвязывать свою пышную гриву. Он заплатил изумленному лавочнику — рыжеволосому оружейнику из Ванахейма — не торгуясь и не споря о цене: это было крайне необычайно для мира ярмарки, где люди частенько торговались из-за какой-нибудь безделицы от полудня до заката.

— У меня есть особенный подарок для тебя, — таинственно прошептал рыжий ванир, пока Плам застегивал пояс на своем тонкой талии.

— Возьми это на память, — и торговец неожиданно подал Пламу прекрасный аквилонский кинжал с сероватым стальным острием.

— Хороший купец! — сделал вывод Богард, когда не привыкший к подаркам юноша

воткнул кинжал за только что купленный пояс. Из своего старого оружия Плам носил с собой только топорик; колчан с дротиками был оставлен на постоялом дворе. Большое кольцо на поясе, предназначенное для ношения меча или сабли, осталось пустым.

— Я не умею сражаться подобным оружием. Меня учили драться голыми руками, для самозащиты, — объяснил Плам свое нежелание купить тонкий зингарский клинок.

Сам Реас не интересовался товарами. Свое время он посвящал образованию молодого спутника. Дружба между ними давно переросла в нечто большее, теперь Богард относился к статному юноше как к собственному сыну.

По утрам, после завтрака в удобной трапезной «Пуповины», они упражнялись в письменности хайборийских народов, и славин быстро продвигался вперед по стезе учения. Ему помогало в том хорошее знание древней атлантской письменности, а в исчислительной науке он был почти равен своему мудрому учителю.

— Ты рожден быть ученым мужем! — восклицал Реас, убеждаясь, какой настойчивый и острый ум имеет его воспитанник.

Но, видимо, богиня судьбы выбрала для Плама иное. Природа одарила его великолепным телом и стальными мускулами, точным глазом и идеальным чувством времени и расстояния — эти свои качества он доказал в бою против работорговцев. Более всего Реаса поражали в ученике молниеносная реакция и отточенная, буквально тигриная быстрота в движениях.

* * *

В один из дней пребывания в Аренджуне оба путешественника сидели в одном из многочисленных кабачков, открытых на ярмарке, дабы освежить глотком вина пересохшее горло. За соседним столом расположилась шумная компания шемитов, приехавших торговать конями и скотом. Из-за бездействия в будничные дни (торговля животными разрешалась только на пятый и шестой дни седмицы, а рабами — исключительно в последний день) они забавлялись, играя в азартные игры. Выходцы с Золотого Побережья рассеивали скуку разговорами, игрой в кости и кислым туранским вином, целеустремленно осушая винный погребок таверны.

Один из шемитов, высокий мужчина с огромными волосатыми ручищами и роскошной черной бородой заметил, что его соседи не вооружены и миролюбиво настроены. Он решил поднять настроение своих друзей и, встав из-за стола, тяжелыми шагами приблизился к Пламу, положив свою могучую лапу на его плечо.

— Я и не предполагал, что в этом захудалом кабаке предлагают таких миловидных краль, — пророкотал мощный бас. — Давай потанцуем, русоволосая красавица, у тебя есть шанс заработать серебряную монету!

За столом шемитов раздался хохот — всем было интересно, как молодой человек отреагирует на такое неприкрытое оскорбление. Остальные посетители трактира улыбались и с интересом ожидали продолжения представления.

— Не танцую с незнакомыми! — спокойно ответил юноша, устремив взгляд в сторону. — Кроме того, прежде чем приглашать кого-то на танец, неплохо было бы тебе побриться.

— Меня зовут Фериш Ага, — засмеялся шемит, — и я хорошо известен от Кеми до Султанапура как отличный танцор! Я танцевал со многими мужчинами и для большинства из них этот танец был последним! — он резко повысил голос. Рука шемита скользнула к поясу из алого шелка, на котором красовались несколько длинных, странно изогнутых ножей.

— По-видимому, ты слаб в танцах, раз уж настолько разочаровал своих прежних дружков! — спокойно ответил Плам, сделав незаметный знак Реасу — мол, не следует волноваться. — Наверное, те несчастные были жутко напуганы, раз они отказались от танцев!

На этот раз шутка попала в цель, и все в кабаке залились громким смехом. Понимая, что над ним смеются, Фериш Ага покраснел от гнева, но быстро взял себя в руки.

— Просто после танца со мной все они оказались мертвы или остались калеками на всю жизнь! — угрожающе рыкнул он. — Но ты не тревожься, нежное создание, я женщин, особенно красивых, не убиваю. Для них у меня найдутся более приятные развлечения. А ты… ты, детка, нуждаешься в стрижке, чтобы я мог увидеть твои нежные ушки. Салех, принеси острый кинжал! Не хочу повредить милое личико этого изящного создания!

И снова раздался взрыв грубого хохота…

Из-за стола шемитов поднялся низкий человек с большим носом и тонкими усиками. На его крысиной физиономии заиграла нехорошая улыбка. Салех вынул из-за пояса отточенный тонкий кинжальчик для бритья и ловким движением сдернул с лезвия ножны, оставив их на столе.

Плам выпрямился и сбросил с плеча руку шемита движением, незаметным даже и для глаза самого опытного воина. Ладонь Плама вытащила один из ножей из-за пояса ошеломленного противника, а левой ногой юноша резко ударил в подбородок приближающегося Салеха, так что тот опрокинулся навзничь. Тело противника рухнуло на покрытый соломой пол, как груда старого тряпья, а отброшенное рукой Плама лезвие воткнулось в деревянную столешницу.

За все это время ошеломленный Фериш Ага успел вытащить один из клинков из ножен лишь на полпальца и внезапно почувствовал острие другого своего ножа, приставленное к горлу. По огромному телу шемита пробежала дрожь — его жизнь была в руках Плама. Достаточно одного движения — и лезвие рассечет шейные жилы…

Лоб Фериша оросил холодный пот. В голубых глазах юноши, не дрогнувшего ни на миг, он увидел тень своей неминуемой гибели. Однако шемит был храбр и попытался не выказать страха, когда лезвие бритвы приблизилось к его лицу.

— Я же тебя предупредил, что перед танцами нужно побриться, — спокойно, с улыбкой, проговорил Плам. Он провел острым кинжалом по правой половине бороды Фериша, и жесткие волосы клочьями посыпались на дорогой колет.

— Но извини, я — не цирюльник. Один совет: танцуй только с мертвыми или с калеками, для других ты не годишься, — ледяным тоном сказал Плам и повернулся к учителю.

— Пойдем, Реас, здесь мне стало скучно! Выпив на одном дыхании свой стакан, Плам бросил серебряную монету изумленному трактирщику, повернулся и вместе с Реасом вышел из таверны.

Шумная уличная толпа давно поглотила обоих друзей, но оцепенение еще долго не отпускало свидетелей вышеописанной сцены.

Вперив недоумевающий взгляд в небрежно заброшенное на стол оружие, Фериш Ага

стоял неподвижно, как гранитный истукан. В углу с великим трудом пошевелился Салех, открыл глаза и попытался осмотреть обеденный зал таверны. Фериш Ага встрепенулся и обиженно засопел, глубоко вдыхая воздух. Он стряхнул отрезанные волосы со своей груди и ощупал изуродованную бороду.

— Вина! Вина для всех! Скорее, я хочу выпить!

Содержатель кабака бросился выполнять приказ. Фериш тяжелыми шагами вернулся к своему столу. Остальные шемиты подняли Салеха с пола. Крысоподобный шемит, будучи оглушенным, вертел головой и что-то несвязно лепетал.

— Клянусь задними округлостями Иштар, — прогремел бас оскорбленного до глубины души исполина. — Вот это был танец! Хотя, я почти не танцевал! — с неожиданно вернувшимся к нему хорошим настроением пошутил сам над собой предводитель пустынных купцов.

Никто так и не понял, почему Фериш Ага еще долго тихонько ухмылялся в жалкие остатки своей бороды, совсем недавно выглядевшей так великолепно и благородно…

Глава III
«Представление»

Сегодня ты увидишь настоящее зрелище, — заявил Богард. Двое друзей как раз выходили из «Пуповины». Яркое солнечное утро обещало хороший весенний день. — По-настоящему ярмарка начинается завтра, когда король Озрик даст сигнал к началу игр и соревнований. После этого государь осмотрит базар животных и сделает первую покупку. Как твоя грудь?

— Нет и следа от раны, даже шрам стал бледным.

— Прекрасно! Посему я считаю, что завтра ты можешь записаться для участия в соревнованиях в беге возле города.

— Будет ли у меня хоть одна возможность победить? Наверное, в соревновании примут участие очень хорошие бегуны.

— Каждый, кто не нал духом заранее, имеет свой шанс, — ответил Реас. — Всегда помни: ты рожден быть победителем! Даже если ты не окажешься в числе первых, для тебя это соревнование будет полезно.

— Как скажешь, Повелитель, — серьезно ответил юноша.

Богард внимательно посмотрел на Плама и не заметил ни малейшего намека на иронию.

— Когда-нибудь ты поймешь, почему определенные люди называют меня «Повелителем». Однако, прошу тебя — не обращайся ко мне так, это не нужно. Для тебя я — Реас Богард, твой друг.

— И учитель, и наставник, и пример для подражания!

— Ни в коем случае не надо пытаться подражать мне во всем. Мы с тобой совсем разные, и но стезе жизни мы идем разными путями. Наше счастье, что во многом мы взаимно дополняем друг друга и сейчас наши дороги ведут в одном направлении. Замечу, что я не смогу научить тебя всему на свете. Мир поможет мне найти тебе хороших учителей там, где я окажусь беспомощен.

* * *

Когда они дошли до ярмарочного городка, солнце уже перевалило на вторую половину небосклона.

По центральной улице протянулось странное и пышное шествие. Самый знаменитый немедийский цирк зазывал на свои предстоящие представления.

Крепкий толстый шут в одежде, сшитой из тысячи разноцветных лоскутов, громким голосом расхваливал умения своих друзей.

— Неповторимое представление с летающими акробатами, факир из Вендии — бесстрашный Рао, заклинатель королевских кобр, Бак — Безошибочный Глаз, царь клинка; великий слон Хоти, исполин джунглей — все они здесь! Приходите и смотрите собственными глазами чудеса в цирке месьора Булемеса! Железный Джума из страны Куш,

непобедимый борец! Кровожадные тигры из Дэла, телохранители самой Дэви Жасмины и еще многое другое!!! Только в цирке месьора Булемеса! Всего лишь за одну серебряную монету вы увидите все чудеса света!

— Зрелище стоящее, о нем я тебе говорил утром, — сообщил Реас.

В это время шествие проходило мимо двоих друзей. На спине огромного вендийского слона танцевала прелестная смуглая девушка.

На больших повозках, влекомых крепкими стигийскими волами, акробаты выполняли умопомрачительные гимнастические упражнения. Экзотические звери таращились на толпу из крепких клеток.

Шествие заканчивал огромный чернокожий мужчина в набедренной повязке из леопардовой шкуры.

Необъятно широкие плечи гиганта говорили о его исключительной силе. Он подбрасывал над головой железные гири, которые заставляли мускулы играть, подобно переплетенным змеям.

Даже Плам, давно привыкший к невероятному разнообразию ярмарки, поддался очарования представления. Богард заметил его улыбающиеся губы и горящие любопытством голубые глаза. Охваченный отцовской любовью и нежностью, обычно бесстрастный Реас промолвил:

— Ребенок! — в это едва слышно сказанное слово он вложил всю теплоту, которую испытывал к молодому славину.

* * *

Ближе к вечеру большой шатер месьора Булемеса был набит битком. Первое представление было самым важным, и здоровенные распорядители допускали ко входу только хорошо одетых посетителей с толстыми кошельками, богатых купцов и путешественников, которые разнесут весть о чудесах цирка по всему ярмарочному городу.

Один из стражей попытался преградить дорогу Пламу и Реасу, явно недооценивая их скромные на вид одежды. Властным жестом офирец остановил его. Встретив взгляд Реаса, служитель почему-то молча поклонился и пропустил их.

У входа в шатер сидел сам собственник цирка — седой достопочтенный господин в золотистом кафтане и маленькой золототканой шапочке.

— Мне нужно два кресла в ложе, — спокойный голос Богарда оторвал месьора Булемеса от созерцания кучки серебряных монет, лежащих перед ним.

— Дорогой гость, места в ложах стоят один золотой, и мест не осталось… Впрочем, остались места в королевской ложе, но… Это очень дорого. И ты не похож на короля.

— Король прибывает из Шадизара лишь завтра, — мягко возразил Реас и вынул из своего кошелька новенькие туранские золотые империалы. За одну такую монету (равняющуюся по весу и стоимости трем немедийским ауреям, ходившим в Заморе) человек мог бы купить боевого коня.

Нижняя челюсть маэстро отвисла от изумления, а рука его инстинктивно схватила золото.

— Для меня — честь принять вас, досточтимые месьоры! — учтиво приветствовал Реаса и Плама хозяин шатра. — В королевской ложе находится принц Моррог из Хаурана со своей свитой. Но для вас я непременно найду места!

Он сделал паузу, но пересилил себя и продолжил:

— И еще… — с явной внутренней борьбой владелец цирка вернул одну монету и зашарил в кучке монет перед собой. — Ты, уважаемый ошибся, вход не представление стоит за-морийский или немедийский, а отнюдь не туранский золотой!

— Твоя честность достойна уважения, — прервал его Реас, возвращая ему монету. — Такой поступок заслуживает награды!

На лице месьора Булемеса расцвела широкая улыбка. Он сразу же приказал своему распорядителю заняться достойными гостями — тот проводил Реаса и Плама до самой лучшей ложи, устланной красными коврами.

Центральное место в ложе уже было занято высоким худощавым мужчиной, одетым в пышные одежды, расшитые золотыми нитями. На его груди был вышит серебряный герб Хаурана — оскаленная волчья голова. Рядом с важным господином находились трое людей — один, по-видимому, советник, двое других — телохранители. Это и был принц Моррог — младший брат хауранской королевы Тарамис. За спиной Его высочества возвышался королевский страж-ликтор — громадный молодчик, на голову выше Плама. Рыжие борода и усы выдавали его северное происхождение.

При появлении новых зрителей в ложе, смуглое, слегка обезображенное длинным шрамом на левой щеке, лицо принца стало недовольным, но когда Моррог узнал во вновь прибывших своих соседей из «Пуповины», он улыбнулся и поприветствовал Реаса кивком.

— Ну, хозяин, начинаем?

— Да, Ваше высочество, сейчас же! — согнулся в раболепном поклоне Булемес.

Владелец цирка дал знак распорядителям и вышел на широкую арену. В шатре стало тихо.

— Дорогие гости, мы играем для вас! Представление началось с акробатических номеров, выступлений дрессировщиков собак и пантомим шутов. Бесспорное мастерство артистов вызывало бурный восторг среди публики.

Вскоре на арене появился Бак по прозвищу Безошибочный Глаз — мускулистый мужчина с темными щетинистыми волосами. За пояс у него были заткнуты десять ножей. Проворные помощники Бака повесили на стойку на другом конце арены деревянные круги величиной в человеческую ладонь. В центре каждого из кругов было нарисовано красное сердце.

Хозяин цирка снова вышел на арену и поднял руки, чтобы привлечь внимание публики.

— А теперь уважаемый Бак Безошибочный Глаз покажет вам свое искусство. Потом, в перерыве, каждый из вас может попробовать свою удачу в метании ножей! Участники платят по одной серебряной монете, независимо от проигрыша или выигрыша. Публика может делать ставки у распорядителей! И не забывайте — каждая десятая часть доходов — для цирка! Прошу тишины, достославнейшие обитатели Аренджуна и благородные гости!

Бак повернулся спиной к мишеням и заиграл мускулами. Постепенно посетители шатра стихли. Отрывистым движением, подобно нападающей змее, метатель клинков развернулся и, не прекращая движения рукой ни на миг, начал бросать ножи в цель. Первый из них еще дрожал в красном центре, когда последний ударился в полупальце от него в мягкое дерево.

Бурные овации потрясли шатер. Бак несомненно заслуживал свое прозвище.

— А теперь вам покажут что-то совершенно новое, невиданное, непостижимое! — взвыл распорядитель.

В дальнем конце арены поставили большой деревянный диск с десятью красными кругами вырисованными вдоль края диска. Перед Баком на небольшом столике положили десять метательных топориков. Один из помощников сильно завертел диск с помощью особого механизма на деревянных шестеренках. Знаменитый метатель ножей сосредоточился, подождал, пока шум в зале окончательно утихнет, и начал метать топорики в слившиеся в единое пятно красные круги.

Публика, как заколдованная ждала, когда же диск перестанет крутиться. От тяжести забитых топориков быстрота вращения деревянного колеса уменьшалась.

Когда диск окончательно остановился, стало видно, что Бак промахнулся лишь единожды. Невероятно!

Метатель поклонился публике. Его вознаградили бурными овациями.

Месьор Булемес пригласил зрителей помериться силами с Баком. Он напомнил всем о приглашении ставить на победителя. От ставок цирк выручал больше, чем от входных билетов.

В это время помощники начали натягивать над ареной канаты для акробатов.

…Появилось много желающих победить Бака в метании ножей. Многие из присутствующих купцов были хорошими бойцами, да и телохранители богатых торговцев не имели ничего против выиграть по несколько серебряных монет. Большинство из них без всяких трудностей попадали в мишени, но Бак всегда брал верх. Когда наплыв желающих иссяк и арена была готова для следующей части представления, месьор Булемес, собравший солидную десятину от участников состязания, снова призвал гостей к вниманию:

— А теперь — сюрприз для настоящих игроков: большой выигрыш! Если кто-то повторит достижение месьора Бака, против поставленного золотого он получит десять золотых! А если кто-то забьет все десять лезвий в колесо смерти, то получит вдвое больше! Делайте попытки, настоящие воины!

Публика смотрела и выжидала. По-видимому, желающих не было. Показанное Баком граничило с невозможным. И все-таки… Из королевской ложи к арене направился один из телохранителей принца Моррога. Среднего роста, с мускулистыми плечами и смуглой кожей, он не был похож на хауранца.

— Пикт Соро — победитель в метании ножей на предыдущей ярмарке, — сказал кто-то из публики.

Все начали делать ставки. Азартный до мозга костей принц Хаурана ставил на своего человека особенно много.

Пикт подал Булемесу золотую монету и снял покрытую серебром плетеную кольчугу. Потом он небрежно заткнул за пояс десять ножей и встал на место для метания. Публика завороженно притихла.

Магия ратного умения повторилась: ножи как заколдованные впивались в нарисованные сердца. Все, кроме одного. Предпоследний клинок ударился лезвием в самый краешек красного пятна, но не в его середину!

Разочарованные зрители шумно выдохнули. Вялые аплодисменты проводили неудачливого бойца. Слегка побледневший (по-видимому, он не привык проигрывать) Соро медленными шагами вернулся в ложу принца.

Хозяин как раз давал знак, чтобы распорядители собрали ножи для метания, а акробаты

начинали следующий номер, когда на арене появился Плам. Он снял свою накидку. Высокая атлетическая фигура, длинные русые волосы и красивое юношеское лицо взволновали зрителей. Славин подал Булемесу золотой и направился к столику с топорами. Разочарование публики было слишком явным — молодость Плама и огромная трудность исполнения номера обрекали его попытку на провал.

Никто не обратился к распорядителям, чтобы сделать ставки. Только в королевской ложе Богард и хауранский принц тихо обменялись несколькими репликами.

Внезапно волна удивления накрыла публику. Юноша поднял столик и перенес его на несколько шагов назад. Это уже слишком самонадеянно! Даже Бак Безошибочный Глаз покачал с сомнением головой.

— По одной золотой монете за русого парня, — прогремел мощный бас и все гости месьора Булемеса повернулись на голос. Громадный, гладко выбритый шемит размахивал туго набитым кошельком. — Я, Фериш Ага из Эрука, ставлю против каждого желающего! За этого белобрысого парня — один к пяти!

Около степного вождя сгрудились зрители и распорядители, чтобы принять его заклад. Если Плам проиграет (а его проигрыш очевиден!), то кошелек месьора Фериша станет намного легче. Но если чудо все-таки случится, то он выиграет в пять раз больше поставленного! Целое состояние!

Месьор Булемес поднял руки. Зал притих, гости затаили дыхание. Слуги начали крутить диск.

Плам застыл на миг, как прекрасная бронзовая статуя. То, что увидели зрители, было похоже на магическое чудо. У стройного юноши как будто выросли крылья; без напряжения и страха он бросал топорики в бешено крутившийся диск.

Дело кончилось быстро — времени на метание топориков ушло гораздо меньше, чем у Бака, недавно исполнявшего тот же номер. Деревянное колесо замедлило свое движение и остановилось.

Публика молчала. Многие не верили своим глазам — в центре всех десяти кругов торчали топорики. Каждый попал точнехонько в середину!

…И вдобавок ко всему, в центре диска торчал одиннадцатый топор, вынутый Пламом из-за пояса!

Шатер едва не обрушился от оглушительных аплодисментов, гости вскочили па ноги, чтобы насладиться триумфом никому не известного чужеземного юноши.

Месьор Булемес торжественно вручил Пламу кошелек с заработанными двадцатью золотыми монетами. Бак Безошибочный Глаз приблизился к мишени, осмотрел ее, не веря своим глазам, и, вытащив топор славина из центра мишени, с глубоким поклоном подал его Пламу.

Вторая часть представления прошла под знаком обсуждения невероятного исполнения юноши. Все были потрясены и взбудоражены. Ничего подобного и вообразить себе не могли эти пресыщенные всеми возможными зрелищами и представлениями гуляки.

Ни удивительные акробаты, ни выступления удивительных дрессированных хищников, никто и ничто — даже огромный и умный Хоти, слон из черной страны Куш — не смогли обратить на себя внимание публики.

Только лишь финальное выступление черного великана Джумы, показавшего гостям свою огромную силу, вызвало заслуженные аплодисменты.

Особенно радовались шемиты, сидевшие в одном из первых рядов. Несколько кошельков

золота, которые принесли заклады их предводителю, были хорошим выигрышем. Могучий кочевник радовался своему успеху, будто малый ребенок.

Похоже, он совершенно не держал больше зла на юношу, который не столь давно так неожиданно впервые явил ему свою силу и ловкость в таверне. Даже унижение, пережитое при всех приятелях никак не сказалось на этой открытой, широкой натуре.

Среди веселого гвалта при выходе из цирка выделился восторженный басовитый голос Фериша:

— Ну вот, теперь и я потанцевал! И как неплохо!

Глава IV
«Состязание в беге»

На следующее утро в двери комнаты, в которой жил Богард, осторожно постучали. После приглашения войти, на пороге появился улыбающийся владелец «Пуповины». — Доброе утро, господин! Я пришел от имени принца Моррога, чтобы пригласить вас на завтрак. Уважите ли вы его своим присутствием?

— Неужели принц сердит на меня из-за денег, которые проиграл вчера? — усмехнулся Богард.

— О, господин, весь город только и говорит о случившемся в цирке и о нашем молодом госте! Но десять проигранных золотых — лишь кайля в море для такого богача, как принц Моррог: его сестра Тарамис и Хауранское королевство не нуждаются в деньгах! Принц — очень великодушный и щедрый человек! Вчера вечером он расспрашивал меня о вас и пожелал познакомиться поближе, поэтому он и посылает вам приглашение сотрапезничать.

— Хорошо, Ванил, разбуди Плама!

— Молодой господин уже давно на ногах, мы разговаривали о состязании. Я передам ему, чтобы он присоединился к вам.

Завтрак прошел в сердечных и приятных разговорах. Принц расспросил Богарда о его путешествиях и тепло поздравил Плама с его потрясающим успехом в цирке.

Хауранец, с его благородными манерами и утонченным чувством юмора, был эталоном настоящего хайборийского воителя. Когда Моррог узнал о намерении славина принять участие в послеобеденном состязании в беге, то поднял кубок за успешный финал сего предприятия и пошутил:

— Теперь уж я знаю, как возместить вчерашние потери!

— Не особенно рассчитывайте на меня, Ваше высочество, — скромно проговорил Плам. — Я никогда не участвовал в соревнованиях. Я лишь самый обыкновенный охотник из Шема…

— О, значит, мы соотечественники! — восхитился принц. — Я, однако, думал, что ты родом из далеких северных земель, как Олаф из Ванахейма, — Моррог показал рукой на своего громадного рыжего телохранителя, стоящего за креслом. — Своими соломенными волосами ты похож на выходца из Асгарда, а такие же голубые глаза я видел только у киммерийцев.

— Мы потомки древних атлантов. В крови народов, о которых вы упомянули, тоже преобладает наследие атлантов, Ваше высочество!

— Как называется твое племя, юноша?

— Нас зовут славинами. Мы сродни козакам с реки Запорожка.

— Интересно… — задумался принц Моррог, — о козаках я слышал, но кто же такие славины?

— Ничего удивительного. Славины — небольшое племя, живущее очень уединенно. Если угодно, я могу рассказать о моих сородичах…

Моррог согласился и долго слушал повествование Плама о жизни в горах. Хмурый Олаф из Ванахейма молчал и бросал на Плама заинтересованные взгляды — видать, признал в нем

отдаленного сродственника.

* * *

В качестве почетного гостя принц должен был присутствовать на открытии ярмарки вместе с королем Озриком, а Плам хотел подготовиться к состязанию. Они договорились о встрече перед Львиными воротами, где начиналось состязание в беге.

В условленный час Плам и Реас были на площади перед воротами города. Вместе с ними начала соревнования ждали около сотни участников соревнований и их наставников. Славин удивился небольшому количеству участников. Реас объяснил, что преодолеть расстояние около пяти лиг не каждому под силу.

— Не спеши в начале, важно, чтобы ты был первым в конце. Непременно береги силы! И только, когда ты увидишь эту башню, — офирец показал на возвышающуюся вдалеке каменную башню, — тогда беги изо всех сил! Никому, кроме знаменитого Конана Киммерийца, не удавалось держаться первым от начала до конца пути!

— Кто этот Конан?

— Варвар. Четыре года назад он победил во всех соревнованиях и получил большой лавровый венок. Рано или поздно ты встретишь его. Хорошо, что сейчас Конан не здесь: ты еще молод, чтобы противостоять ему.

— Как наш бегун? — весело спросил появившийся принц Морог. — Ты готов, Плам?

— Вполне, Ваше высочество!

— Тебе будет нелегко. Больше всего ставок делают на Бонгу из Кешана — видишь высокого чернокожего бегуна? Многие поставили на Титоса из Мессантии, однако он слишком тяжел и скоро выдохнется. Король Озрик поставил на какого-то неизвестного стигийца Сотона. Конан Киммериец, оказывается, тоже здесь, но он не будет участвовать. Он упал, когда объезжал дикого коня для бегов, которые состояться на грядущей седмице. Теперь хромает, как старая ведьма!

— Боюсь, лаврового венка в этом году Конану не видать, — проговорил Богард.

— Лавры и слава не интересуют варвара. Я слышал, как он проклинает своих мрачных северных богов за то, что они отняли у него сегодня верные сто золотых. Между прочим, знаете ли кто был первым счастливчиком, у которого Озрик сделал первую покупку? Шемитский вождь Фериш Ага, который вчера очень успешно поставил на Плама в цирке. Конь, которого король купил у Фериш Аги, принес последнему двести золотых. Несравнимый хоршемишский бегун, достойный королевской конюшни!

— Фериш Ага заслужил свою удачу. Он отличный танцор, — пошутил Плам.

— Танцор? Не понимаю… — удивился принц.

— Я вам все объясню, Ваше высочество, — засмеялся Реас. — Желаю тебе успеха, сынок! Скоро начало соревнования, идемте!

Все друзья Плама отошли от участников и смешались с толпой зрителей, стоящих по обеим сторонам дороги. Статные заморийские стражи зорко следили за соблюдением порядка.

На высокой трибуне, специально построенной возле Львиных ворот разместился король

Заморы Озрик и его гости. Плам с удивлением заметил, что Богард находится на трибуне и Озрик дружески приветствует офирца. В очередной раз славин задал себе вопрос: кто таков его наставник?

Позади короля выстроились шестеро трубачей с огромными боевыми буцинами. По знаку старого Озрика был подан сигнал к началу, и гулкий ревущий звук наполнил площадь.

Бегуны бросились вперед.

* * *

С самого начала вперед вырвался высокий широкогрудый молодец. Толпа буйно приветствовала его. Это но всей видимости был Титос, атлет из Аргоса. Он легко обогнал полтора десятка прочих бегунов, среди которых был и Плам. Он знал, что если увеличит скорость, то легко догонит Титоса, но беспрекословно доверился своему наставнику.

Более четверти пути Титос оставался впереди, вырвавшись вперед на расстояние около трехсот локтей перед остальными. Б десяти шагах перед собой Плам видел высокую, худую фигуру черного Бонги. Сразу за ним бежал крепкий смуглый мужчина с бритой головой. Юноша предположил, что это стигиец Сотон, фаворит короля Озрика.

Плам побежал чуть быстрее, обогнал несколько бегунов и непосредственно приблизился к первым двум участникам соревнования. Он все еще не чувствовал усталости.

Уже виднелись стены старого Аренджуна. Половина расстояния была пройдена. У Титоса появились первые признаки утомления. Расстояние между аргосцем и равномерно следующими за ним Пламом, Бонги и Сотоном сократилось на сто шагов. Между ними вклинился низкорослый желтокожий мужчина, по-видимому, из далекого Кхитая. И через несколько сотен ярдов он уже обгонял Титоса.

Скоро и Плам поравнялся с бывшим лидером. Он заметил, что все тело аргосца сверкает от пота, и что Титос слишком тяжело дышит. Вскоре аргосец безнадежно отстал.

В этот момент Бонга попытался вырваться вперед, и Плам был вынужден догонять чернокожего. Башня, которую показал ему Реас, все еще была далеко, но славин не хотел отдавать преимущество стройному бегуну с Юга. Стигиец бежал, не выказывая видимых признаков усталости.

Когда они настигли кхитайца, последний сделал неимоверное усилие и снова вырвался вперед. Плам почувствовал, что ноги его слегка отяжелели.

Внезапно в Плама увидел башню с гордо развевающимся над ней флагом Заморы. Наступил момент для решительного броска. Собрав всю свою волю, Плам устремился вперед. Кхитаец отстал. Рядом Плам слышал прерывистое дыхание Сотона. Стигиец не отставал. Вместе они обогнали утомленного кешанца. Тот даже не сделал попытки сохранить преимущество.

Юноша попытался обойти последних соперников. Плам почувствовал острую боль, которая усиливалась с каждым шагом. Ноги отяжелели, как будто налитые свинцом. Мрачная паутина начала обволакивать его мысли.

А стигиец, словно бы несомый черной магией, не отставал!

Плам до крови прикусил губы. Он должен победить! Он был лучше, быстрее, чем

другие!

В голубых глазах славина разгорелся холодный огонь. Все его существо, дух, мысли, решимость устремились к одному — к победе! Это казалось невозможным, но Плам побежал еще быстрее. Львиные ворота, возле которых заканчивалось состязание, были всего в четверти лиги! Он должен победить! Должен!!!

Плам услышал болезненный вскрик — Сотой оступился, это выбило стигийца из равновесия, и он пошатнулся; не упал, не поранился, просто пошатнулся. Славин был уже впереди! Всего лишь в нескольких локтях, но уже недостижим! Воли стигийца к победе не хватило.

Под оглушительные крики зрителей Плам пересек финальную линию. Он двигался, как во сне. Славин так и не понял что вторым после него прибежал кхитаец, а Сотон, совсем выбившийся из сил, добрался до Львиных ворот третьим.

Восхищенные люди подхватили на руки победителей и с триумфальными криками понесли их к королевской трибуне.

Только когда Плам предстал перед королем, чтобы получить награду, он понял, что победил.

Он навсегда уяснил, насколько сладка и трудна бывает победа. Понял, что хочет побеждать. Понял, что может побеждать!

«Ты рожден для того, чтобы побеждать», — пророчески сказал Пламу Богард, и славин верил своему наставнику…

Глава V
«Чудесный скакун»

Как всегда, но давным-давно установившейся традиции, победители игр собирались на праздничную трапезу в самой известной гостинице города, носившую название «Корона и кровь».

Легенда гласила, что принц Селтрик, дядя нынешнего короля, во время одной из поездок по Заморе останавливался в «Короне», и с тех пор там собирались самые веселые компании, устраивали встречи не только титулованные особы, но и известные авантюристы со всего мира.

После триумфальной победы в беге Плам едва успел искупаться и немного отдохнуть, когда в «Пуповину» нахлынули весело настроенные посетители. Впереди всех, рядом с принцем Моррогом, шагал огромный Фериш Ага пребывавший в чудесном настроении. Сияющий от радости шемитский вождь не долго думая сжал в своих объятиях слегка растерянного и смущенного юношу.

— Ты принес мне удачу, парень, и какую! Клянусь именем Ханумана, в Шеме у тебя есть верный друг! Фериш Ага-танцор! — последние слова рассмешили всю компанию. Пламу не оставалось ничего другого, как засмеяться вместе с остальными. У победителей всегда бывает много друзей.

С шутками и прибаутками все направились в «Корону и кровь».

За длинным столом расселись принц со своей свитой, шемитский вождь, Реас и Плам. Скоро к ним присоединилась группа стигий-цев, среди которых был и восстановивший свои силы Сотон. Он молча пожал руку славину и сел в другом конце стола.

Кхитаец прибыл последним, сопровождаемый пышно одетым, невысоким соотечественником, который представился, как принц Ти-ег-ху из Меру, загадочного восточного королевства.

Имя атлета было Понг-йо и он не понимал хайборийского языка. Чужеземец скромно поклонился всем и тихо сел на предложенный ему стул.

Вскоре пенящиеся напитки и чудесные кушанья трактирщика развеселили гостей и развязали им языки.

Соблазнительные, вызывающе одетые девушки проворно доливали бокалы с вином и элем и заменяли пустые блюда полными. Подвыпившие гости бросали похотливые взгляды на красивых служанок, а те без всякого стеснения поощрительно улыбались. Веселье близилось к апогею.

Внезапно Плам, развеселенный чудесным темным элем и забавной, но не совсем приличной историей, рассказанной хауранским принцем, почувствовал, что компания притихла. Взгляды гостей были направлены на двоих только что прибывших незнакомцев, остановившихся возле их стола.

Один из них, невысокий, жилистый заморiец в светло-желтой тунике и изогнутой саблей па поясе, не производил особого впечатления, но его спутник… Он возвышался над всеми, как гора. Невероятно широкие плечи, говорящие о исключительной силе, громадная грудная клетка, огромные руки не удивляли — в «Короне» собрались отнюдь не заморыши.

Поражало мрачное, свирепое выражение на в общем-то красивом лице неизвестного. Пышная, достигающая плеч смолисто-черная грива обрамляла этот лик, прорезанный более светлыми шрамами, которые не обезображивали, а подчеркивали его мужественную твердость.

Несмотря на свое массивное телосложение, незнакомец не производил впечатления тяжести и неповоротливости. Наоборот, рельефные мускулы, натянутые, как пружина на баллисте, указывали на быстроту и энергичность.

Он был одет в дорогую аквилонскую кольчугу из сероватой стали, доходящую до тонкой, как у юноши, талии. На широком бака-рийском поясе висел длинный прямой меч, выкованный искусными оружейниками Шамара.

Незваные посетители осматривали пирующих, как волки-одиночки чужую стаю. Великан Олаф, ванирский телохранитель принца Моррога, ощетинился. Его рука незаметно легла на рукоять меча, когда громадный мужчина направился к ним легкой, чуть прихрамывающей походкой.

Жест ванира не остался не замеченным.

— Спокойно! — ироническая улыбка прояснила мрачное лицо гиганта. — Ваше высочество, позвольте мне высказать свои поздравления сегодняшнему победителю.

Не дожидаясь ответа хауранского вельможи, незнакомец продолжил, глядя на славина.

— Хорошее состязание, парень! Ты отлично бежал! Если бы я не повредил ногу, наверное, зрителям было бы куда интереснее!.. Я не ждал подобной выносливости от такого молокососа, как ты, поэтому и проиграл горсть серебра Шевитасу.

При последних словах маленький человек, стоявший рядом с черноволосым великаном выразительно похлопал по кошельку и скорчил довольную рожу. Этот комичный жест разрядил напряженную обстановку.

Плам выпрямился. Ситуация была очень деликатной. Его, победителя в беге, назвали молокососом. Однако в словах говорившего не было ни следа злобы или обиды. С удивлением Плам установил, что он почти одного роста с незнакомцем и что глаза, в которые он внимательно всмотрелся, такие же голубые, как и у него. Плам почувствовал в них несокрушимую силу, жизнь, власть и… скупую доброжелательность.

Плам пожал мозолистую ладонь, протянутую ему темноволосым колоссом. Славин испытал чувство, будто жмет руку гранитной статуе.

— Меня зовут Конан из Киммерии, — гордо заявил исполин. — Надеюсь, мы станем друзьями. Дружба скрепляется кровью или вином!

— Я Плам из Шема, — ответил юноша и дал знак, чтобы посадили вновь прибывших напротив него. — Вина! — приказал он, будучи главным «виновником» происходящего пира. — Пока что вина, — добавил Плам коротко и двусмысленно.

Гости вновь начали веселиться. Хорошее настроение охватило всех пирующих. Пир был великолепным и продолжительным.

Суровые воины, ученые мужи и аристократы доказывали, что быть первым на пиру и на войне — честь для каждого. Самыми выносливыми оказались Конан и Фериш Ага. Славин, остававшийся практически трезвым, заметил, что когда достойный шемитский вождь уже совсем неясно выговаривал слова, киммериец нисколько не пьянел.

Гости разошлись далеко за полночь. Некоторые из них уходили с пира на собственных ногах, однако многих уносили в носилках и портшезах, предусмотрительно запасенных опытным трактирщиком «Короны и крови». Ванир Олаф положил себе на плечо заснувшего

принца Моррога и вместе с Пламом и Реасом отправился к постоялому двору. Пикта Соро оставили под столом в корчме.

По дороге Реас, пивший меньше всех, повернулся и тихо сказал Пламу:

— Надеюсь, сегодня ты понял, сколь сладка победа и как хорошо быть победителем. Но запомни еще одну, более важную вещь: ты должен научиться и проигрывать! Обычно это гораздо труднее! Не один ты можешь быть победителем…

Славин запомнил эти слова. Он подумал о Конане и без лишних слов согласился со своим наставником. В первый раз в своей короткой жизни он встречал силу, против которой не мог бы выстоять. Против первобытной мощи голубоглазого варвара устоят немногие!

* * *

— Конан скоро придет. Киммерийцы держат свое слово, — Реас задумчиво погладил бороду. — Тебе будет интереснее осмотреть рынок для животных вместе с Конаном и Шевитасом, чем слушать мои теологические беседы со жрецами Ханумана.

— Наверняка! — бодро ответил Плам, — Я очень хочу осмотреть лошадей. Да и культ Ханумана меня не особенно привлекает. Странный и двуличный бог! Тьфу!

— А во что веришь ты?

— В тебя! — жизнерадостно засмеялся юноша. — Я не привержен какому-либо божеству. По-моему, бог должен быть мудрым, добрым, честным и могучим — как ты!

— Вот я и нашел себе поклонника! Нет, друг мой я — просто человек! Люди, обыкновенные люди дают силу богам. Но отложим разговор на эту тему до другого раза. Важнее, чтобы ты узнал больше о людях вокруг себя, а для богов есть время — целая жизнь.

— Я согласен с тобой. Например, о Конане я уже немного знаю. Но что представляет собой его спутник, Шевитас?

— Он — вор. Не удивляйся. Шевитас — король заморийских воров, а они — самые лучшие воры в этом мире. О Шевитасе, как и о Конане уже ходят легенды. Он не карманник, отбирающий последние медяки у стариков па базаре. Шевитас умеет читать мертвые языки, раскрывает тайны древних гробниц и манускриптов, выполняет важные заказы королей и могучих колдунов.

— Конан тоже вор? Как Шевитас?

— Когда-нибудь он сам расскажет тебе истину о себе… Если захочет. Киммерийцы — молчаливый и суровый народ. Не имеет значения, каким был человек, важнее, каков он сейчас. А еще важнее, каким он станет. А Конан…

— У Конана в голове скачет табун одичавших заморийских ослов! — прогремел могучий голос киммерийца. Несмотря на вывихнутую ногу, они вдвоем с Шевитасом бесшумно приблизились к столу. — Кром и сталь! Клин клином вышибают! Вина, хозяин, быстро вина! И побольше!

Во время обильного завтрака варвар успел осушить несколько больших кубков и успокоить хаос в своей голове.

— Вчера был славный пир! И ни одной разбитой башки! Вот что значит оказаться в достойной компании, — отрыгнул довольный Конан. — Хорошо, что мы легли рано и

вовремя проснулись. Сегодня я буду покупать коня. На следующей седмице большие скачки, а я непременно хочу поучаствовать!

— Думаешь выиграть новый лавровый венок?

— Слава не влечет меня. Не везет мне в последнее время, кошелек совсем отощал.

— Если нуждаешься в дружеском займе…

— Нет, для такого дела всегда рядом Шевитас. Конан всегда возвращает свои долги, иногда даже с лихвой. Перепробовал я много ремесел, но не разбогател, Тебе, Богард, могу довериться. Я принес вот это. — Конан вынул из пояса перстень с самоцветным камнем и подал его офирцу.

— По-твоему, сколько это стоит? Можно ли его быстро продать?

Богард внимательно рассмотрел камень на перстне. Задумался. Погладил бороду и вернул перстень Конану.

— За эту вещь Юнгир-хан, сатрап Замбулы, отсчитает тебе тысячу туранских золотых. Его супруга Нефертари даст тебе вдвое больше. Королева Офира Нивея заплатит в золоте столько, сколько весишь ты сам. Но все трое прикажут тебя убить. Эта вещь бесценна и смертельно опасна.

— Но что делает этот перстень таким ценным и опасным? Он случайно не волшебный?

— Ты, Конан, не хуже меня знаешь ценность перстня. Он не принадлежит нашему миру и убил больше людей, чем бури в море Вилайет за долгие тысячелетия. Перстень принес больше несчастий, чем Сет-Змееног. Это Звезда Хораллы!

Конан молчаливо переглянулся с Шевитасом. Слова Реаса, по-видимому, смутили его. Маленький вор лишь пожал плечами.

— Дай мне совет, мудрец. Я знал, что это — Звезда Хораллы и что это ценная вещь. Но остальное… С тех пор, как перстень достался, меня удача покинула. Опоздал на бега, моя лошадь пала, а вчера я упал с коня. Все мои товарищи мертвы. Помоги мне, Реас!

— Хорошо, я помогу тебе, варвар. С последней нашей встречи ты очень изменился. Неужели ты начал бояться магии и чернокнижников?

— Я не люблю магию, однако не боюсь никого и ничего! В мире нет ни единого колдуна, которой не боялся бы крепкой стали!

— Но что значит сталь без руки, которая ее держит, и воли, которая ею управляет? Не будем спорить. Сколько дают тебе ювелиры?

— Двести заморийских монет! Всего лишь двести! А мне действительно нужен хороший конь, есть у меня и несколько долгов…

— Естественно от азартных игр! Ну ладно, я знаю человека, который даст тебе куда больше. И избавит тебя от проклятого перстня.

— Кто этот благодетель? Говори, кто он, а то камень горит у меня в руке!

— Это я. Вот тебе двести туранских империалов — это в десять раз больше, чем дают тебе аренджунские ювелиры. И прими это в подарок, — мудрец подал Конану скромный серебряный перстень. — Он убережет тебя от неудач.

— Я благодарен тебе, Богард. Забирай Звезду Хораллы — она твоя, — Конан надел на палец серебряный перстень. — Не могу сказать точно, кто ты такой: переодетый король или сошедший с неба бог, но ты — честный человек! Я в долгу у тебя, а слово одного киммерийца весит больше, чем это золото!

Варвар с удовлетворением повесил тяжелый кошелек на пояс.

— Обещанное не забывается. Заботься о моем воспитаннике и не вовлекай его в свои

пороки! Ты можешь научить его более ценному, чем азартные игры и женщины! Желаю вам приятной прогулки. Прощай, Шевитас, береги себя!

— Чудесный тип этот офирец, но любит читать мораль. Какие развлечения могут быть у мужчины, кроме азарта, женщин и вина? — прокомментировал Конан, когда они вышли на улицу. — Нельзя жить без удовольствий! Чем еще заменишь пенящееся зингарское вино, прелестную немедийку или же игру в кости с Шевитасом?!

— Наверное, кислым немедийским вином, нечистоплотной заморийкой и проигрышем в тарок у наивного Шевитаса, — пошутил вор.

— Не покривлю душой, и такое случалось. Но как же еще можно развлечься?

— Может быть, битвами, охотой, путешествиями? — предположил Плам.

— Это будничная работа, а не удовольствие! — серьезно ответил Конан.

— Как давно ты знаком с Богардом? — сменил тему юноша.

— Очень давно, — лаконично ответил Конан.

— А почему его называют Повелителем?

— Разве ты не знаешь?

— Нет!

— И я не знаю!

— Не шути, Конан! Для меня важно узнать побольше о Реасе Богарде!

— Я и не шучу. В самом деле, не знаю, почему он получил это прозвище. Но узнаю! Кром терпелив.

— А кто этот Кром?

— Кром — бог киммерийцев. Мои бог. Бог-кузнец и бог-воин, который открыл нам тайну стали, — серьезно ответил Конан. — Я не часто обращаюсь к нему за помощью и приношу жертвы, но Кром на меня не сердится.

Из одного шатра Шевитас вывел крепкого немедийского жеребца. К седлу были приторочены дорожные сумки.

— Куда ты повел лошадь? — удивился киммериец.

— Мудрец распрощался со мной, ты разве забыл? — загадочно усмехнулся заморiец. — Шатер и слуг я оставляю тебе.

— Уезжаешь!? Почему?..

— Ты отказался поддержать меня. Сделаю дело и сам.

— Я не могу тебя задерживать, Шевитас. Желаю тебе успеха. Но сначала верну тебе долг! Теперь я богат!

— Там, куда я направляюсь, есть гораздо больше золота, чем здесь… Мне деньги не нужны, варвар. Прощай, друг! Если окажешься раньше меня в Чертогах Отдохновения, выпей море вина за нашу дружбу!

Шевитас вскочил в седло и пришпорил коня.

— Пусть Эрлик хранит тебя, мой друг! — прокричал вслед ему Конан и повернулся к Пламу, сказав: — Ненавижу расставания! Шевитас — мой настоящий друг вот уже много лет. Но откуда Богард узнал о его отъезде?

— Богард знает многое. Наверное, он великий жрец или волшебник? — предположил славин и вопросительно посмотрел на огромного варвара.

— Я издалека чувствую таких людей, поскольку они доставили мне много неприятностей. Нет, Реас — это что-то другое. Отец учил меня, что никому на этом свете не следует чрезмерно доверяться. Ни мужчине, ни женщине, ни зверю, но только холодной

стали — Конан ласково потрогал свой широкий меч. — Богарду я доверяю. Между прочим, почему ты не взял с собой клинок? Воин не расстается с оружием, даже когда спит!

— Я пока не научился обращаться саблей или мечом, Конан. Мое оружие — это легкое копье и метательный топор.

— Побрякушки для детей! Они хороши лишь для охоты и незначительных схваток. Я превращу тебя в настоящего бойца — ты будешь владеть мечом, алебардой, тяжелым боевым топором. Если тебе понравится оружие, достойное мужчины, покажи мне его! Я хочу сделать тебе полезный подарок, пока все еще богат!

— Сегодня мы будем осматривать базар животных. Тебе нужен конь. Другое может подождать.

— Какую породу коней ты предпочитаешь? Пуантенских, зингарских, бритунийских?

— Точно не знаю. Я не разбираюсь в лошадях. В горах мало пользы от скаковых лошадей. Я езжу верхом всего лишь несколько дней.

— Сосунок! Настоящий молокосос! Не умеет драться настоящим оружием, не умеет ездить верхом! Но зато может бегать, и как быстро! Слышал я и о твоих подвигах в цирке старого Булемеса. Отличное достижение! Того и гляди, ты заставишь меня попотеть во время состязаний по метанию в цель.

С подобными шутками и задорными разговорами новые друзья дошли до базара для животных.

Что только там не продавали! Экзотические поющие птицы, говорящие попугаи, обученные охоте орлы, соколы и ястребы. Дрессированные обезьянки, всевозможные породы собак и кошек, хищники в клетках.

Разнообразие домашних животных было значительно большим. Начиная от небольших петухов и куриц из Кхитая и Меру, огромных страусов, чьи перья ценились особенно много в странах Запада, птичье царство было представлено и почтовыми голубями, полезным средством сообщения, и гусями, индюшками, утками. Далее следовали загоны с прекрасными тонкорунными овцами, коровами, волами, свирепыми быками и верблюдами из земель Шема, Хорайи, Гиркании, Стигии и Турана.

Самым пышным и посещаемым был центр ярмарки — Конный базар. В хайборийскую эпоху конь был источником мяса и молока, движущей силой мельниц и крутящихся колес для поливки огорода, средством передвижения, войны и состязаний.

Конница, как основная боевая единица, часто решала исход боев в постоянных войнах. Клички знаменитых коней становились легендарными, наряду с не менее знаменитыми именами их всадников.

На Конном базаре в Аренджуне можно было купить самых различных коней. От низкорослых, выносливых киммерийских пони, проворных, как горные козы, до громадных тяжеловозов из Турана, способных тащить на себе целые горы.

Особенно большим спросом пользовались быстроногие бегуны и боевые жеребцы, столь ценные для тяжелой кавалерии.

Споры о качествах и недостатках различных пород продолжались веками. Но все придерживались одной мысли: самые выдающиеся качества принадлежали лошадям асгалунской породы. Быстрые, как ветер, выносливые при продолжительной езде, очень разумные, привязанные к хорошему хозяину — все это делало животных данной породы непревзойденными.

— Клянусь молотом Крома, ни единого подходящего жеребца! — злился Конан.

По-видимому, киммерийский искатель приключений понимал толк в лошадях. Он внимательно проверял зубы, ноги, копыта, ощупывал мускулы на спинах и шеях избранных животных, но у каждого находил какой-нибудь недостаток.

— Почему ты не откажешься от конного состязания, ведь теперь ты богат! — заметил Плам.

— Еще немного деньжонок не помешает. Настоящему мужчине денег в кошельке и женщин в постели никогда не хватает! Я пропустил, к твоей радости, бега, в стрельбе с луком не смогу победить — терпеть не могу луки!..

— Как ты выиграл лавровый венок на прошлогодней ярмарке?

— Я выиграл в борьбе и в таскании тяжестей. Был вторым после малыша Соро из Пиктской пустоши в метании оружия в цель. Не было удачи, понимаешь! Я закончил третьим на скачках — тогда я ездил на чудесном афгульском коне. Но важнее всего была победа в поединках с боевым оружием — она приносит самую большую денежную награду: триста золотых!

— Слушаю тебя и думаю, что мое участие в играх наверняка закончилось! — с сожалением констатировал Плам.

— Ты еще очень молод! — объяснил Копан. — Если бы ты хорошо ездил верхом, твой небольшой вес был бы тебе на пользу — легкому всаднику проще победить. Разумеется, при условии, что у тебя будет хороший конь! Кстати, ты можешь пробовать себя в соревнованиях по метанию копья в цель.

— Наверное, попробую, — согласился славин. — Но смотри, мы дошли до лагеря шемитов. Вот и наш друг Фериш Ага.

Перед одним из самых больших и самым лучшим загонов па всем базаре, громадный шемит вел ожесточенный торг. Фериш Ага громогласно расхваливал пестрого эрукского скакуна. Покупатель, тщедушный гирканец с обветренным умным лицом, с горбатым носом, одетый в пестрый халат, молчаливо слушал шемита.

— Посмотри, уважаемый! — орал Фериш Ага, — Конь изящен, как талия Деркэто, пойми, степная твоя башка! Для него, видите ли, пятьдесят золотых — это много! Достойны ли пятьдесят ничтожных золотых этого божественного жеребца, который может принести славу всему твоему племени?! Ты можешь получить почти бесплатно коня, достойного самого короля Заморы Вчера король Озрик заплатил в пять раз больше точно за такого же скакуна! «Шемский гром», гордость Асгалуна, украсил королевские конюшни!

— Я не король и этот конь — не асгалунец! — упорно торговался гирканец. — Двадцати золотых вполне достаточно!

— Пусть Эрлик заберет твою ростовщическую душонку как можно быстрее! Не гневи богов, степняк! За двадцать монет покупай вороного кофийца, это хороший конь. Служил верой и правдой десять лет…

— В последний раз говорю — двадцать пять! — буркнул покупатель.

— Наглый вымогатель! Ты хочешь довести меня до нищенской сумы, сын пустынного стервятника и акулы! Из-за данного мною обета быть терпеливым и благородным, я делаю тебе последнее предложение: двадцать семь заморийских золотых и ни медяком меньше!

Внезапно Фериш заметил две высокие фигуры, остановившиеся возле загона. Шемит сразу узнал Конана и Плама и чрезвычайно им обрадовался.

— Дорогие гости! Какая радость увидеть достойных людей среди этого сброда! — он снова повернулся к гирканцу и выпалил: — Мое сердце обливается кровью, скупец, но ради

моих друзей принимаю разоряющее меня предложение о двадцати шести золотых!

Без дальнейших разговоров шемит оставил своего помощника оформлять сделку. Вскоре трое друзей уже осушали стакан за стаканом охлажденного пуантенского вина в большом шатре хозяина.

— От такого торга человек быстро теряет силы и должен наверстать упущенное! — авторитетно пояснял Фериш Ага. — А вы вспомнили наконец-то о старом боевом коне!

— Скорее боевом слоне! — усмехнулся киммериец, — если будешь продолжать обжираться и непрестанно пить вино, то скоро никакой конь не сможет выдержать твою тяжесть!

— У нас, шемитов, хорошие кони! Самые лучшие! А ты, о самый выдающийся трезвенник из всех варваров, нашел ли то, что искал?

— Увы, не везет мне! Я перетряс весь базар, как пьяница пустой кошелек перед последней открытой корчмой. Ничего! Не рождаются в последнее время хорошие кони!

Не кони, киммериец, не кони! Ты стал очень тяжелым с этой горой мускулов! Прошло твое время кататься на скаковых лошадях, Копан! Подбери себе лучше крепкого тяжеловоза!

— По-видимому, ты прав, о, стройный тополек! И все-таки, я желаю посмотреть вон на того рыжего дьявола, который вчера…

— Ты и на другую ногу хочешь охрометь, друг?! Вы, горные жители, плохие наездники! Этот конь не для тебя. Судьба определила его другому воителю!

— И все же я попробую, хорошо?! — настаивал Конан.

— Хорошо, но при одном условии, — шемит серьезно посмотрел на варвара.

— Говори, король торгашей! Цену что ли набиваешь? Тебе не хватает ста золотых, о которых мы вчера договорились?

— Говорю тебе, Конан, этот жеребец не для тебя. Мое условие вот какое: давай подкрепимся еще одним кубком вина. Па трезвую голову грех говорить о торговле! Салех, мой доверенный, со вчерашнего дня ищет для тебя какое-то чудовище, способное нести на своем горбу столь огромного киммерийца!

Конан в ответ только покачал головой.

* * *

В самой середине загона стояли асгалунские жеребцы. О конях легендарной породы заботились особо.

В первый раз Плам увидел столько красивых коней вместе. Его внимание привлек рыжий трехлетний жеребец с белой звездой на лбу. Благородное животное нервно следило за приближающимся к нему киммерийцем. Конь прижимал уши и скалил ровные белоснежные зубы.

— Какой красавец! — Конан отдернул протянутую руку. — Животное с характером. Помнит вчерашний удар плетью. Я не возьму его, Фериш. Будет хорошо, если твой доверенный найдет для меня более спокойного коня.

— Жеребец еще очень молод для скачек… Славин стоял, как зачарованный. Тонкая нить некоей таинственной силы, которая с каждым прошедшим мигом становилась все крепче,

связывала его с рыжим бегуном.

Конь притих. В его глазах угасли яростные огни, и их заменила манящая мягкость.

Опытный купец сразу заметил взгляд Плама. Он положил тяжелую десницу на могучее плечо киммерийца, и когда тот обернулся, то шемит знаком показал ему на Плама и приложил палец к губам. Вдвоем они стали свидетелями странной сцены.

Плам медленно приблизился к животному. Асгалунец тянул его к себе, как магнит. Не отрывая взгляда от глаз коня, юноша положил руку на его шелковистую шею. И — о, чудо! Злобный и буйный конь фыркнул и потерся атласной гривой о руку славина.

— Я это знал! — тихо, с уважением промолвил шемит. — Я же тебе говорил, северный медведь, что этот конь не для тебя!

Конан понимающе кивнул головой. Варвар все понял. Молодой славин и рыжий жеребец были предопределены один другому.

— Кром! — сорвался с уст Конана невольный возглас восхищения. — Какая пара!

Застывшие, как скульптура гениального ваятеля, человек и конь были великолепны. Идеальные пропорции и огненная грива асгалунца и стройная фигура славина со свободно падающими на мускулистые плечи светлыми волосами, слились в единую гармоничную композицию.

— Я нисколько не преувеличу, если скажу, что они исключительно подходящая пара, — сказал Конан.

Как будто очнувшись от глубокого сна, Плам обернулся. Жеребец положил голову на его плечо. Он не хотел расставаться.

— Продаешь этого коня, Фериш Ага?

— Продаю все, мой молодой друг, все, кроме своей чести!

— Просто еще никто не предложил тебе и пробитого медного гроша за нее! — пошутил Конан.

— Сколько он стоит? Я не опытен в торгах и в деньгах, и все же я хотел бы купить этого жеребца.

— Этот конь дорогой, очень дорогой! Король Озрик платил за его родного брата двести золотых.

— Я не король, — неуверенно сказал Плам, припоминая недавний торг с гирканцем.

— Великая Иштар, мать дураков, он не разбирается в торгах! Вчера только дружбы ради с этим лесным медведем я был готов подарить ему коня за сто золотых, а сегодня…

— Сегодня ты получаешь их, — Конан засунул руку в туго набитый кошелек. — Сегодня счастливый день для меня, я могу сделать дружеский подарок этому сосунку!

— Конь не продается, — был категоричен шемит.. — Только если… — он заколебался.

— Старая гиена, жалкий торгаш! Забирай сто блестящих, тяжеленьких золотых кругляшков, и я подарю парню игрушку.

— Коня никто не дарит, кроме как владетель! — отрезал шемит. — Коня покупают!

— Или его крадут! — дополнил Конан, угрожающе поводя могучими плечами.

Плам с тревогой наблюдал за спором огромных мужчин. В первый раз в своей жизни он страстно желал приобрести понравившуюся ему вещь, и возможность не получить желаемого пугала его.

— Я могу дать и больше ста золотых! — вмешался в спор Плам. — В «Пуповине» у меня есть золото!

— Мальчишка! — презрительно прервал его шемитский вождь. — Самое сладкое в

сделках — это торг! В «Пуповине» мы обмоем твое новое приобретение, если примешь мои условия.

— Скажи их, Ага!

— Первое и самое важное — это то, что я сам дам имя коню. Выживший из ума король Озрик назвал его брата Шемским Громом! Это глупо! Плохое имя для коня, а тем более для асгалунца. Второе условие — я хочу, чтобы ты не торговался о цене, которую я определю. Мы все-таки друзья.

— Для торговли не подходит понятие «дружба»! — вставил киммериец. — Но если этот бессердечный шемит захочет слишком много, то кошель Конана-киммерийца всегда к твоим услугам, Плам!

— Я согласен, Фериш! Есть что-то в этом прекрасном животном такое, что заставляет меня думать, что мы с ним крепко связаны.

— Цена… Огненного Танца — одна серебряная монета. — Для тебя, самого лучшего танцора! — подчеркнул Фериш Ага, радуясь удивленным физиономиям своих друзей. Но за седло и сбрую заплатишь дополнительно два золотых, — серьезно добавил он.

Глава VI
«Дуновение Мрака»

Вдалеке от шумного города, среди зеленых заморийских равнин воздух был прозрачным и освежающим. По зеленой степи ехали трое всадников, направляясь на юго-восток.

Плам, довольно неуклюже сидящий в седле на великолепном рыжем жеребце, чувствовал себя великолепно. Умное животное чувствовало, что носит на своей спине неопытного всадника, и легкой рысью разминало онемевшие от принудительного стояния в загоне мускулы. Плавная, как грациозный танец, рысь коня была истинным удовольствием для славина. Его спутники ехали верхом справа и слева и давали цепные и своевременные советы. Фериш Ага сидел на здоровенном пегом хоршемишском скакуне, а Конан красовался на своем новом приобретении: громадном аквилонском боевом коне вороной масти. Из-за злобного нрава и тяжелого характера хитрый Салех выторговал коня за бесценок у немедийского торговца.

— Ну как, Конан, ты доволен своим Зверем? — спросил шемит. Верный своей дикой натуре киммериец окрестил коня выразительным именем — «Зверь».

— Для битвы и продолжительного похода копь подходит как нельзя лучше! Смотри, даже не вспотел после долгой прогулки. Но, боюсь, для скачек он не подойдет.

— Взяли мы свое уже от скачек! — печально констатировал Фериш Ага и похлопал по своему круглому животу.

С каждой пройденной лигой Плам чувствовал, что взаимопонимание между ним и Огненным Танцем возрастает.

Он страстно желал опустить поводья и полететь, как вихрь, по равнине, однако знал, что все еще недостаточно опытен для этого. Ему не хотелось ударить в грязь лицом перед своими спутниками. Впрочем, Плам достиг определенных успехов, и даже взыскательный киммериец похвалил его:

— Если и дальше так будешь продолжать, то сможешь подготовиться к состязанию.

— Одни состязания у тебя в голове, Конан! — укорил его Фериш Ага. — Рано ему еще! При столпотворении на старте прочие наездники могут поранить и парня, и Огненного Танца. Это дорогой жеребец, стоит целый серебряный грош, — засмеялся шемит. — Я и так никому не смог бы продать это животное, дикое, как леопарды из Дарфара. А посмотри на него сейчас: кроток, как перепивший ва-нир под бочкой с вином!

Плам был удивлен и глубоко признателен за Феришу за подарок, который преподнес славину опытный торговец. За Зверя шемит торговался больше часа, люто проклиная варвара, самого себя и родословную всех коней на свете. В конце концов Фериш, получив условленную сумму от Конана за коня, начал торговаться за красивое плетеное покрывало из металлических нитей, с которым боевой конь в сражении становился трудно уязвимым.

Одетый в полное боевое снаряжение, громадный жеребец был похож на вышедшее из легенд мифическое чудовище. Юноша представил себе могучего Конана на коне в позолоченной броне, в шлеме со страусовыми перьями, с длинным копьем, на котором развевается знамя — знамя с вышитым золотым львом!

Видение было настолько ясным, что Плам был убежден, что рано или поздно оно станет

реальностью. Варвар — король? А почему бы и нет?!

Но почему они потеряли столько времени в торгах? Славин, изнывающий от нетерпения испытать своего коня, должен был подождать пока Конан и Фериш отметят сделку, а потом выпьют еще по стаканчику за торговлю и весь конский род, приносящий шемитам исправный доход. Следующий тост был, конечно, за здоровье всадников. Почтили вином и благосклонных богов, нельзя было пренебречь и именем доброго короля Озрика, хозяина ярмарки. Когда Плам совсем уже было отчаялся, что легкое угощение, предложенное пустынным вождем, перерастет в буйную гулянку, подобную вчерашнему, Фериш Ага поднял бокал с последним тостом: за дружбу. Этот тост особенно понравился юноше. У изгнанника из затерянного в горах племени неожиданно появились настоящие друзья!

Погруженный в свои мысли и воспоминания, Плам невольно отпустил уздечку коня. На душе у него стало легко. Ему захотелось полететь, полететь, как вольная птица над обширной равниной, слить сердце с пространством и временем. Он ударил пятками по бокам скакуна.

Благородное животное тотчас же угадало желание хозяина. Плавно ускоряя ход, оно пустилось вперед. Только когда конь набрал полную скорость, славин понял, что значит настоящий полет. Асгалунец понесся, как ураган, гладко и без всякого напряжения. Юноша почувствовал, что душа ого сливается с душой Огненного Танца, а тело приобретает новые навыки и опытность. Конь и наездник летели над спокойными травами. Летели!

Когда Конан и Фериш хотели остановить Плама, славин и рыжий жеребец были уже далеко впереди, опьяненные свободой и скоростыо. Даже громкий предупредительный крик могучего киммерийца не смог его догнать:

— Остановись! Солнце заходит! Впереди Мрачный лес!

* * *

Кто и когда назвал столетний лес, поднимающийся в двадцати лигах к востоку Аренджуна и простирающийся вплоть до высокого плато Кезанкийских гор, Мрачным, люди не знали.

Может быть, название шло от глубоких теней, которые отбрасывали огромные деревья даже и в самый солнечный день. Лесные великаны возвышались на сотни ярдов. Толстые поваленные стволы мертвых деревьев делали лес труднопроходимым.

Даже самые решительные дровосеки осмеливались заходить только на окраину леса и спешили возвратиться домой прежде, чем наступят сумерки. Путники через Мрачный лес не ездили: караванные пути проходили на севере и юге от мрачных чащоб.

Иногда заблудившиеся путешественники пытались исследовать мрачные дебри, но люди исчезали в лесу бесследно.

Много лет назад король Терсик, отец нынешнего правителя Озрика, послал когорту солдат во главе с опытным офицером и искусными пограничными следопытами, чтобы они разгадали тайну леса.

Спустя седмицу в окрестностях чащи дровосеки наткнулись на бесцельно скитающегося солдата в иссеченных доспехах.

Несчастный потерял рассудок и бредил о неких кошмарных видениях. Остальные

солдаты попросту исчезли. Таинственный лес взял очередную кровавую дань.

Немногие верили в то, что пять лет назад маленькая шайка заморийских воров во главе с Шевитасом отправилась вглубь леса, искать невиданное сокровище. Молодой Конан Киммериец якобы тоже участвовал в этом предприятии. Из этой безумно смелой экспедиции вернулись только Шевитас и киммериец, причем с пустыми руками. Что они видели в лесу и куда исчезли их товарищи, варвар и вор никогда никому не рассказывали. Лес ревниво оберегал свои тайны.

В безлунные ночи, возле лагерных костров, шепотком, осторожно оглядываясь, старые сказочники, гадатели, знахари или путешествующие заклинатели таинственно рассказывали напуганным слушателям притчи об ужасах Мрачного леса.

В этих рассказах обширные леса описывались как прибежище давно исчезнувших монстров и чудовищ. Огнедышащие драконы, исполинские тигрольвы, гигантские змеи-душители, летучие мыши-вампиры Молоха с тридцатифутовыми крыльями. Одно из последних святилищ Иргал Сага, канувшего в забвение бога животных, якобы тоже находилось в Мрачном лесу, и сам бог иногда навещал свои языческие храмы.

Во многих рассказах лес описывался как обиталище злых сил. Вурдалаки, оборотни, вампиры и упыри населяли притихшие дубравы; на залитых лунным светом полянах проводили полуночные оргии лесные русалки и феи; из таинственных болот и трясин выползали мерзкие болотные демоны, гидры и базилиски. Злобные лесные духи, огромные вонючие тролли и каменные великаны обходили свои мрачные владения; могучие колдуны, отрекшиеся от мира людей, варили свои магические зелья в глубоких пещерах.

Иногда даже Огнемрак, самое ужасное творение Тьмы, потрясал леса своими неуклюжими тяжелыми шагами.

Что было правдой в этих легендах, а что нет, никто не знал. Но определенно Мрачный лес не являлся местом для отдохновения одиноких усталых путников — в этом были единодушны все рассказчики.

Вот почему Конан и Фериш Ага пришпоривали изо всех сил своих коней. Но скоро они поняли, что шанс догнать молодого славина ничтожен. Огненный Танец несся вперед, будто вихрь. Постепенно жеребец шемита начал показывать видимые признаки усталости.

— Разожги костер па самом высоком холме! Большой костер! — прокричал Конан. — Пусть он будет виден даже на небесах, в чертогах Митры! В лес не заезжай!

Пришпорив громадного жеребца, чье металлические покрывало отражало последние солнечные лучи, варвар исчез вдалеке.

— Хоть бы мальчик свалился с коня, прежде чем доберется до леса, и пусть Иштар придет ему на помощь! — воскликнул шемит и направил коня влево, к высокому, заросшему низкими деревьями и кустами, холму.

* * *

Плам и Огненный Танец продолжали свой полет по притихшим полям. Создавшаяся между человеком и конем гармония наполняла их счастьем. Так чувствуют себя дети, сделавшие первые шаги и не упав при этом, когда они осознают, что мир принадлежит им.

Увлеченный этим волшебным полетом, всадник не заметил в наступающих сумерках леса, быстро встающим перед ним, как темная крепостная стена. Только когда копыта коня застучали по хорошо утоптанной лесной дороге, Плам пришел в себя и, натягивая поводья, придержал коня. Он осмотрелся и в скудном свете увидел, что уже едет не в поле, а въехал в высокий лес. Плам бросил взгляд за спину и увидел последние кроваво-красные отблески заходящего солнца. Юноша вздрогнул от внезапно охватившего его дурного предчувствия. Он вспомнил другой кровавый закат солнца, пять трупов, одиноких коней, боль и смерть…

Вдруг Плам устыдился. Его друзья, которых он так легкомысленно оставил на равнине, наверное, уже беспокоились о нем. Он уже поворачивал Огненного Танца, когда из мрака появилась огромная бесшумная тень и с ужасным сиплым писком бросилась сверху на всадника. Реакция коня была настолько неожиданной, что Плам едва не выпал из седла, когда благородное животное резко подпрыгнуло и рванулось вперед. Несмотря на мгновенную реакцию коня, славин едва успел крепко ухватиться за шею жеребца. Тень преследовала их с методической настойчивостью, и Плам чувствовал ветер, поднимаемый гигантскими крыльями. Огненный Танец петлял в лабиринте дорожек.

Всадник доверился чутью коня, заставив его мчаться вскачь между толстыми стволами деревьев. Но Плам совершил непростительную ошибку — он поднял голову в попытке понять, где находится. В темноте ничего не было видно. Низко растущий толстый сук ударил Плама в лоб, и юноша тяжело повалился на землю. В глазах у него потемнело, и сознание затуманилось.

Плам очнулся, тряхнул головой и попытался преодолеть головокружение. Собрал силы и сконцентрировался.

— Прав был Конан: я — сосунок! — гневно произнес вслух Плам. Паника после неожиданного нападения неизвестного существа прошла. Что-то влажное и шершавое облизало лицо юноши. Бодрое фырканье оповестило, что верный Огненный Танец не бросил своего хозяина. Плам поднялся и с благодарностью похлопал по бархатной морде благородного жеребца.

Славин чувствовал, несколько необычен этот лес. Ночной лес для него, выросшего в горах, был подобен гостеприимному дому, но здесь… Здесь все было очень и очень странно.

Не было слышно обычного лесного шума, плотный покров из листьев и веток над головой Плама не пропускал ни искорки света. Отовсюду исходила неясная затаенная угроза.

Плам ощупью добрался до широкого ствола. Потрогал рукой шероховатую кору, чтобы сориентироваться по мху, растущему на деревьях. Мха не было, но Плам вовсе не удивился — такое случается.

Плам снова выругал себя. Он потерялся! В первый раз в жизни!

Оставалось довериться инстинкту верного коня. Но испуганное животное лишь нервно вздрагивало и прижималось к человеку, ища в нем защиты против пропитанной ненавистью темноты.

Опять ощупью юноша нашел упавшую сухую ветку и очистил ее ладонью. Вынув из-за пояса огниво и кремень Плам высек искру и зажег древесину. Огонь этого импровизированного факела позволил ему найти еще несколько тонких сучьев, которые он собрал вместе и тоже поджег. Крепко ухватив коня за поводья, Плам направился обратно по своим следам.

1Шагов через сто, следуя за поворотами многочисленных переплетенных дорожек, Юноша добрался до маленькой болотистой поляны. Плам с надеждой посмотрел наверх.

Напрасно! Даже посереди поляны плотный свод леса был непроницаем.

Юноша задумался. Может ему стоить залезть на какое-то высокое дерево и найти ориентир по звездам?! Идея никуда не годилась. В этих странных дебрях он потеряет правильное направление через несколько шагов.

Плам несколько раз громко крикнул. Если товарищи были где-то поблизости, они бы услышали его. Напрасно! Он должен сам выбираться из западни, в которой оказался из-за собственной глупости и беспечности

Факел догорал. Юноша быстро зажег следующий. Стоять на мокрой полянке было бессмысленно. Неизвестно, какие твари бродят в темноте и подстерегают своих жертв. Свет огня пугал диких зверей и мог направить к нему друзей, но и врагов, конечно тоже. А то, что врагов в этом заколдованном лесу было много, Плам не сомневался и оставался настороже.

Он выбрал первую попавшуюся тропинку и направился через поляну. Любое направление могло оказаться правильным.

За Пламом нервно шагал Огненный танец. Конь, полностью доверившийся человеку, был неспокоен, зрачки его умных глаз тревожно отражали пламя факела.

Поляна оказалась гораздо больше, чем ожидал юноша. Надежда, что он увидит звезды или что луна рассеет непроглядную тьму, не оправдалась. Кое-где росли одинокие гигантские деревья, увешанные гирляндами лиан. Ноги тонули в сальных лужах стоячей воды, от которых несло смертью и разложением. Чувство опасности усилилось.

Плам дошел до конца открытого пространства. Деревья преграждали дальнейший путь. Искать тропу было бесполезно. Он решил подождать до утра. Самым безопасным решением было залезть на какое-нибудь высокое дерево, где угрозу представляли только летающие и ползучие твари, но как бросить верного Огненного Танца?

Поблизости юноша заметил поваленный полусгнивший ствол большой сосны. Там земля была сухая. Он нашел небольшую нишу в монолитном ограждении из деревьев, быстро собрал легко ломающиеся крупные сучья с лежащего на земле пня и сделал из них факел.

Вскоре вспыхнул сильный огонь. Плам устроил в нише своего коня и сложил рядом значительный запас веток. Получилось хорошее убежище. Спереди огонь оберегал его и предупреждал о врагах, сзади древесная стена защищала его спину.

Он проверил оружие. С ним был только небольшой топор, чудесно сбалансированный для метания в цель, и аквилонский кинжал. Короткое лезвие кинжала, широкое и крепкое, было наточено, как бритва. Из крепкой прямой ветки славин кинжалом вытесал импровизированное копье, чье оконечье обжег на огне. Он пожалел об оставшихся на постоялом дворе дротиках, а также и о плаще. Сегодня утром он отправлялся на базар, а не на охоту или войну!

Плам присел на корточки возле согревающего огня и всмотрелся в окружавшую его темноту. Даже его орлиные глаза не могли различить что-либо далее, чем в десяти шагах. Отблески буйного огня рисовали фантастические видения. Насколько зловещим был этот лес!

Внезапное предчувствие опасности заставило Плама вскочить на ноги. Среди треска костра его чувствительный слух уловил и другие звуки: шлепанье множества тяжелых шагов по трясине. Кто-то шел сюда, привлеченный огнем. И это кто-то не был зверем!

Плам быстро побросал в огонь весь запас сучьев. Потом швырнул горящую головню в высохший пень. В бою не помешало бы побольше света. Обитатели загадочного леса, в отличие от человека, по-видимому, отлично видели в темноте. Огонь охватил мертвую плоть

погибшего лесного великана.

Из мрака выплыли гротескные фигуры, безобразные и угрожающие. Громадные сгорбленные силуэты, сжимающие суковатые палки в длинных, достигающих до земли, руках. Тяжелое зловоние повисло над поляной.

Ярдах в десяти от костра ужасные существа остановились для того, чтобы их светящиеся во мраке глаза привыкли к свету пламени. Буйно разгорающийся огонь хорошо осветил все вокруг и Плам смог рассмотреть чудовищ.

Твари были покрыты жирной лоснящейся шерстью, у них были некрасивые уродливые головы с длинными заостренными ушами и маленькими поросячьими глазками. Сквозь полураскрытые слюнявые губы были видны огромные пожелтевшие клыки. От огромных тел исходила колоссальная сила. Они были похожи на оживших страшилищ из самого гнусного ночного кошмара.

Ледяные щупальца страха на миг сжали в неумолимые объятия сердце молодого славица. Он тряхнул головой и так сжал оружие в руках, что косточки на кулаках побелели. Даже если бой окажется безнадежен, то Плам постарается убить столько этих отвратительных исчадий мрака, сколько успеет! В его глазах разгорелся холодный огонь решимости, как у загнанного охотниками волка.

Со злобным сопением орда монстров рванулась к костру. Мерзкое зловоние ударило юноше в ноздри. Это был запах смерти! Человек напрягся, как стальная пружина, приготовившись дорого отдать свою жизнь.

* * *

При скудном свете заходящего солнца Конан достиг опушки леса. Он натянул поводья и остановил громадного аквилонского жеребца. Животное не выглядело уставшим. Только немного покрытые пеной губы говорили о том, что оно мчалось галопом несколько лиг.

— Кром! Опять этот лес! Проклятье! — свирепо выругался киммериец и, не задумываясь, направил коня по едва заметным следам Плама. — Сосунок! Заставил меня вновь подойти к этому проклятому лесу! Но я люблю этого мальчишку и не оставлю его в беде!

Только Конан и Шевитас знали, насколько опасен Мрачный лес. Несколько лет назад лишь удача и стальная выдержка помогли им вырваться из коварных дебрей, ставших смертельной западней для их товарищей. И все-таки варвар въехал без страха в заколдованный лес, проверив, легко ли вытаскивается из шагреневых ножен тяжелый аквилонский меч, и с гневным проклятием продолжил путь вперед.

Его глаза, быстро приспособившиеся к сгустившемуся чернильному мраку, засветились волчьим блеском.

По следу исчезнувшего славина прокрадывался не человек, а первобытный зверь, страшный и смертельно опасный. Варварские инстинкты, а не органы чувств и разум вели Конана по лабиринтам мрака!

Инстинкт, а не органы осязания заставили Копана молниеносно вытащить меч и могучим замахом рассечь бледную тень, спустившуюся сверху. С хрустящим звуком холодная

сталь впилась в податливое тело, и убитое существо упало пол ноги коню. Крупное туловище с огромными крыльями билось на земле в предсмертных судорогах. Всадник нагнулся, чтобы рассмотреть свою жертву.

— Кром Великий! Летучая мышь Молоха! Варвар поехал дальше в темноту. Черный жеребец подчинялся малейшему прикосновению шпор, так что обе руки бойца оставались свободными. Вскоре он почувствовал запах дыма. Конан облегченно вздохнул:

— Малыш становится мужчиной! Догадался зажечь огонь, молодец мальчик!

Вскоре бледное оранжевое зарево озарило тьму.

Конан осторожно направил жеребца к огню.

Глава VII
«Тролли»

Копье пронзило грудь первого монстра, который с протяжным воем свалился на землю. То, что мерзкие исчадия были уязвимы, придало Пламу новые силы. Он бросил длинное копье и, вооруженный топором и кинжалом, сам бросился вперед. Избежал удара дубины и забил топор в голову одного из существ.

Юноша удивился быстроте неповоротливого на вид чудовища. Резким взмахом кряжистая рука нанесла человеку удар, от которого у него сперло дыхание. Славин спасся только благодаря своей изумительно быстрой реакции. Он отскочил назад, оставляя оружие в уродливом черепе. Аквилонский кинжал, последняя надежда человека, впился в косматый живот.

Существо попыталось собрать в пригоршни вывалившиеся внутренности и со стоном попятилось. Плам отпрыгнул назад. Он понял, что у него нет шанса выбраться отсюда живым. Монстры, более сильные и быстрые чем он ожидал, теснили его плотной стеной. Тварей было слишком много! Выхода не было. Юноша забил нож по самую рукоятку в какое-то туловище, вытащил его и нанес второй удар. Вдруг он почувствовал, как мозолистая ладонь вцепляется в его горло. Плам попробовал было отбросить ее, но напрасно — рука его как будто наткнулась на каменный столб.

Плам начал задыхаться. Другая лапа схватила его левую руку с кинжалом и сжала ее неподвижно. Человек с горечью понял, сколь ничтожны его молодые силы по сравнению с ордой чудищ, которая навалилась на него. Огненный Танец, зажатый между деревьями, поднялся на задние ноги, пронзительно заржал и попытался вырваться на свободу. К счастью, одно из его передних копыт проломило череп чудовища, сжимающего горло Плама, и тот слегка перевел дух.

В последний миг среди монстров наступила растерянность, быстро переросшая в суматоху. Из мрака вынырнула высокая фигура всадника, размахивающего огромным блестящим мечом. С боевым криком, похожим на рев смертельно раненого льва, всадник врезался в ошеломленную ораву неизвестных тварей.

То, чему Плам стал свидетелем, было просто невероятно! Киммериец (в облике своего спасителя юноша сразу узнал Конана), набросился на сборище ужасных чудищ как ястреб на стаю безобидных голубей. Каждый удар меча приносил смерть. Закаленная сталь с легкостью рассекала плоть и кости, как соломинки рассекала толстые дубины, которыми уроды пытались защититься. Молниеносная быстрота, с которой кровавое острие наносило удары, делало атаку варвара неотразимой.

Зверь тоже полностью оправдывал свое имя. Почти невидимый, сущая тень смерти, громадный боевой жеребец разбивал черепа врагов, как перезревшие арбузы, ломал руки и ноги, ломал грудные клетки. На поляне оставались обезображенные трупы, корчились агонизирующие тела, валялись отрубленные головы, маслянисто поблескивали лужи темной крови

Окрыленный неожиданной помощью славин продолжил битву, по его оружие значительно уступало клинку Конана. Варвар спрыгнул с седла. Боевое бешенство,

характерное для его племени, полностью овладело киммерийцем. Могучим взмахом меча он расчистил пространство возле себя.

Плетеная стальная кольчуга защищала его тело от ран. Его свободная левая ладонь схватила тварь за горло и железными пальцами разорвало скользкую плоть. Десница с мечом неумолимо продолжала кровавую сечу.

Огонь полностью охватил ствол поваленной сосны и освещал большое пространство. Чудовищные монстры бесцельно плутали вокруг огня, размахивая своим первобытным оружием. Строй чудищ сильно поредел: вокруг непобедимого варвара осталось лишь несколько странных существ.

Несмотря на огромные потери, чудовища дрались до последнего. Было ли это бесстрашием или тупоумием, Плам так и не понял. Его кинжал поразил в сердце одного из страшилищ, и тот свалился на землю.

С остальными расправился Конан. Точным ударом меча он отсек голову твари, которая подкатилась к ногам юноши. Тело чудовища на миг осталось стоять, из срезанных артерий брызнул фонтан крови. Резкий удар — и острие засело в груди предпоследнего противника. Даже стальные мускулы киммерийца не смогли одним махом вытащить оружие. Поэтому против последнего врага Конану пришлось драться голыми руками.

Это было столкновение двух сил, способных разрушать стены крепости, выкорчевывать леса, разрушать города! В яростной схватке столкнулись статный воин и великанское чудовище!

Мускулы Конана были не менее крепкими, а воля — железной! С неимоверным напряжением, не отступая, он принял бой.

На одно бесконечно длинное мгновение оба поединщика были похожи на высеченную из синеватого базальта скульптуру. Только прерывистое дыхание человека и сопение его противника показывали, что они — живые существа. Все еще живые!

Пока Плам со своим кинжалом успел прийти на помощь, послышался острый хруст. Конан сломал шею чудовища! На лесной поляне остались только люди и их кони.

* * *

Поле сражения было похоже на бойню. Усеянная трупами, поляна приобрела зловещий вид. Некоторые из рассеченных тел показывали признаки жизни, но Копан не обратил на них никакого внимания.

Могучий варвар стоял некоторое время неподвижно. Его огромная грудь работала, как кузнечный мех. Он был с головы до ног облит кровью, но позже выяснилось, что в схватке он не получил ни царапины, исключая лиловые отеки на шее, причиненные пальцами его последнего противника.

Он крепко стоял на ногах и осматривал мрачным взглядом трясину. Зверь тоже был невредим. Стальное покрывало уберегло его от когтей и зубов чудовищ.

— Ненавижу троллей! — сердито проворчал Конан и обратился к Пламу: — Ну, и каковы твои впечатления, сосунок на бешеной кобыле?

Источник всех неприятностей нынешнего вечера приходил в себя медленнее опытного

воителя. Плам получил несколько глубоких царапин, левое его плечо ныло после от сильного удара дубиной.

— Живой! — коротко ответил он, — Жив, благодаря тебе, Конан.

— Если бы ты погиб — я бы тебя убил на месте! — совершенно серьезно подчеркнул киммериец и тотчас же рассмеялся, понимая абсурдность угрозы. — Давай уходить! Кровь и огонь могут привлечь существ по сравнению с которыми лесные тролли являются беззубыми малышами.

Вспоминая о пережитом ужасе, Плам засомневался в том, нечто подобное возможно. Неужели есть кто-либо страшнее этих чудовищ? Немыслимо! Но преклонение перед Копаном, который, как всемогущий бог, вырвал Плама из лап смерти, было безграничным.

— Я могу залезть па высокое дерево и попробовать ориентироваться по звездам, — предложил славин.

— Никто не может выбраться ночью из Мрачного леса! Никто! Это магия.

— А днем?

— Двое авантюристов однажды смогли! — усмехнулся киммериец.

— Только двое?! Этот лес заколдован, это я уже понял!

В этот момент земля задрожала. Легко, почти неуловимо. Двое друзей переглянулись. В первый и в последний раз славин прочел в глазах Конан нечто такое, что могло быть истолковано как страх.

— Огнемрак! — прошептал варвар. — Огне-мрак вышел на охоту! На коней! Только быстрота может спасти нас!

Глава VIII
«Стрелки»

Реас не был особенно удивлен, когда во время завтрака не увидел Плама на постоялом дворе. Сам Богард принял участие в ночном ритуале в храме Ханумана, посвященном объединению добронамеренных сверхъестественных сил. Церемония закончилась чуть свет и офирец успел добраться до «Пуповины» гораздо позже определенного для завтрака времени. Принц Моррог и его свита уже отправлялись на состязание по стрельбе из лука. От хозяина таверны Ванила Богард узнал, что его спутник не ночевал в своей комнате.

— Молодость берет свое! Рано или поздно парень должен узнать и о ночных прелестях жизни! — с легкой отцовской ревностью Реас оправдал отсутствие славина.

— Хорошо хоть, что у него есть опытный учитель, — двусмысленно добавил благодушный содержатель постоялого двора. — С киммерийцем ему ничего не страшно!

Богард решил, что найдет ночных гуляк на состязании и присоединился к свите хауранского принца. Они едва успели пробить путь к трибунам. Толпа зрителей, поддерживающих своих любимцев или делающих ставки на какого-либо состязателя, была огромной.

Лук и стрелы были самыми распространенным, доступным и используемым оружием. Они были основным средством для охоты, важном способе пропитания в Хайборийскую эпоху — дичь водилась повсюду.

Службу в отрядах лучников несли простолюдины. Стрелки являлись вспомогательными частями кавалерии, в которой служили преимущественно аристократы, но стрелки редко решали исход сражения. Исключение делали постоянные, даже можно сказать, столетние столкновения по западным границам Аквилонии с Пиктскими дебрями. Там храбрые боссонские стрелки успешно отражали набеги диких пиктов. Эти храбрецы, вооруженные длинными пуантенскими луками, славились как самые лучшие стрелки во всем свете.

Ввиду этих обстоятельств количество участников в сегодняшнем соревновании было наибольшим. Здесь присутствовали воители из всех племен и народов, разные по цвету кожи, одежде, ремеслу и вооружению. Большинство из них служили бойцами в различных армиях, некоторые прибыли прямо из далеких Вендии и Кхитая. Здесь были лесные следопыты, кочевники из степных племен: зуагиры, мунганы, гирканцы. Луки, как и их хозяева, были самые разные: от туранских для конной стрельбы, коротких и изогнутых чудным способом, до длинных, в человеческий рост, луков чернокожих племен из Пунта.

На испытаниях перед состязанием большая часть участников была отсеяна строгими судьями. Для оставшихся пятидесяти стрелков устанавливали все более дальние и более трудные для поражения цели. Судя по тому, как выполнял упражнение лучник — мастерски или слабо — публика аплодировала или освистывала их. Настоящая борьба за призы только предстояла.

Богарда не интересовала стрельба из луков. Он пытался увидеть среди зрителей могучую фигуру киммерийца или русую голову Плама. От продолжительного наблюдения за пестро одетой толпой, глаза Богарда затуманивались.

Вдруг он заметил знакомое остроносое, крысоподобное лицо.

— Салех! — властно позвал его офирец, догадавшись, что маленький шемит является одним из доверенных слуг Фериш Аги.

— К вашим услугам, господин? — раболепно отозвался верный помощник пустынного вождя.

— Не видел ли ты моего спутника, светловолосого юношу, или Конана Киммерийца?

— Сегодня не видел их, господин! Вчера они оба купили коней у моего господина и вместе с ним выехали за город, чтобы поразмяться. После этого они должны были пировать в городе. Но Фериш Ага все еще не вернулся. Завтра рано утром по предварительному уговору придет королевский интендант. Он должен купить много коней для гвардии. Хорошая это будет сделка! Но только месьор Фериш может дать разрешение на продажу коней, а его нигде нет!

— Иди за мной! — приказал Реас и зашагал по пустынным улицам ярмарочного города. За ним быстро семенил маленький шемит.

Вскоре они оказались в скромном шатре Зе-латы. Она как будто ожидала их и поднесла Богарду чашу с вином, а шемит, испугавшись волка и горного орла, предпочел остаться снаружи.

— Я попытаюсь помочь вам, Повелитель, — пообещала гадалка. Она отдернула полотнище одной из сторон шатра, вгляделась в хрустально ясные глаза орла и издала резкий командный громкий крик. Благородная птица расправила широкие крылья и тяжело вылетела из шатра.

— Нужно искать через него, Повелитель! Твой молодой спутник непроницаем для моих гаданий. Но я найду Конана и Фериш Агу, только подожди немного.

Зелата занялась какими-то таинственными приготовлениями. Из маленького мешочка она вынула различные высушенные лекарственные травы, стерла их в медной ступке и развела в отваре из степных трав. Потом гадалка выпила приготовленную таким способом смесь и почти сразу же впала в гипнотический транс. Глаза ее остекленели, руки и ноги судорожно вздрагивали. В уголках губ появилась иена. Совсем скоро с губ сорвался сладостный стон. Зелата заговорила особым, прерывающимся от напряжения голосом, передавая чужие мысли.

— Шемитский вождь находится па высоком холме, в двух часах езды от города к востоку. Он ждет! Вино и еда! Вино! Он ждет кого-то. Будет ждать до конца. Вино!

— Салех, поспеши, твой Ага хочет пить! Отнесите ему маленький шатер, провизии и вино. Ты слышал, где он? — приказал офирец.

— Но господин, какое вино ему отнести? Утром он пьет легкое аргосское, на обед — красное мессантийское…

— Отнеси побольше вина! И поспеши! Салех исчез. Богард посмотрел на впавшую в транс прорицательницу. Зелата боролась с какой-то неизведанной магической силой пришедшей извне. Тело качалось вперед и назад, как будто ее увлекал за собою снежный вихрь. Это продлилось долго…

— Киммериец в Мрачном лесу. Страшно! Он не один. Нельзя им помочь. Он должен справиться сам!..

— Но я могу помочь!

— Нет, Повелитель, рано еще для тебя! Силы Вселенной нужно использовать как можно реже. Столкновение сейчас между ними неуместно. Ты должен вернуться обратно на состязание. Там ты найдешь третьего из твоего Отряда. И еще! Предсказано Конану, будто он

станет великим королем! Светловолосый непроницаем, но он обязательно встретится с Сироно Слепым, это точно! И оба вернутся из леса!

Когда Реас занял свое место на официальной трибуне, на стрельбище остались только четверо состязателей. Скучающий принц Моррог коротко обрисовал случившееся до этого момента. Хауранец был сердит, потому что его фаворит выбыл из игры совсем недавно и азартный аристократ потерял деньги на большой ставке. Несказанно богатого Коборга, брата Хауранского короля, не интересовали денежные выигрыши и проигрыши. Азартная натура, один из самых прославленных мастеров меча, принц был известным игроком и игра заставляла кровь сдержанного воина кипеть от возбуждения.

— Будем делать ставки, друг Богард? Я уверен, что черный пунтиец выиграет. Ты должен вернуть мне реванш за цирк! На кого поставишь, друг?

— На самого маленького, — ответил Реас, вообще не посмотрев на состязавшихся, готовящихся к последнему испытанию их точности.

— Но низкорослых двое: смуглый гирканец и вон тот юноша в зеленой шапке. Выбери боссонца, у него единственного есть шанс выстоять против этого дьявольского чернокожего!

— Выбираю того, в зеленой шапке, принц!

— Проиграешь! Он случайно попал в число первых! Никто о нем и не слышал. А боссонец Квинт — из личной охраны Вилера, короля Аквилонии.

В это время король Озрик дал знак и внимание всех обратилось к стрельбищу. Четверо соревнующихся, совершенно разных по виду и вооружению, приготовились показать свое мастерство.

Первым вышел боссонец. Крупный, здоровенный мужчина, типичный пограничный житель Боссонских топей, части Аквилонской империи. Он был одет в роскошные темные одежды с гербом Черных драконов, личной гвардии аквилонского владетеля. Его задача была сложной: мишень, поставленная на сто ярдов, перед которой качалось золотое кольцо диаметром около одной ладони. Необходимо было очень точно вычислить время и расстояние, чтобы выстрел был успешным.

Уверенный в своем мастерстве Квинт послюнявил палец и проверил направление и силу ветра. Он дал знак помощнику и некоторое время безмолвно вглядывался в раскачивающееся кольцо. Потом боссонец натянул огромный лук, застыл на миг и притихшая публика услышала пение тетивы. Глухой удар и, добежавший до мишени, судья поднял руку с двумя пальцами вверх — это была несомненная удача.

Второй, высокий и худой, как жердь, чернокожий стрелок с ритмичными покачиваниями тела следил за мишенью так, как будто танцевал какой-то экзотический танец. Наконец, он быстро поднял лук и выстрелил. Неудача!

— Не везет мне сегодня! — вздохнул принц Моррог. — Но и твой человек не успеет, Богард!

Третьим вышел юноша в зеленой одежде. Он спокойно дал знак, что готов, не медля вынул стрелу из колчана и сразу же выстрелил, почти не целясь. Судья подтвердил успешную попытку. Аплодисменты были вялыми. Симпатии и ставки публики были за боссонца.

— Прошу, благородный Реас! — подал тяжелый кошелек принц. — Я проиграл! Может быть ты осмелишься поставить вдвое больше против боссонца? Сейчас будет спор между ним и твоим зеленым избранником.

— Хорошо, — согласился Богард.

Четвертый финалист, низкий гирканец, известный под именем Кетраг держал в руках

темный, странно изогнутый по краям, маленький лук для стрельбы на конях. Кетраг подбросил в воздух пучок сухой травы, проследил его падение на землю и выстрелил. Он пронзил раскачивающееся кольцо!

Получалось исключительно интересное состязание. Даже самые старые зрители не помнили, чтобы сразу три стрелка выдержали это испытание. Зазвенели монеты, ставки посыпались, как весенний дождь.

— Два на один за боссонца Квинта? — принц Моррог вопросительно посмотрел на Богарда, который кивнул головой в знак согласия. — Значит такая же сумма! А где знаменитый молодой бегун?

— На небольшой прогулке вместе со знаменитым Конаном. Надеюсь, что скоро они появятся!

— Завтра будут состязания по бросанию камня. Конан обязательно захочет реванш у моего Олафа. Будет интересный поединок! Но смотри, скоро мы узнаем, кто выиграл. Судьи уже решили каким будет следующее испытание.

После короткого совещания с коллегами главный судья, сатрап Аренджуна, Торфаг поднялся на главную трибуну и что-то зашептал на ухо королю. Озрик одобрительно кивнул головой.

Глашатаи оповестили, что будет проведено двойное испытание. Судьи поставили на мишень второе кольцо, повешенное на веревку одинаковой длины с первым кольцом. Раскачали кольца одно против другого. Задача была неимоверно трудной: нужно было пронзить оба кольца одной стрелой и то в центр мишени! Долгие годы ни один стрелок не справлялся с такой задачей.

Гвардеец из Аквилонии с сомнением всматривался в кольца. Несколько раз он отпускал тетиву и опять натягивал ее. Вдруг он решился и выстрелил. К его сожалению судья показал только один палец. Боссонец попал только в одно кольцо! Несмотря на частичную неудачу, толпа вознаградила своего любимца бурными аплодисментами.

Тонкий юноша в зеленом опять не замедлил с выстрелом. После знака судьям о том, что готов стрелять, он поставил на тетиву своего светлого лука перистую стрелу, застыл на миг и выстрелил.

— Сегодня я проклят богами! Откуда появился этот мальчишка?! — злился принц, подавая Реасу новый кошелек как знак проигрыша в споре между ними.

Гирканец с удивлением посмотрел на соперника, пока они менялись местами на линии стрельбы. Степняк быстро приготовился. Стрела полетела и… два высоко поднятых пальца!

Толпа неистовствовала. Какое зрелище! Такого на Аренджунской ярмарке, проводимой веками, еще не случалось! Судьи смущенно посмотрели на короля. Озрик почесывал белую бороду и мигал. Кто победитель? Как назвать лучшего?

Стрелок в зеленой одежде повернулся к префекту Торфагу и показал три пальца. Зрители притихли. Благодаря простому жесту все поняли идею состязателя. Невозможно было попасть одновременно в три кольца, раскачивающихся в разных направлениях.

— Десять против одного, что никто не попадет! Даже твой малыш, Богард, — уверял принц Моррог. — Человеку не по силам совершить такой подвиг!

— Я не согласен с вами, Ваше высочество! Опять проиграете! — задумчиво ответил офирец.

— Но почему? — удивился принц.

— Он — не человек! Он — альб!

— А это что значит? — искренне удивленный, хауранский аристократ поднялся со своего места и внимательно вгляделся в небольшую зеленую фигуру, готовящуюся к невероятно сложному выстрелу. — Что стреляет он замечательно, это верно, но уж что это был бог, сошедший на землю?!.

— Альбы — не боги, или по крайней мере не такие, какими мы себе их представляем. Но много тысяч лет назад они жили с людьми в мире и согласии и помогали им. Они — очень древний народ, принц Моррог. В анналах истории и в мифах многих современных народов есть сведения о альбах.

— Если он не бог, то не успеет! — авторитетно заявил принц Моррог и сел на свое место.

Его мнение разделяла и огромная часть публики. Никто, кроме Богарда, не делал ставок за успех одетого в зеленое стрелка. Наступила гробовая тишина, когда подошло время решительного выстрела. Если бы муха пролетела над площадью перед Львиными воротами Аренджуна и то слышно было бы!

Небесным звоном пропела тетива лука. Бе-лооперенная стрела понеслась как молния через облитую солнечным светом арену. Звук острия, впившегося в мягкое дерево мишени, прозвучал как колокольный набат. И Торфаг, сатрап Аренджуна, главный судья игр, лично Торфаг нагнулся над сосновым диском и проверил три кольца!

Торжественным церемониальным жестом справедливый заморийский вельможа медленно поднял вверх три пальца. Случилось невозможное!

* * *

Пока на стрельбище разыгрывались интересные события, небольшой обоз шемитов с несколькими вьючными конями, несущими на себе тяжелый груз, достиг опушки Мрачного леса.

С высокого холма с пологими склонами поднималась к небу тонкая струйка дыма. Перед небольшим огнем, остатком недавнего огромного костра, неподвижный, как статуя древнего шемитского божества, сидел Фериш Ага.

Досточтимый пустынный вождь претерпел странную метаморфозу!

Его великолепный кафтан, сильно пропахший дымом, был весь в саже. Левая щека была рассечена и на ней виднелся свежий шрам, а лицо было похоже на многократно побывавший в употреблении пищевой котел!

Возле Фериша была навалена громада сухих наломанных дров. У подножия холма валялись три обезображенных трупа, уже посиневших и покрытых мухами. Недалеко от них, рядом с крупным заморийским жеребцом паслись три худосочных конька, покрытых пестрыми шерстяными попонами вместо седел.

— Вина! — коротко приказал Ага подбежавшему Салеху, который предусмотрительно понес на спине вместительный кожаный мех с живительной влагой.

После того, как Ага утолил жажду (причем мех был опустошен почти наполовину), шемитский вождь посмотрел на своих людей, сидя на земле.

— Эти идиоты! — показал он черной от копоти рукой на разлагающиеся трупы. — Эти

паршивые шакалы пьют только пиво! И у них было только по одной фляжке! Фляжка! Маленькая, начатая фляжка! — с бескрайней обидой в голосе пояснил Фериш Ага И опять припал губами к горлышку бурдюка. Он пил долго и с удовольствием. Только после этого он поднялся с земли.

— Господин, что с вами случилось? — осмелился спросить Салех. Он искренно восхищался своим вождем, был безгранично предан ему, но прервать Фериша в такой важный момент?! Никогда!

— Жажда, Салех! Жажда! Я думал уже, что высохну, как выдубленная кожа на покрытой струпьями паршивой кляче. А ты достаточно принес вина? — внезапно забеспокоился шемит.

— Я привез вина, и провизии… И шатер привез…

— Хватит! — прервал его вождь. — Ты отлично справился, Салех! Но откуда ты узнал, что я нахожусь здесь, полумертвый от жажды?

— Повелитель Богард, офирский мудрец и колдунья Зелата послали меня сюда, о благословенный! Но что это за трупы, досточтимый?

— Добрые люди прислали тебя вовремя! А это… Это конокрады. Выли конокрадами! — уточнил он с презрением. — Похороните падаль и соберите еще дров! Этой ночью нам потребуется сильный огонь!

Скоро новый, громадный костер был готов, а тела неудачливых воров зарыты в землю.

На гребне холма был разбит удобный походный шатер. Опытные кочевники знали, как путешествовать и разбивать лагерь. Аппетитный аромат разносился от жарившегося на вертеле над огнем молодого барана. Фериш Ага давал Салеху последние наставления:

— Останься вместо меня! Ты хороший купец, сынок, справишься самостоятельно. Забери лошадей конокрадов, пусть они принесут несколько грошей серебра. Не забывайте каждое утро смазывать шерсть коней желтком — для блеска! Не продавай оптом — продешевим! Передай Богарду, что я буду ждать пока Конан и Плам не вернутся. Боги, как был великолепен Огненный Танец — более быстрого коня-трехлетки я еще не видел! И самое главное, Салех, самое главное! Вино! Пришли побольше вина!!!

* * *

Вино и другие напитки лились в чаши пирующих в «Короне и крови». За почетным столом в лучшем трактире города кроме стрелков-призеров сидели еще хауранский принц, немедийский барон Амальрик, Троцеро, герцог Пуантена, гордый успехом Квинта — боссонского гвардейца.

Веселье было в самом разгаре…

Немного в стороне от остальных разговаривали несколько пирующих. Один из них, стрелок в зеленой одежде, приблизился к Богарду и изящным, исполненным достоинства, поклоном пригласил его на праздник:

— Благородный мудрец, будь этим вечером моим гостем! Я — Амрод из Ферри, надеюсь удостоиться этой чести! На этом свете у меня нет товарищей, которые разделили бы со мной мою радость победы. Приглашаю и высочайших Ваших друзей, — учтиво обратился к принцу

Моррогу представившийся Амродом странник.

Принц посмотрел на Амрода с некоторой долей любопытства. Вблизи тот не выглядел как юноша. Лицо его, прекрасное, с тонкими чертами, неопределенного возраста не было обезображено удлиненными, острыми по кра-

ям, ушами. Длинные изящные руки и ноги, выглядевшие слабыми и худыми, вблизи говорили о скрытой крепости и ловкости. Все в этом существе наводило на мысль о печали и меланхолии.

Кивнув, Богард принял приглашение.

И теперь он был в компании Амрода и Кетрага, сына Бато — так представился получивший вторую награду гирканец. После изумительного выстрела своего соперника, пронзившего все три кольца, кочевник отказался от своей попытки.

— Человек не может этого сделать! Или здесь замешана магия или ты — бог! — был его краткий комментарий.

Теперь гирканец слушал объяснения победившего его соперника.

— То, что я рассказываю, конечно, хорошо знакомо Повелителю Богарду. Я принадлежу к народу альбов, давно оставившему эти земли. Теперь они вместе с другими, забытыми человеком народами, обитают в стране Ферри расположенной далеко на Западе. Нас осталось совсем немного. Осталось у альбов и несколько древних врагов. Свою задачу я исполнил — я дождаться тебя и готов помогать тебе, Повелитель!

— Никогда я не слышал о народе альбов, — задумчиво сказал Кетраг после продолжительного молчания.

— Вы, альбы, бессмертны? Как боги? — вмешался в разговор принц Моррог. — Богард рассказывал мне о вашем мире, но все прозвучало, как сказка; драконы, феи, тролли, гномы… Существуют ли они па самом деле?

— Мы живем гораздо дольше людей, но и мы смертны. Мы всего лишь долгоживущие… И нас постепенно становится все меньше, — печально звучал напевный голос альба.

— А стрельба? Ты использовал магию? — настаивал гирканец.

— Нет никакой магии в моей стрельбе, несмотря на то, что магия является привычной для страны Ферри, моей родины. Я могу благодарить за победу лишь свой точный глаз и долгую практику. Мы, альбы, развивали в себе качества, которыми люди пренебрегли. Вы таите в себе силы, которые могут сделать вас могущественнее богов!

— Сколько тебе лет? Ты выглядишь молодо! — спросил любознательный хауранец.

— Довольно много по вашим меркам. Я помню восход, величие и падение Ахерона. По нашим меркам моя молодость только что прошла, и я уже вступаю в зрелый возраст.

Собеседники смолкли. Более образованные из них знали, что мрачная, пропитанная злой магией, ненавидящая людей империя Ахерона, была уничтожена более трех тысяч лет назад! Однако, все присутствующие верили Амроду. Древняя, нетронутая временем, сила горела в его глазах, напевный говор звучал, как дыхание тысячелетий…

Глава IX
«Мрачный Лес»

Медленно и мучительно пришло пробуждение. С кошмарами от слепой гонки во мраке, со смутными воспоминаниями от зловещих горящих глаз кровожадных созданий, жаждущих вонзить острые зубы в живую плоть… Кошмары и явь. И самый ужасный кошмар из всех — тот момент, когда они оба, Конан и Плам, отчаянно искали выход с усеянной трупами поляны. И точно тогда они увидели, как в освещенном огнем пространстве появился Огнемрак, неясная, бледная, фосфоресцирующая во мраке фигура, обладающая непреодолимой мощью.

Плам проснулся и воспоминание о пережитом нахлынуло в его сознание…

Первобытный инстинкт Конана помог им выбраться с болота, и люди пришпорили запаниковавших лошадей.

Долго еще слышали они позади себя шум от ломающихся, точно соломинки, столетних деревьев…

Долгая гонка привела их к нынешнему сравнительно безопасному убежищу: маленькой нише в высохшем русле реки, где от злых взглядов двоих незадачливых путешественников оберегали нависшие корни и ползучие кусты. Плам вспомнил, что их мучила сильная жажда, но киммериец не разрешил пить воду из луж и небольшого ручейка, текущего у их ног. Не позволил он и коням напиться, потому что вода в Мрачном лесу была опасной — она приводила к галлюцинациям, беспамятству и ужасным судорогам всего тела.

К счастью, ощупывая жеребца в поисках ран, нанесенных троллями или головокружительной гонкой во мраке, славин нашел привязанные к седлу переметные сумы с провизией, оставленные предусмотрительным Фери-шем. Из наполненного меха с разбавленным вином Конан позволил выпить людям лишь по глотку, по зато хорошо напоил коней. От их выносливости зависела жизнь людей.

Липкий мрак уступил место серо-синей мгле. На его фоне могучая фигура варвара вырисовывалась, как мраморный барельеф. В одной руке, присевший на корточки, воин держал кусок вяленого мяса, а в другой сжимал рукоять положенного на колени меча.

— Почему не разбудил, чтобы сменить тебя? — спросил славин, пристыженный тем, что оставил товарища охранять их убежище в одиночестве.

— Ты еще молод и нуждаешься во сне. Позавтракай! — и Конан подал кусок мяса Пламу. — Нам потребуется много сил!

— Я не ребенок, вырос в лесу, могу и сам справиться!

— Конечно, справишься. Только не здесь. Это — Мрачный лес. Тут никто в одиночку не выживет.

— Но вчера ведь вечером мы… ты же победил!

— Мы победили! Пятерых лесных троллей убил ты. Обещаю, теперь я не буду называть тебя сосунком. Но безмозглые тролли далеко не самые опасные противники в Мрачном лесу. Даже днем нас могут застать врасплох. Сделай себе деревянное копье, потому что с этой игрушкой ты ни на что не годен, — Конан кивнул на нож Плама.

В самом деле, юноша был вооружен только кинжалом. Его топор остался на ночном

поле сражения. При их отступлении с заболоченной поляны топор, увы, потерялся. С ближайшего дерева Плам отрезал прямой сук и сделал легкое копье.

Варвар и славин тронулись в путь. Впереди ехал Конан на огромном черном жеребце, уверенный и несокрушимый.

Плам чувствовал нервозность Огненного Танца. Верное животное вздрагивало всем телом, фыркало, испуганно осматривало заколдованный лес. Славин был спокоен. Твердая уверенность варвара передалась и ему.

Свет усилился. День, по-видимому, уже наступил, но под покровом густой растительности, переплетенных лиан, устремленных к небу огромных, разросшихся корон деревьев, видимость не превышала нескольких десятков локтей. Лес совсем не был вымершим: часто замечались мелкие зверьки, которые испуганно перебегали с места на место под молчаливыми сводами столетних древесных исполинов.

В центре новой, более обширной поляны, Конан остановился и спрыгнул с седла. Меж ветвями деревьев наконец-то проглянуло сероватое небо.

— Если рана в плече позволит тебе, попробуй залезть на это дерево! — приказал Конан Пламу. — Если не увидишь солнца, то ориентируйся по горам. Будь осторожен! Я пока сделаю факелы из веток этого кедра.

— Неужели мы будем снова ночевать здесь, в этом лесу?

— Никто не знает, когда его отпустит Мрачный лес. Нужно найти чистую воду и сделать припасы, дичи здесь хватает. Но не всех животных можно есть.

Плам проворно полез по гладкому стволу. Не в первый раз он покорял вершины деревьев-великанов. Небольшие трудное создало ему отсутствие удобных ветвей, чтобы ухватиться рукой, а также и гладкая кора толстого ствола. Дело пошло быстрей, когда он добрался до самых нижних веток. Ушибленное в бою с троллями плечо не причиняло ему особых неудобств.

Вскоре свет усилился. Приближаясь к вершине, Плам убедился, что киммериец сделал безошибочный выбор: дерево было среди самых высоких в лесу. Вскоре он очутился на вершине и осторожно ступил на тонкие верхние ветки.

Слева, лигах в десяти, возвышались гордые Кезанкийские горы. Высоко над ними во всем своем царственном блеске светило весеннее солнце. Его золотые лучи освещали зеленый океан, который охватывал Плама со всех сторон, прямо до горизонта.

Когда Плам спустился на землю, то увидел, что варвар наломал пучки кедровых веток, сделал импровизированные факелы и привязал их к спине своего копя. Он собирал мелкие круглые камешки в пересохшем русле протекавшего когда-то поблизости ручья. Кони паслись на высокой траве, выросшей под усыпанными красными ягодами кустами.

Юноша вкратце сообщил о своих наблюдениях, но ничем не мог порадовать Конана. После того, как Плам оказался на земле, он опять потерял направление и даже не смог вспомнить, в каком направлении находятся горы. Он уже хотел было опять повторить утомительное восхождение на вершину древа-гиганта, решив на этот раз бросить кинжал в направлении взошедшего солнца, но Конан остановил его.

— В Мрачном лесу направление теряется сразу же, уж поверь. Даже я не могу точно определить дорогу. У нас есть шанс выбраться через горы, поднимаясь по их склону. Так некогда поступил старина Шевитас.

— Ты был тут вместе с Шевитасом?

— Нас было больше! Остальные были ворами, очень опытными ворами! Но вышли

отсюда только мы вдвоем с Шевитасом!

— Не любишь много говорить об этом?!

— Тут не место для рассказов. Если не поспешим, то попадем в безвыходное положение. Постарайся убить какую-нибудь дичь, я понял, что ты хороший охотник! И осторожно! Даже днем Мрачный лес преподносит сюрпризы!

* * *

Они остановились только для того, чтобы пообедать. К луке седла Плама были привязаны несколько глухарей, убитых камнями из сделанной Конаном пращи и маленький кабанчик, которого юноша повалил своим легким копьем. Заодно Плам поймал двух крысопод-ных существ странного облика, которые киммериец не позволил есть, объявил их ядовитыми, и выбросил.

На привале славин накрыл плащом какое-то живое существо, подбежавшее к стоянке. Осторожно размотав плащ Плам вытащил оттуда шевелящийся пушистый клубок, оказавшийся маленьким зверьком с бледно-коричневой шерстью. Светлые глазки твари испуганно смотрели на людей. На шерстке виднелись засохшие пятна крови.

Конан повернулся, подал своему молодому товарищу кусок хлеба и мяса, протянул руку и поднял зверька в воздух за шиворот. Варвар внимательно осмотрел тварь, ощупал лапы, причем малыш решительно оскалил зубки, выказывая недовольство.

Затем Конан бросил тварь обратно на плащ славина.

— Не будем разжигать огонь. Выпей только глоток вина! Если до вечера не найдем воду, кони умрут!

— Мы переехали через реку и по крайней мере через десяток ручьев. Почему не напоили коней там?

— Плохая вода, отравленная! Будем надеяться, что росы и влаги на траве лошадям пока будет достаточно. Но в горах воды нет. Пастбищ тоже.

— А что будем делать с этим? — показал юноша на зверька.

— Можем его съесть. Это — щенок снежного волка. Снежные волки вымирают, в Киммерии и Ванахейме их уже нет. Может быть осталось немного в Асгарде. Собаки Имира, бога холода и льда — так зовут снежных волков на Севере. Люди, которым можно верить, рассказывают, что эти звери могут говорить по-человечески. Этот щенок однажды станет большим и сильным животным, у него крепкие лапы и кости. Только вывихнута левая задняя лапа. Царапины не в счет.

— Я думаю оставить его себе, Конан!

— Почему бы и нет? Из него вырастет хороший сторож!

Они довольно-таки быстро закончили с обедом, по место тут было спокойное и киммериец решил еще немного отдохнуть. Варвар почти не спал минувшей ночью и потому вытянулся на куче прошлогодней листвы, закрыв глаза. Даже исключительно выносливый киммериец нуждался в кратком отдохновении.

Плам попытался накормить раненого зверька, но тот упорно отказывался брать пищу у человека. Щенок лишь испуганно поводил глазенками и тихо скулил. Юноша укутал в плащ

маленького волчонка и всмотрелся в чащобу темного леса. Какие ли испытания преподнесет новая ночевка в этих жутких местах?

Плам гордился своим товарищем. Как разгневанный бог смерти, Конан, появившийся из мрака, перебил мерзких троллей и спас его от смерти! С варваром Пламу не будет страшно даже в царстве Сета-Змеенога!

Молодой славин занялся приготовлением жаркого. Он снял шкуру с кабанчика, ощипал и выпотрошил птиц. Затем Плам предусмотрительно собрал кожу, внутренности и перья, и зарыл их под корнями ближнего дуба — не следует привлекать хищников. Славин вытер сухой травой руки от крови и тут только заметил, что варвар наблюдает за ним.

— А ты молодец! — похвала из уст Конан заставила славина покраснеть. — Давай собираться в путь!

Довольно долго они ехали без особых приключений. Плам убил копьем небольшую антилопу, которую взяли с собой. Ближе к вечеру высокие деревья расступились, сумрачная мгла сменилась ярким солнечным светом. Весь день путники поднимались по слабому наклону наверх к горам. Киммериец был уверен, что они все еще далеко от безопасных горных хребтов.

Друзья уже было осматривались в поисках безопасного убежища для ночевки, когда перед ними открылось широкое, свободное от деревьев пространство. Всадники остановились, изумленные раскрывшимся перед их глазами видом. В первое мгновение они не поняли, что представляет собой котловина, за которой опять расстилалось зеленое море леса. Виднелись покрытые низкими кустами холмы, одиноко торчащие скалы, отвесные каменные блоки.

— Исчезнувший город! Исчезнувший город Молоха! — мрачно воскликнул Конан. — Боги, как нам не везет!

Глава X
«Исчезнувший город»

Многие тысячи лет назад низкие возвышения были храмами, дворцами и зданиями, а отвесные скалы — крепостными стенами одного из самых могущественных городов древности — таинственного Кротала, столицы империи Молоха. Управляемая повелителем, носящим имя своей державы, эта империя отделяла легендарную Атлантиду и воинственную Лемурию от мрачного колдовского Ахерона.

Об императоре Молохе, объявленном впоследствии богом, в анналах хайборийских историков было написано совсем немного. Прибывший с далекой звезды на огненной колеснице, он объединил враждующие племена и создал огромное государство. Он построил города, научил людей незнакомым до тех пор ремеслам, дал им в руки непобедимое оружие. Никакая другая страна не смела воевать со страшным Молохом. Он расположил свою столицу Кротал у подножия Кезанкийских гор и создал в ней огромные мастерские и школы для поданных; построил изумительные дворцы, в которых жил сам император вместе с горсточкой полубогов, прибывших вместе с ним со звезд.

Скрижали истории рассказывали о странном, сильно отличающемся от человеческого, облике императора и его приближенных. Молох был умным и рачительным правителем, он управлял и защищал свой народ многие века. После его загадочного исчезновения империя пришла в упадок. Воинственные соседи, ранее устрашенные божественного мощью Молоха, напали и разграбили богатые города империи. Однако, завоеватели не нашли столицу — Кротал. Магические заклинания оберегали творение звездного короля. Сказочные богатства Исчезнувшего Города, как назвали его авантюристы, веками искавшие клады древнего государства, привлекали несметное количество жадных до золота авантюристов: от коронованных особ до пропащих бродяг. Однако никто так и не сумел увидеть развалины Кротала.

* * *

— Значит, легенды и древние рукописи говорили правду! Шевитас был прав! — тихо бормотал себе под нос варвар, пока они шагали по заросшим кустами и травой улицам Кротала. — Здесь хранятся несметные сокровища и тайны!

— Может и мы найдем что-нибудь? — спросил Плам.

— Могучие заклинания охраняют тайны Исчезнувшего города и мы не сможем противостоять им. Я предпочитаю ночевать в лесу. Завтра мы окажемся в горах — посмотри, Кезанкия совсем близко!

— А может нам попытаться выбраться еще сегодня? У нас есть время до захода солнца.

— Поверь мне, Плам, никто не может выбраться из Мрачного леса ночью! Давай найдем

хорошее убежище и завтра продолжим путь…

Внезапно киммериец молниеносно вытащил тяжелый аквилонский меч и могучим взмахом рассек большое, обезьяноподобное существо, бросившееся на него с полуразрушенной каменной стены крепости. Копье Плама пронзило грудь другого чудовища, появившегося как будто из-под земли. Копыта Зверя буквально размазали по камням третьего нападавшего, имевшего несчастье попасть под ноги могучею коня.

— Не человек и не зверь, — спокойно определил Конан, разглядывая убитое славимом существо. — Подобных тварей я видел в брошенном городе на реке Зархеба! Молодец парень, отличная реакция!

Плам заставил себя усмехнуться. В чертах «лица» убитой им твари отвратительным образом смешивались человеческие и звериные черты. Он невольно вздрогнул. Интересно, как много таких уродов скрывается в развалинах? И какие еще чудовища подкарауливают людей в руинах древнего города?

— Надо выбираться отсюда быстрее! — поторопил его варвар, забрасывая внимательно вытертое от крови острие меча в шагреневые ножны. — Предчувствие подсказывает мне, что нам сегодня предстоит немало испытаний.

Путники дошли до середины огромной площади, огражденной высокими пирамидальными храмами, на чьих фасадах были установлены скульптуры нечеловеческих богов, почти нетронутых разрушительным течением времени. Странным было то, что древняя мостовая, сделанная из отлично поставленных базальтовых плит, не обросла травами и ползучими растениями, как остальные улицы Исчезнувшего города.

Как будто чудовищная метла вычистила пространство перед древним жилищем прибывших со звезд богов. Бдительный киммериец заметил свежие царапины па твердом камне, явно оставленные невероятно острым инструментом.

— Кром! Я могу поклясться, что эти царапины — от огромной когтистой лапы, но таких гигантских зверей не существует! — выругался Конан, проводя ладонью по исцарапанной поверхности.

— Боюсь, ты ошибаешься! — предупредил Конана славин. — Посмотри направо!

На обширной террасе, перед одним из храмов, на камнях развалился громадный саблезубый тигролев. Давно исчезнувшие в Хайбории, эти животные обитали лишь в Пуще Пиктов и джунглях по юго-восточному побережью моря Вилайет.

— Не верю я, что эта кошка оставила царапины на плитах, Плам! Тигролев действительно крупный зверь, но существо, повредившее базальт было намного тяжелее и сильнее!

— Может ли саблезубый тигр напасть на нас?

— Он выглядит сонным, наверное, недавно пообедал. Но мне знаком их коварный нрав! Эти твари кровожадны, как аренджунский ростовщик! Однако, тигрольвы лишь обыкновенные животные — никакой магии! Будь он неладен! — свирепо выругался Конан. — Приготовься, кошечка встает! Стой позади меня! Эта кошечка слишком опасно для человека, не облаченного в кольчугу.

Желтый, испещренный черными полосками, хищник поднялся во весь свой величественный рост. Ростом с коня, мускулистый и здоровенный, как кордавский боевой бык. Удивительный зверь издал рокочущий звук. Рев разнесся над притихшей каменной площадью и варвар принял вызов…

Разразился страшный бой, в котором главную роль играл могучий киммериец.

Длинные, искривленные, как тура некие ятаганы, передние зубы страшилища не смутили Конана. Когда бой неизбежен, нападай первым! Это было основным правилом северянина. Животное было не менее сильным и ловким, чем Конан. Огромными пружинящими скачками оно бросилось на осмелившегося вызвать его на бой двуногого карлика. Конан встретил достойного противника!

Столкновение было кратким. Увернувшись от мощных челюстей чудовища, человек нанес сильный удар блестящим острием клинка. С изумительным проворством зверь отскочил назад, успев при этом задеть защищенное кольчугой плечо киммерийца. Выкованная в Таранти и сталь не выдержала удара когтистой лапы и разорвалась.

Глубокие царапины избороздили тело варвара. Не обращая внимания на раны, Конан ловко перекатился под брюхо хищника и проколол его мечом в живот. Но задеть важный орган не успел. Когтистая лапа подхватила его и отбросила на несколько шагов. Молниеносным движением варвар успел перевернуться в воздухе и приземлился на ноги. Он не потерял ми капли своей гордой самоуверенности!

Неожиданно в бок саблезубому тигру воткнулось грубо сделанное копье! Славин вмешался в бой и нанес точный удар. Чудовищная кошка повернулась к новому противнику, пытаясь зубами вытащить впившееся в плоть острие копья. Это погубило тигрольва! Конан молниеносно опустил меч на толстую шею чудища.

Окровавленное чудовище упало на пыльные плиты, обильно орошая их темной кровью.

— Кром! Чтоб их Нергал забрал, этих акви-лонских оружейников! Идиоты! Подсунули мне эту дрянь, убеждая в том, что это — замечательная кольчуга! — ругался киммериец, развязывая кожаные ремни на разорванной плетеной кольчуге. — Проклятые мерзавцы, внебрачные сыновья безухих шакалов и паршивых гиен! Нашли кого обманывать!

Разгневанный, варвар зашвырнул па землю злополучную кольчугу и затем осмотрел добычу.

— Чудесную шкуру мы испортили, малый! Пробита и разрезана! А за челюсти тигрольва король Озрик даст много золота! Старый хитрец собирает подобные вещички. Но у нас нет времени! Солнце заходит, а плохое предчувствие не оставило меня! Беда надвигается!

— Разве нападение тигрольва — это не бела? — удивился Плам.

— Это была мелочь! Быстрей, исчезаем! На… Протяжный вой прервал слова киммерийца.

Властный и мощный, парализующий нервы, отнимающий мужество и заставляющий кровь стыть в жилах, этот звук разнесся над притихшими руинами, оттолкнулся от стены древесных исполинов и возвратился с удесятеренной силой!

— Свора Гураха! Это смерть! — глухо прозвенел голос Конана. Сильный воин стоял, как вкопанный. Титаническими усилиями воли он пытался пошевелиться, по стянутые неизвестной магией стальные мускулы не подчинялись. Пот обильно пролился по изрезанному шрамами лицу, в глазах варвара разгорелся знакомый волчий блеск.

— Кром! Позволь мне умереть в бою, с оружием в руках!

Кони тоже стояли неподвижно. Лишь один славин приготовился к бою. Оцепенение, сковавшее его товарища, не коснулось его. Плам слегка ударил пятками в бока Огненного Танца и приблизился к Конану.

Оцепенение коня и всадника, бешеный, безмолвный гнев в взгляде варвара озадачили его. Вой раздался опять, зловещий и приближающийся ближе, по магия не подействовала на славина.

— Что с тобой? — Плам положил руку на плечо неподвижного воина. — Кто это орет?

Прикосновение руки славина произвело магическое действие. Готовые прорвать кожу мускулы и вздувшиеся жилы Конана расслабились. Грязная ругань сорвалась с его губ. Зверь тоже пошевелился. Огромный жеребец был покрыт показавшейся сквозь боевое покрывало белесой пеной, как будто мчался галопом много лиг подряд.

— Необходимо найти убежище! Немедленно! — голос киммерийца дрожал от напряжения.

Плам огляделся. В десяти шагах от них, прикрытое кустами и вьющимися растениями, скрывалось темное отверстие пещеры. Взяв из ослабевших рук Конана поводья, юноша повел коня за собой. Небольшое усилие — и ветки раздвинулись настолько, что конь мог бы свободно пройти в пещеру. Плам завел внутрь собственного жеребца. Плам снял с седла бешено проклинающего сбою беспомощность варвара и с трудом втащил его в укрытие. Едва он успел ввести и черного боевого жеребца, как снова раздался вой, куда более страшный и совсем близко!

Путники очутились перед каким-то большим помещением: дворца, храма или чего-то подобного. Дверей не было, наверное, они давно сгнили. Две широкие мраморные колонны поддерживали богато украшенный карниз над входом.

Дрожащий от напряжения все-таки киммериец сумел встать на ноги! Он прижался могучими плечами к одной из колонн, уперся ногами в каменный выступ, и каменный столб закачался. Плам помог варвару раскачать колонну, и карниз с треском обрушился на землю, потонув в пыльном облаке.

Сгустилась тьма.

Глава XI
«Пещера Истины»

Огниво высекло сноп искр и пламя факела разгорелось. Славин осмотрелся. Карниз над входом обвалился и теперь двое невольных путешественника были отрезаны от внешнего мира. Если иметь в виду, что этот мир был Исчезнувшим городом и Мрачным лесом это была не особенно большая беда.

Юноша почувствовал тупую боль в ноге. Он лежал на мягком ковре из сгнившей растительности, попавшей через отверстие за время столетней разрухи. Большой обломок колонны давил на ноги.

Конан поставил факел в щель древней крепостной стены, обхватил крепкими руками мраморный кусок и напрягся. Короткий вздох, мимолетное напряжение — и Плам был свободен!

Устроив юношу поудобнее возле стены, киммериец с удовлетворением отметил:

— Кром и судьба хранят нас! У тебя нет серьезных повреждений. Отдыхай, а я осмотрюсь вокруг!

— А ты не пострадал? Что это был за вой?

— Это была свора Гураха, страшного, уже забытого бога, спутника Молоха. Они парализуют жертвы и отнимают их души, чтобы превратить людей в верных слуг древнего божества! Мы спаслись чудом!

— Но почему на меня этот вой не действует? Я не был парализован, только смутился и удивился!

— Откуда мне знать? Наверное, Богард дал тебе амулет или талисман. Но ты поступил, как настоящий воин — спас жизнь и душу товарища. Нет большего позора для одного киммерийца, как умереть без боя, без оружия в руке! Я у тебя в долгу!

— Я не сделал ничего особенного, ведь вчера ты меня вырвал из лап троллей!

— Это совсем другое! Я обещал Богарду, что буду беречь тебя. Отдохни! Я скоро вернусь.

Конан снял факел со степы, проверил оружие и принялся внимательно обследовать помещение, ставшее их тюрьмой.

Зал был огромен. Скоро свет факела стал виден с места, где лежал Плам, как далекая мигающая звездочка. Юноша пошевелился. Колени побаливали, но в целом Плам чувствовал себя хорошо.

После продолжительного отсутствия Конан вернулся. Славин встретил его уже стоя на ногах.

— Мы попали в главный храм Исчезнувшего города! Храм Молоха! Это небезопасно — здесь есть дыры, через которые чудища могут ворваться сюда. Мы не знаем, какие исчадия мрака выползут из укрытий с наступлением ночи. Пока что тут полно змей, большинство из них ядовиты. Ненавижу змей! Но думаю, что я нашел выход!

— Я готов, Конан, пошли!

— Сначала надо напоить коней. Хотел бы я увидеть выражение лица нашего друга Фериша. Он очень любит коней, но чтобы поить их лучшим зингарским вином?! Выпей и ты

глоток, парень!

Конан напоил коней, перебросил пустой мех через седло Огненного танца, зажег новый факел и повел славина вперед. Плам заметил, что варвар не пил вино. У него была нечеловеческая выносливость!

— Единственный путь спасения проходит через Пещеру Истины. На старых картах и планах, которые были у Шевитаса можно было увидеть, что один из входов в нее находится здесь, у алтаря Молоха!

Они дошли до громадного мраморного блока из темного камня. Беспощадные, разрушительные руки времени не оставили здесь такого пагубного отпечатка, как на окрестных руинах. Плита, покрывающая алтарь, блестела, как новая, даже пылинки не было видно на зеркальной отполированной поверхности.

— Посвети мне! — Конан подал факел Пла-му и сразу же принялся осматривать алтарь. Его сильные руки обладали исключительной ловкостью. Как виртуозный вор, ощупывающий сложный замок, киммериец дотрагивался до каждой щели, отверстия или выступа на древнем святилище.

— Ха! — с довольным возгласом отскочил назад варвар. — Подай мне факел!

С ужасным скрипом колоссальная плита начала медленно подниматься. Вероятно, действовал незнакомый механизм, построенный гениальным мастером так, чтобы он сработал и через тысячи лет забвения. Пламя факела осветило большое темное отверстие с широкими ступенями, ведущими вниз.

— За мной! — приказал Конан и без колебаний повел Зверя в открывшуюся пасть алтаря. Плам с Огненным Танцем последовали за ними. Едва успели они пройти шагов десять, как плита с тяжелым стуком вернулась на свое место и полностью закрыла дорогу к отступлению.

— Наша цель — идти вперед и только вперед! — ободрил своего спутника киммериец.

Вскоре перед ними открылось изумительное зрелище! Люди находились в огромной пещере. Гигантские сталактиты спускались с высокого потолка и, сужаясь, переходили в не менее внушительные сталагмиты. Эта величественная колоннада изумляла монументальным величием и огромными размерами. Свет факела не достигал ни до стен, ни до потолка пещеры. Воздух, слегка застоявшийся, но чистый и свежий, приятно холодил путешественников. Торжественная тишина успокаивающе действовала на людей.

— Так это правда! Шевитас опять был прав! Пещера Истины!

* * *

Мясо, нанизанное на прутья, подгорало. Разбуженный острым аппетитным ароматом, Плам очнулся от легкой дремоты и перевернул прутья. Костер хорошо разгорелся и жара было много. Юноша проверил птиц, подвешенных на сделанном из сучьев треножнике. Глухарям надо было еще хорошо прокоптиться. Антилопу тоже следовало провялить. Запас провианта был совершенно необходим — оставленная Феришем провизия давно кончилась.

Собрав сухие сучья, попавшие русло пересохшей подземной реки, Конан занялся осмотром лабиринтов пещеры.

Юноша принялся готовить мясо антилопы для вяления. Едва он выпотрошил тушку и начал резать мясо на куски для копчения, как маленький беловатый клубочек шмыгнул между его ног. Волчонок! Плам совсем было забыл о тоскующем по матери раненом звереныше.

Зверек обмакнул мордочку в еще теплую кровь дичи и начал с жадностью лизать ее — натура хищника требовала своего! Когда человек протянул щенку мелко нарезанную печень, то малыш с угрожающим рычанием вонзил острые зубки.

Плам усмехнулся. Волчонок давился крупными кусочками и скоро начал просить еще мяса. Вынырнувший из темноты Конан сиял с огня большой прут с прожаренным мясом и с интересом наблюдал за сценой.

Скоро все утолили голод и Конан прилег у огня. Плам повесил мясо антилопы над огнем для копчения, а волчонок блаженно облизывал мордочку. Зрелище прояснило мрачное лицо варвара.

— Хороший зверек! Он будет тебе полезным спутником, если не умрет вместе с нами от жажды. Я не нашел воды. Дорог здесь много, но по какой идти — не знаю! Тут мой инстинкт и гроша ломаного не стоит!

— Расскажи мне об этой пещере, Конан!

— Я знаю мало. Шевитас нашел в древнем манускрипте сведения о Пещере Истины и об Исчезнувшем городе Кротале. Нужно иметь ум Богарда, а не мою гранитную башку, чтобы понять, как устроен лабиринт. Но одно я знаю наверняка! Пещера полна магии и несметных сокровищ! Вместе с Шевитасом мы не нашли ни Пещеры, ни Города. Много веков человеческая нога не ступала по этим плитам!

— А есть ли и другие выходы наружу?

— И есть, и нет! Поэтому называется Пещерой Истины! Если верить легендам и словам Шевитаса, здесь человек может открыть истину о себе! Как будто я ее не знаю!

— Что будем делать дальше?

— Сначала отдохнем немного — здесь, по крайней мере, безопасно. Сначала прокоптим мясо и тронемся в дорогу.

Киммериец укутался в плащ и задремал. Плам добросовестно собрал еще дров и засмотрелся в пламя костра.

Славин задумался. Какая судьба его ожидает? Совсем недавно он покинул свое племя и стал изгнанником, несколькими днями раньше Плам был окружен замечательными друзьями, сегодня стал участником интересного и опасного приключения. А что случится завтра?

Маленький мохнатый комок у его ног пошевелился. Зверек едва удерживал отяжелевшее от еды тельце. Когда он двигался, то как-то странно приволакивал задницу из-за пораненной лапки. Но он неутомимо двигался в выбранном им направлении. Скоро он вышел из освещенного огнем круга. Заинтригованный, славин зажег факел и пошел следом за только что оперившимся путешественником.

Вскоре волчонок уморился. Он присел и пустил топкую струйку на пол пещеры. Плам улыбнулся и хотел было отнести щенка обратно к лежанке, но к его удивлению поход в глубину пещеры продолжился. Снежный волчонок прошел мимо нескольких боковых ответвлений — безошибочный инстинкт вел его куда-то!

Внезапно волчонок исчез! Быстро подбежавший юноша осветил место, где потерялся зверек. Низко, возле самого пола зияло круглое, шириной в один шаг, темное отверстие…

Плам долго не раздумывал. От бесстрашного киммерийца он хорошо усвоил главное: вперед! Более того, сам Конан осмотрел пещеру и сказал, что людям ничего не грозит. Юноша пополз иа четвереньках, освещая факелом пространство перед собой. Через десять шагов тоннель резко расширился, и Плам встал на ноги. Скоро он дошел до небольшой залы. Ноги его погрузились в ледяную жидкость.

* * *

Волчонок жадно лакал. Вода, по-видимому, была годной для питья. Плам закрепил факел в щели скалы и внимательно осмотрел залу. Она была овальной формы, около ста шагов в диаметре. Круглое озерце с прозрачной чистой водой заполняло середину помещения. Плам не видел и не чувствовал ничего угрожающего или враждебного. Волчонок утолил жажду и взирал па человека темными, умными глазенками.

Славин решил попробовать воду. Вопрос жизни и смерти — найти воду, годную для питья. Люди могли терпеть жажду еще несколько дней, но без воды или росистой травы жеребцы погибнут! Плам присел на корточки и зачерпнул в ладони прозрачной жидкости. Приятный холод освежил его пересохшее горло, Вода имела превосходный вкус! Даже любимые вина утонченного чревоугодника Фериша не могли сравняться с ней! Юноша выпил несколько пригоршней.

Когда Плам решил возвращаться к огню и даже уже ухватил волчонка за загривок, нечто странное привлекло его внимание. Озеро начало излучать почти незаметное светло-синее сияние. Плам вгляделся в разбегающиеся по гладкой поверхности концентрические круги и замер…

* * *

Зеркальная поверхность озера загипнотизировала Плама. Его существо внезапно распалось на тысячи тысяч маленьких частиц, рассеянных в бесконечности! Сначала Плам ничего не чувствовал. Он был никем и одновременно — всем!

Накатила первая волна видений…

…Он был совсем еще малюткой, размахивал пухлыми ручонками, счастливо улыбался миру…

Волна!..

Был стариком с надрывным кашлем, согнутый иод тяжестью лет… Волна…

Юноша, бегающий по полянам Шема, залитых солнечных! светом… Волна…

Могучий воин с блестящим мечом и стальной броней, в хаосе свирепой битвы…

Он был всеми этими людьми! Был перерожден в каждое из этих перевоплощений! Волна за волной, младенец и воин, раб и хозяин, тьма и свет!

Постепенно все успокоилось. Плам увидел то, что было, понял, что есть, прозрел, что

будет!

Вспыхнул свет! Из света были изваяны образы Реаса Богарда, самого Плама, Конана, десятков других незнакомых людей! Ночь сменяется днем, тьма отступает перед светом!

Новые видения! Змея, кусающая свой хвост. Перекресток без дорог. Порожденные странным озером картины быстро менялись: Конан на высоком троне с золотым скипетром в руке. Птица Феникс, объятая пламенем. Тьма, смерть, разрушение! Восход солнца над притихшими горами. Хаос, отчаяние и надежда…

Долго всматривался славин в блестящее зеркало озера. Увидел много, понял мало. Он с трудом оторвал взгляд от завладевшего его зрелища, взял догорающий факел и, прихватив волчонка, отправился назад, к костру.

Конан спал. Варвар доверился своему товарищу. Стараясь не разбудить киммерийца, Плам взял пустой мех с седла Зверя, нашел чистую выемку в скальном полу пещеры и за несколько походов к озеру наполнил ее водой. Напоил коней, проверил, хорошо ли прокоптилось мясо, и только тогда разбудил киммерийца.

Его спутник мгновенно вскочил на ноги, держа ладонь на оружии. Успокоенный рассказом Плама, Конан куда больше обрадовался питьевой воде, нежели магическим свойством озера. Он погладил с непривычной для него нежностью звереныша.

— Назовем его Бес! В Киммерии у меня была собака с такой кличкой. Она по крайней мере три раза спасала мне жизнь! Погибла в бою! — эти слова сурового воина были высшей похвалой.

— Пусть будет Бес! На моем родном языке это означает — сердитый, разгневанный. Сходи к озерцу, Конан, посмотри на свою судьбу! Я видел тебя на троне, с короной и скипетром в руке!

— Далек я от короны и трона! Часто у меня в кармане нет даже медяка на кувшин вина и кусок хлеба. Какой уж тут скипетр… Магия озера меня не интересует! Раз ты хорошо напоил коней и наполнил мех водой, то мы можем трогаться. Это озеро не показало тебе в каком направлении двигаться?

… — Ничего определенного! Мой путь — к свету — это было главным в моих видениях! Многих вещей я не понял.

— То, что нам нужно выбираться отсюда, это я и без волшебных луж знаю. Пожалуй, брошу и я один взгляд на это озеро.

Пока Конан ходил в озерную пещеру, юноша собрал провиант, погрузил его на коней и укутал блаженно дремлющего Беса в свой плащ. Они были готовы трогаться в путь. Пла-му пришлось ждать долго.

Киммериец вернулся. Конан был весь мокрый, с черной гривы капала вода.

— Искупался, отмыл всю грязь с тела! — непринужденно заявил он. — Не смотри на меня так осуждающе, подумаешь, великое чудо — выкупаться в волшебной воде! Ну и что?.. И все-таки каким крикливым ребенком я был! — восхитился своими видениями Конан.

* * *

Путники продвигались среди фантастических декораций пещеры. Могучий киммериец

двигался так, как будто ясно знал направление. Только когда огромный зал перешел в сплетение широких тоннелей, он остановил коня и внимательно огляделся. Потом он выбрал проход, уводивший направо. Тоннель оказался высоким, устланным мелким песком, который заглушал звук конских копыт. Конан и Плам ехали в полной тишине.

— Мы приближаемся к поверхности. Пришло время выбраться отсюда! — объяснил Конан, нарушая мертвую тишину. Но его надежды не оправдались. Они еще долго ехали, прежде чем заметили, что скальный потолок потрескался и что сквозь камень пробиваются корни, сначала тонкие, как паутина, а дальше все толще и крепче.

На полу валялись скальные обломки, упавшие с потолка и стен тоннеля. Кое-где виднелись широкие щели.

— Нам надо приготовиться! Напои коней и поешь сам, неизвестно что ожидает нас снаружи! — скомандовал Конан, легко спрыгивая с коня. Он зажег один из последних оставшихся факелов.

Плам напоил коней и съел кусок копченого мяса антилопы и накормил голодного щепка. Факел догорал. Юноша зажег было последний пучок сосновых веток, когда увидел приближающийся свет. Конан возвращался из разведки.

— Идем! Я нашел что-то интересное! — слегка возбужденным голосом позвал киммериец. Плам последовал за ним.

Через несколько десятков шагов варвар остановился. Они были близко, очень близко к поверхности. Огромные корни пробивались сквозь скалу. Копан протиснулся между двумя корнями и исчез. Славин протиснулся следом за варваром.

Они оказались в широком прямом коридоре с хорошо отполированными стенами. Оба товарища очутились перед дверью, сделанной из толстых, прогнивших от времени, буковых бревен. Вход загораживали обрывки пыльной паутины — долгие века никто не переступал этого порога.

— Подержи факел, — Конан, неизвестно почему, говорил шепотом. — И будь внимателен.

Киммериец подал факел юноше и вытащил тяжелый меч. Он обмахнул пыльную паутину и подошел вплотную к двери. Она была настолько древней, что даже медные полосы, связывающие прогнившие бревна, позеленели и частью осыпались.

Сильный нажим могучего плеча варвара — и дверь перестала быть преградой. С протяжным стоном крепкие на вид доски распались на мелкие кусочки.

Конан взял факел из руки товарища, вытянул руку вперед и осмотрел пространство за рухнувшей дверью.

— Убежище! — разочарованно установил он. — Или жилище, но не храм и не гробница. Осмотримся?

Плам последовал за киммерийцем.

Помещение было сравнительно небольшим, с низким потолком. Обстановка была бедной: неширокий камин, выстроенный из обтесанного камня, сгнившие остатки кож или ковров. В одном углу они различили маленькую дверцу, тоже бывшую в плачевном состоянии. Вторая комната оказалась более обширной и интересной. Посередине стоял большой каменный стол, уставленный всевозможными склянками причудливой формы, глиняными горшочками и ступками, остатками ламп, жаровен, сгнивших и проржавевших инструментов. Задняя часть помещения была уставлена высокими полками, забитыми странными, туго свернутыми

пергаментами.

— Лаборатория и библиотека! Тут жил какой-то чернокнижник! Нет никакой добычи! Только такие, как Богард рылись бы в подобном хламе, — показал рукой на полки Конан. Плам понимающе кивнул.

Внимание Конана привлек предмет, прислоненный к стене и он поднял его. Это был прямой меч со слегка изогнутым острием. С рукояти свисал серебряный браслет на тонкой цепочке. Варвар очистил рукой лезвие от столетней пыли и остатков сгнивших ножен. К его величайшему изумлению, оружие засияло при свете огня! Киммериец взмахнул мечом.

— Слишком легкий! — разочарованно пробормотал он. Попытался оторвать серебряный браслет от рукояти, но даже его первобытная сила не смогла этого сделать! С гневным ворчанием Конан хотел было забросить меч подальше, но раздумал и оставил его на каменном столе.

Затем киммериец обмахнул пыль некоего бесформенного предмета и обнаружил, что видит перед собой плетеную кольчугу. Сделанная из металла, неподвластная времени, она могла поместиться в одних мужских пригоршнях и блестела так, как будто только что ее выковали в кузнице.

Конан приложил кольчугу к своей могучей груди. Она была сделана для более худого человека, чем он.

— Примерь вот это! — варвар бросил кольчугу Пламу. — И повесь на пояс этот меч!

Молодой славин прервал осмотр большого стола. Плам не посмел приблизиться к библиотеке неизвестного ученого, укрывшегося от внешнего мира в тайной пещере. Юноша испытывал благоговейное преклонение перед книгами, папирусами и манускриптами. Он отставил в сторону красивую серебряную шкатулку, защищенную сложным замком.

— Подарок для Реаса! — отгадал его мысли Конан и одобрительно покачал головой.

Плам быстро натянул кольчугу. Кольчатый доспех идеально подошел Пламу. Он ухватился за рукоятку меча и почувствовал, как волна спокойствия и благополучия разлилась по всему его телу.

Плам обрадовался, как ребенок. Иметь плетеную кольчугу могли позволить себе только состоятельные воины и аристократы. А меч, гибкий и отлично сбалансированный, был отменным оружием!

— Спасибо тебе, Конан!

— Не за что, добыча у нас с тобой общая! — варвар на скорую руку осмотрел содержание библиотеки. Убедившись, что книги написаны на совершенно неизвестном языке и не взяв ни одной, Конан проверил вход в другое помещение и приказал:

— Пошли! Теряем время!

Плам, вешающий на пояс меч с серебряным браслетом, увидел свиток рукописей на столе.

Он быстро сунул их за пазуху. Подарок для Реаса!

* * *

Внешний мир встретил путников недобро. Едва успев выбраться из тоннеля наружу, двое

путешественников оказались среди настоящей бури. Нахмурившееся небо выливало на твердь земли свой гнев! Свинцовые дождевые капли хлестали людей и коней. Рокочущий гром сотрясал землю, яркие молнии раздирали небо.

— Кром Молнемечущий! — ругался Конан, пытающийся помочь Зверю выбраться из пещеры. Сильное животное с остекленевшими от напряжения глазами бешено рвалось вперед, кусало спутывавшие его корневища, рыло землю огромными копытами.

Плам огляделся вокруг. При свете молний он с радостью заметил, что лишь несколько сотен шагов отделяют людей от широких равнин. Они стояли на гребне крутого холма.

Ударил тяжелый град. Ледяные шарики величиной с голубиное яйцо застучали кругом. Земля мигом побелела.

— Ну давай же, толстая черепаха, поднатужься! — продолжал проклинать своего коня киммериец. — Пускай Деркэто отнимет мое мужское достоинство, если я оставлю тебя здесь, недоросль эдакий!

Плам пришел на помощь товарищу. Поводья оборвались, Конан и Зверь поскользнулись, упали и покатились вниз, увлекая за собой Плама. Потоки грязной воды, частые удары в пни, корневища и камни сопровождали головокружительный спуск по горному склону.

Плам пришел в себя под природным скальным навесом. Дождь продолжал идти, но небо прояснилось. Солнце пробило темные тучи как раз над головами людей. Полдень!

Нежный язычок облизывал лицо Плама. Волчонок, чудом уцелевший в многочисленных опасных приключениях, заботился о своем хозяине.

Кони, прижатые друг к другу, отдыхали на сухом месте. Могучий варвар, свежий и несокрушимый, присел на корточки возле него и грыз зубами кусок копченого мяса. Он тепло улыбнулся.

— Хорошо, когда человек носит эти железные рубашки. У тебя всего лишь несколько синяков на теле, больше ничего! Наконец-то, выбрались за пределы Мрачного леса, парень!

Дождь скоро прекратился. Они поднялись в седла и понеслись галопом на юго-запад, мимо Мрачного леса.

После долгой езды друзья достигли высокого холма на окраине Мрачного леса. На его вершине был разложен большой костер, а вблизи был поставлен небольшой походный шатер. Перед ним сидел крупный мужчина с громадным животом и огромными косматыми руками. Он мрачно, с неприязнью смотрел на темные дебри заколдованного леса. При звуке копыт приближающихся к холму всадников его руки молниеносно ухватились за кинжалы, заткнутые за пояс. Но когда он узнал наездников, лицо его засияло.

— Живы! Вы живы! Две ночи жгу костры до небес! Едва не умер, сначала от жажды, а после с перепоя!

Конан спрыгнул с жеребца перед шатром. Киммериец не чувствовал усталости или слабости. Он осторожно снял с седла Плама, страдавшего после улара головой об корень дерева, и положил его на дорогие ковры, постланные перед шатром.

Две могучие десницы слились в дружеском рукопожатии. Варвар принял из рук доброго Фериша полный мех с вином, поднял его кверху и долго, с наслаждением пил. Потом осмотрел суровыми голубыми глазами холм, благоговейно притихших шемитов, темную стену Мрачного леса и торжественным тоном заявил

— Спасибо тебе, Фериш Ага! Твой огонь нам очень помог! Ты спас нас!

И только Плам увидел шутливые огоньки в глазах киммерийца. Костра Фериша они так и не видели!

Глава XII
«Молва»

На следующее утро среди слуг на достопочтенном постоялом дворе «Пуповина» разразилась суматоха, как в боевом лагере перед решительным сражением. Краснощекий содержатель Ванил отдавал приказы своим подчиненным, подобно опытному полководцу. На кухне расторопная Сотея с ранней зари месила, готовила, жарила и варила. Эта суета была следствием событий, происшедших в последние дни в Мрачном лесу.

Ночью, после двухдневного отсутствия, вернулся Плам, молодой воспитанник мудреца Богарда. Уже с раннего утра по городу поползли слухи, что он и Конан из Киммерии умудрились войти вглубь заколдованного Мрачного леса и выбрались оттуда невредимыми с помощью шемитского предводителя Фериш Аги. Молва мигом перелетела через стены старого

Аренджуна и теперь расползалась по ярмарочному городку.

Возможно ли это? Долгими веками никто не осмеливался нарушить покой ужасного леса! А рассказы об экспедиции короля Селтрика?! А приключения Шевитаса? И там был замешан Конан, этот непобедимый варвар! Это невозможно! Это всего лишь только слухи!

Тысячи предположений, тысячи вопросов! Ответы можно было найти только в «Пуповине». Этот постоялый двор оказался в центре внимания торговцев и гостей Аренджуна.

Около полудня напряжение возросло до предела. До ушей старого, но любознательного короля Озрика дошел слух о необыкновенном событии. Его царственный отец пожертвовал целой когортой солдат, чтобы разузнать тайны заколдованного Мрачного леса. Времена меняются! Коронованные особы не лишены любопытства, но имеют гораздо больше возможностей, чем обыкновенные люди, чтобы его удовлетворить!

Статный кавалерийский капитан с красным гребешком на блестящем шлеме и десяток личной гвардии короля посетили «Пуповину». Пока гвардейцы помогали разогнать все более нарастающую толпу, капитан, старый знакомый Ванила, устроил собственнику постоялого двора настоящий допрос. Даже стакан пенистого зингарского вина, который славный офицер выпил не садясь за стол, не отвлек его от выполнения столь важного поручения.

Смутившийся содержатель «Пуповины» рассказал все, что знал:

Да, поздно ночью вернулись молодой славин Плам из Шема, Конан Киммериец и Фериш Ага из Шема. Кони варвара и Плама были истощены и у конюхов прибавилось много работы. Мудрец Богард из Офира очень обрадовался возвращению своего молодого ученика. Юноша был очень уставшим и сразу заснул. Конан и шемитский вождь отправились праздновать победу Олафа из Ванахейма, который выиграл состязание по бросанию камня. С ними был и благородный принц Морог из Хаурана, гость постоялого двора. Они еще не вернулись из «Короны и крови», где, как господин капитан знает, организовывались пиры в честь победителей. Повелитель Реас приказал, чтобы до обеда никто не беспокоил юношу. Кроме того, трое господ принесли с собой какого-то зверька, которого киммериец назвал снежным волком и который выпил уже целое ведро коровьего молока. Бедная Сотея не знает,

что с ним делать! И вот еще…

Проницательный капитан почувствовал себя не в своей тарелке. Ему был дан ясный приказ: проверить, есть ли в молве хоть доля истины. Рассказы Ванила, которого гвардеец уважал, были крайне недостаточными и скудными. Он осмотрел хорошо ухоженную конюшню, восхитился Пустынным Вихрем и Огненным Танцем, от души порадовался могучему Зверю. Посетил кухню, где проснувшийся на ранней заре, Бес как раз опорожнял очередную миску с фаршем.

Перед гвардейцем стояла неразрешимая дилемма! Вернуться и докладывать королю недостаточные сведения трактирщика или разбудить для дальнейших, хотя бы и коротких, объяснений изнуренного воспитанника Богарда из Офира, к которому все, включая и короля Озрика, испытывали большое уважение?

Третий вариант — разыскать пировавшего всю ночь Конана из Киммерии, показался гвардейцу крайне неудачным и неуместным. У дикого варвара был длинный и тяжелый меч, который тот легко и быстро вынимал из ножен!

В этот трудный момент славный гвардеец был спасен самим Реасом. Офирец сошел вниз, в столовую и, узнав о проблемах королевского посла, пригласил его на скромный завтрак. При этом он объяснил ему, что он сам еще ничего определенного не знает и что они договорились с главными действующими лицами в интересных событиях собраться на обед в «Пуповине», чтобы те могли рассказать всем о своих приключениях.

Так как подходило время обеда, вино было превосходным, а из кухни доносились соблазнительные ароматы, капитан принял приглашение. Он позвал десятника, командующего отрядом гвардейцев, и приказал ему доложить во дворец, что мистерия около Мрачного леса рассеется в полдень. После этого с чувством выполненного долга выпил еще один стакан вина.

Толпа любопытных перед постоялым двором увеличилась неимоверно! Сегодняшний день был свободным от игр, а весть о невероятных приключениях остановившихся на постоялом дворе Ванила героев вызвала всеобщий интерес. Слуги, привратник и десяток королевской охраны с трудом удерживали наседающую толпу.

Немного спокойствия принесло возвращение пировавшей всю ночь свиты хауранского принца. Среди хорошо подвыпивших гуляк выделялись огромные фигуры ванира Олафа, Конана, Фериш Аги. У всех, за исключением киммерийца, была качающаяся походка, а царственного Моррога легонько поддерживали с двух сторон охранники. Могучий варвар двигался легкими шагами лесной пантеры, без следа от усилий или усталости, а ведь он выпил на пиру больше всех!

Шумная компания появилась во внутреннем дворике постоялого двора. Растревоженный, Ванил попытался отправить гостей в столовую, но хорошая погода и прохладный тенистый двор неудержимо привлекали подвыпивших друзей. Они настаивали на том, чтобы слуги вынесли во двор столы и стулья, так как хотели продолжать веселье. Кто-то запел громким голосом песню.

По знаку хозяина слуги начали проворно выносить на двор столы, стулья, скамейки. Охранники усадили на удобный плетеный стул принца Моррога, который сразу же задремал.

— Вина! Вина для всех! — прогремел басовитый голос Фериш Аги. Конан уже успел дорваться до высокого бокала и длинными глотками осушал его.

— Король прибывает! Скоро король будет здесь! — эту новость принес посланный во дворец десятник, который привел с собой целую роту гвардейцев, чтобы расчистить путь

правителю.

Паника в «Пуповине» стала неимоверной! Побледневший Ванил беспомощно ломал руки и отдавал изумленным слугам противоречивые приказания. Но тут вмешался Богард и все встало на свои места. Сначала он приказал правильно расставить все по своим местам — длинный стол для короля и почетных гостей, столы поменьше — для остальных, скамьи возле стен и входа для охраны. Потом попросил изрядно подвыпивших членов компании во главе с хауранским принцем освежиться несколькими ведрами ледяной воды из колодца и привести себя в надлежащий порядок. Проверил лично: достаточно ли вынесено из винного погреба вина и других напитков, заглянул на кухню, где толстушка Сотея, единственная из всех слуг, сохранила присутствие духа. Убедившись, что короля примут достойно, офирец поднялся на второй этаж.

Суета во дворе разбудила Плама. Тяжелые испытания последних суток подвергли проверке его молодые силы. Побаливали его ушибленные кости, почти не чувствовал свое левое плечо…

— Соня проснулся! — послышался голос Реаса. — Вчера я дал тебе немного отвара Зелаты. Как ты себя чувствуешь?

— Чувствую себя разбитым, но достаточно бодрым. Я счастлив, что мы опять вместе!

— Самое главное — это то, что ты жив! Я могу научить тебя многому, но искусству выживания тебя будут учить другие, а прежде всего ты будешь учиться сам! В этом искусстве Конана превзойти сложно!

— Конан — великий воин! Он спас меня от троллей!..

— Подожди немного, парень! Скоро здесь будет король и я хочу, чтобы вы рассказали и ему, и другим гостям о своих приключениях с Конаном и Фериш Агой! И неплохо было бы, чтобы ваши приключения были достаточно опасными и ужасными, чтобы держать искателей сокровищ подальше от Мрачного Леса. Рано еще разгадывать его тайны. Слабы мы еще!

* * *

Вскоре суматоха около «Пуповины» утихла. Внутренний двор был украшен, столы обильно уставлены напитками и закусками. На кухне дожаривались несколько нежных ягнят и поросят; к печке Сотеи, уставленной разными пирогами, тортами и пирожными, никто не смел приблизиться. Корзины со свежими фруктами ожидали высочайших гостей.

Ванил, успокоенный и настроенный деловито и строго вовсю шпынял слуг. Прибытие короля Заморы было большой честью!

Веселая компания гуляк разошлась по комнатам и удивительно быстро привела себя в трезвый вид.

Король Озрик прибыл на позолоченных носилках с парчовыми занавесками, которые несли четыре громадных дарфарских раба. Рядом с носилками ехал сатрап Аренджуна Торфаг — невысокий смуглый мужчина с красивым выразительным лбом и холодными серыми глазами.

Встреченный бурными крикам толпы и приветствиями низко кланяющегося Ванила, правитель Заморы благосклонно помахал подданным рукой и вошел в тенистый двор. Король

сел на почетное место за центральным столом.

— Пригласите ваших героев! Пусть наш друг, принц Моррог из Хаурана сядет за моим столом!

Сановники из королевской свиты расположились за дополнительными столами. Рядом с королем, по его правую сторону сел сатрап Торфаг. Постепенно места за королевским столом были заняты. Озрик, жаждавший услышать рассказ героев о их невероятных приключениях в Мрачном лесу, приказал приступать к пиру. Он посадил свежего, как весеннее яблоко, принца Моррога с левой стороны, пригласил Богарда, сопровождаемого альбом Амродом, сесть поближе.

Наконец, со второго этажа сошли вниз виновники сегодняшнего праздника.

Какими величественными и какими разными были эти трое! Громадный шемит с огромными руками и большим животом надел золототканый парчовый кафтан. Белоснежный тюрбан с дорогим павлиньим пером придавал ему экзотический сказочный вид. Рядом с ним шествовал знаменитый киммериец, олицетворение мужественности и непобедимой мощи, мрачный, как его родные горы, вызывал уважение к себе своей первобытной силой! Плам надел серебряную кольчугу и повесил на пояс меч, взятый из Пещеры Истины. С юношеским очарованием, пшенично-русыми волосами, стянутыми золотой перевязью, с ясным, открытым лицом, сияющим от солнечного счастья и слегка покрасневший от смущения, он притягивал к себе взгляды каждого!

— Прекрасная троица! — восхитился король. — Представьте героев нашему величеству и гостям!

Реас Богард представил королю каждого из троих несколькими, хорошо подобранными и краткими фразами. Король соблаговолил вспомнить о прекрасном коне, купленном у шемит-ского вождя и об отличной победе Плама в беге несколько дней назад. Когда очередь дошла до Конана, лоб достойного правителя наморщился и он тихо спросил Торфага:

— Это не тот ли самый варвар, который?..

— Да, Ваше величество! Пять лет назад… — дипломатично ответил сатрап Аренджуна.

Во взгляде старого короля блеснула догадка, восхищение, даже признательность. Некоторые из присутствующих вспомнили слух о том, что несколько лет назад Конан спас единственную дочь Озрика от большой беды.

Король устроил трех достойных товарищей на почетные места напротив себя. Он выпил за их здоровье, и с интересом стал ожидать рассказы смелых путешественников.

Первым, по предварительному уговору, начал Фериш Ага. Шемит был хорошим рассказчиком. Его слушатели насладились стремительной скачкой на лошадях, восхитились геройскому сражению с прокрадывающейся во мраке бандой конокрадов. Они тащили вместе с Феришем сучья и бревна на вершину холма для сигнального костра, сгорали от мучительной, невыносимой, убийственной, нечеловеческой жажды.

К счастью для рассказчика и публики винные погреба Ванила были превосходно наполнены и вином, и пивом, и элем, которые лились, как полноводная река!

Особенно заинтриговал слушателей рассказ о ночной жизни заколдованного леса. Таинственные призрачные огоньки, огненные зеницы во мраке, внезапно выскакивавшие гигантские тени. Стоны мертвых, проклятых душ, стенания утопленников; зловещий писк, прорезывающий тишину. И тянущие к себе, подавляющие волю и сознание песни, уводящие в глубину пустоши. Тяжелые, отдающие эхом далеко на равнине, шаги титанических исполинов, охраняющих свои древние владения… Несмотря на солнечную теплую погоду,

многие слушатели на тенистом дворе почувствовали ледяную дрожь по телу.

После шемита рассказ подхватил Плам. Ничего не преувеличивая, он рассказал о всех своих приключениях. Он особенно подробно остановился на действиях и подвигах Конана. Без его смелости, опытности, неукротимого духа и воли к победе, без колоссальной силы и мощи варвара Плам ни за что не выбрался бы из Мрачного леса!..

Умолчал славин лишь о своих видениях возле подземного озера. Про это он мог рассказать только Реасу.

Рассказ юноши, подробный и увлекательный, продолжался долго. Никто не прервал его, даже толпа на улице притихла. Слова проникали глубоко в сознание слушателей. Несмотря на фантастические опасности и невероятные приключения, звучащие, подобно забытой древней легенде, все верили молодому рассказчику.

— Так все и было! — подтвердил Конан и вызывающе оглядел присутствующих.

— Эти тролли, свора Гураха, Тени Молоха, снежные волки — я слышал о них в старых преданиях и легендах! Мне их рассказывала моя нянька, когда я был маленьким! — с грустью вспомнил король Озрик.

— Тролли — мерзкие создания, сильные и бесстрашные, но глупые! Я убивал их и раньше. Тени Молоха — это исчадия Мрака, убившие двух моих товарищей… Огнемрак погубил остальных! — ответил варвар.

— Значит, ты не в первый раз входишь в Мрачный лес? Но ведь закон запрещает заходить туда!? — сердитым тоном, с нарастающим раздражением прервал его аренджунский сатрап.

— Никакой закон не действует в Мрачном лесу! — невозмутимо возразил Конан.

— Закон всегда прав! В Мрачный лес никто не должен входить! Плам попал туда случайно и я благодарен тебе за то, что ты не оставил его, киммериец! — дипломатично вмешался Богард. — Ваше величество, в моих научных исследованиях я находил достоверные сведения о существах из Мрачного леса. Плам и Конан не солгали!

Заинтригованный король прекратил споры и разговоры. Он дал знак Реасу продолжать рассказ.

— Все эти создания остались от более древнего, чем наш, мира: мира страны Ферри! В Мрачном лесу они выжили по воле судьбы или по решению Высших сил, которые управляют даже Судьбой! Они выше жизни и смерти, даже выше Богов. Обитатели леса — это не только злобные твари и ужасные чудовища.

Наверное, там остались и добрые феи, благородные альбы, Орлы сотворения, умелые гномы и кобольды. Я не знаю! Силы Тьмы проявляют себя куда ощутимее сил Добра!

— А саблезубый тигр? А снежные волки? Во дворце в Шадизаре у меня есть шкура снежного волка, убитого моим прадедушкой королем Богериком!

— Саблезубые тигрольвы живут в джунглях к юго-востоку от моря Вилайет, Ваше величество! — сообщил успокоившийся сатрап Торфаг. — Я охотился на них, когда был в гостях у императора Илдиза несколько лет назад!

А снежные волки все еще встречаются на Севере, король! — объяснил Конан. — Крупные и сильные хищники, большая напасть для овечьих отар.

— И они могут говорить, господин! Я видел ручного и говорящего снежного волка при дворе конунга Рогнера, правителя Асгарда! — вмешался в разговор великан Олаф из Ванахейма.

— Покажите звереныша! — распорядился король.

Сотея немедля прибежала из кухни с Бесом на руках. Маленькое создание, утолившее голод и жажду, спокойно дремало у нее на руках. С неумелым поклоном повариха подала волчонка королю.

Королевская длань нимало ухватила зверька за загривок. Бес вел себя прилично — щенок стойко вытерпел осмотр и даже не зарычал. Озрик положил его на колени и начал гладить ладонью пушистую шерстку.

— Он действительно похож на снежного волка! Пусть этот щенок вырастет большим и сильным животным! Но заговорит ли?

Компания засмеялась королевской шутке. Впечатления, полученные от интригующих рассказов, были слишком сильны. Но червь сомнения все-таки угнездился в сознании некоторых слушателей.

— А шкатулка? Серебристая шкатулка из Пещеры? Где она? — спросил трезвомыслящий Торфаг.

— Меня обвиняют во лжи? — гневно блеснули голубые глаза Конана. Могучий киммериец резко встал со своего места и, опрокинув свой стул, отправился к комнатам на втором этаже.

Наступила неловкая тишина.

Глава XIII
«Меч Зари»

— Конан говорит правду! — мелодичным голосом сообщил альб и встал. Его худая, высокая фигура, облаченная в зеленую одежду, привлекла к себе общее внимание. — Я, Амрод из народа альбов, могу подтвердить, что все рассказанное здесь — правда.

Благородство, столь древнее и величественное, что перед ним бледнело даже столетнее родословие рода Теспидес, из которого происходили правители Заморы, веяло от всего его существа! Гордость, грусть и меланхолия смешивались в странном, нечеловеческом лице альба! Король смущенно моргнул и знаком попросил Амрода продолжить рассказ.

— Этот звереныш — из породы волков названных людьми «снежными». Наш народ называет их «волками-молчальниками». Немногие из них выучиваются понимать человеческую речь, говорят они редко и только по одному слову! Но юноша вынес из Пещеры Истины нечто более редкое и ценное! Кольчуга и меч сделаны из металла, названного митрил-лом. Он попал на Землю из глубин Вселенной и обладает удивительными качествами! Такие кольчуги были только у королей альбов! А меч, — альб протянул руку, и Плам подал ему клинок, — меч сей бесценен! Ваше Высочество, — обратился альб к принцу Моррогу, — найдется ли у вас какая-нибудь старая броня?

Принц отдал приказание. Конан, принесший тяжелый, завернутый в коричневое сукно предмет, сел на свое место за столом. Из комнат принца вынесли броню и поставили ее на специальное возвышение перед центральным столом.

— Закаленная аквилонская сталь! — сообщил хауранский аристократ. — Одна из самых лучших!

Легкими шагами альб приблизился к кирасе. Мимоходом он застегнул висящий на эфесе меча браслет на своем запястье, потом встал лицом к пирующим гостям.

— Я испорчу твои доспехи, принц!

— Это невозможно! Десять против одного, что не сможешь их рассечь! То, что ты — хороший стрелок, с этим я согласен! Но с мечом… Может Олаф или Конан с их силой имеют какой-то шанс, но ты — нет! Да и этим легким мечом — исключено. Он сломается! — принц был повсюду признанным мастером меча и мнение его имело вес при подобных спорах. Даже азартный Фериш Ага не отважился сделать ставку. Только исключительно сильный воин был способен рассечь стальную броню.

— Принимаю ставку в десять золотых! Дело не в силе руки, а только в мече! — бесстрастно сказал Амрод. Он повернулся к цели и резким, почти незаметным, взмахом руки нанес короткий удар. Броня даже не покачнулась..

Принц вскочил на ноги и, не веря своим глазам, приблизился к сероватой кирасе. Меч прошел сквозь крепкую сталь, как теплый нож сквозь комок масла! Тонкая прореха с ровными краями пересекала броню на уровне груди из конца в конец! Если бы доспехи сейчас носил человек, то смерть его была бы неминуемой!

— Олаф, попробуй и ты! — приказал не верящий своим глазам принц.

Рыжий великан вытащил огромный меч, который любой другой воин с трудом поднял бы двумя руками. В его могучей деснице оружие выглядело легким, как перышко! Принц

указал на другое плечо рассеченной брони. Последовал короткий взмах и… доспехи шумно зазвенели но каменным плитам двора. Деревянная подставка рухнула!

Зрители осмотрели броню. Удар только помял плечо, но крепкая сталь выдержала удар!

— Если бы была на человеке или покрепче повешена… — оправдывался рыжебородый колосс.

— Попробуй тогда сломать его! — предложил Гелронд своим напевным голосом. Он протянул руку и подставил меч под удар Ола-фа, опершись на каменную колонку во дворе.

— Так его и ребенок сломает! — засмеялся ванир и снова замахнулся. Удар тяжелого меча выбил сноп искр. Не считаясь с присутствием короля, Олаф гневно выругался глядя на глубокие зазубрины на своем мече.

Тонкое острие в руках альба оставалось невредимым!

— Мы, альбы, намного уступаем в росте и силе нашим исконным врагам, троллям. Поэтому у нас есть гораздо лучшее оружие. Этот меч приспособлен для веерной защиты.

Альб быстро начал размахивать блестящим лезвием и вдруг отпустил эфес из своей руки. Меч повис на цепочке, связанной с браслетом на запястье Амрода. Плавными движениями локтя альб поддерживал и ускорял полет острия. Вокруг него поднялась непробиваемая серебристая преграда, защищающая его от любого нападения!

Большинство из присутствующих во дворе «Пуповины» были воинами. Этот меч и незнакомая боевая техника изумили гостей. Без видимого усилия и усталости маленький странник был недосягаем! Уже никто не сомневался в достоверности всего рассказанного в этот день.

Амрод из Ферри остановил оружие, отстегнул браслет с запястья и положил меч перед королем. Озрик с интересом рассмотрел бесценную реликвию. Изящная выработка, тонкие сплетения по эфесу, отсутствие царапин по идеально наточенному лезвию изумляли! Оружие было, как новое!

— Где можно купить такой меч? — спросил принц Моррог, удивленный качествами клинка.

— Нигде, принц! Выкованы только три меча, два других недосягаемы для людей, а один — для альбов. Но это длинная история. Едва ли один король интересуется преданиями и легендами народа альбов.

— Благородный странник, король должен живо интересоваться всем, что может помочь ему хорошо управлять своей страной! Легенды, мифы и история являются незаменимыми учителями земных правителей. С огромным удовольствием Мы послушаем легенду об этом мече! — мудрый заморийский король лично наполнил бокал вином и подал его одетому в зеленое стрелку.

Амрод с достоинством принял чашу, окинул взглядом весь двор и, после того, как выпил за здоровье всех присутствующих, сказал своим чарующим голосом:

— Легенда о Тролле Трейне и трех мечах — настоящая. Наши легенды и предания не выдуманы, они рассказывают случаи и события из реальной жизни. Но история эта долгая, поэтому подкрепитесь напитками и закусками перед тем, как мне начать рассказывать.

* * *

«Много тысяч лет тому назад, задолго до появления человеческого рода, жил тролль Трейн. Это было неказистое существо, даже но меркам своего уродливого парода. С искривленными слабыми ногами, с впавшей грудью и одним глазом, еще младенцем Трейн был брошен сородичами. Каждое слабое и больное дитя тролли выбрасывали, чтобы поддерживать чистоту своей расы! Случайно тролленка нашли охотники тогдашнего короля альбов Фейнора. Они взяли бедного новорожденного троллика скорее для забавы, нежели от жалости и сострадания. Уже тогда альбы и тролли были смертельными врагами.

Трейн вырос среди врагов своего народа — хилый и уродливый. Он служил у альбов шутом, целью для шуток и забав, но он не являлся рабом. Злоба и подлость, так характерные для троллей, никогда не проникли в его доброе сердце.

Однажды, убирая королевскую трапезную после очередного пира, Трейн собрал остатки восковых свечей и изваял из них изумительно красивую фигурку. Когда об этом доложили королю, то он узнал в творении шута черты собственной дочери — принцессы Аригейль. Даже самые лучшие дворцовые ваятели не могли так хорошо воплотить в собственные произведения ее необыкновенную красоту! Фей-нор понял, что тролль-шут невероятно талантлив!

Король разрешил Трейну бывать в мастерских во дворце. Свое призвание уродливый тролль нашел в кузнице. Дни и ночи проводил он перед кузнечным мехом и наковальней, творя чудеса из металлов и сплавов, которые делал сам. Мечи с великолепными рукоятями, усыпанные драгоценными камнями, невероятно красивые шлемы и брони, украшенные причудливыми аппликациями, боевые топоры, стилеты и кинжалы необычайной формы и крепости. Трейн жил только ради своего искусства! Он стал настолько известным благодаря своим творениям, что каждый знатный альб стремился иметь доспехи и оружие, выкованные странным троллем.

Но жизнь великого мастера не была счастливой. Изгнанный собственным народом, от которого он, воспитанный в духе альбов, испытывал отвращение, Трейн так и не нашел у нас новый дом. Высокомерные и самовлюбленные альбы использовали его талант, но не приняли его, как равного себе. Он выделялся своей уродливостью и неказистостью на фоне своих прекрасных хозяев и это заставляло его чувствительное сердце страдать! Поэтому Трейн никогда не покидал мастерскую. В работе он находил забвение и утешение.

В это время из глубин Внешней Тьмы прилетел и упал на Землю обломок металла. Металл сей был настолько тверд и не поддавался обработке. Даже у Трейна с его умениями и талантом опустились руки. День и ночь он пытался обработать металл, пробовал знакомые и незнакомые способы плавки или пытался отделить хотя бы частицу от небесного подарка. Он забыл о еде и сне. Трейн вел битву — огонь таланта противостоял твердости металла».

Мелодичный голос рассказчика умолк, как бы истощенный борьбой давно умершего кузнеца. Слушатели, околдованные увлекательным рассказом, сидели не шелохнувшись. Старый король, мудрец Реас, свита, стража, слуги! Слегка утомленный высочайшим посещением Ванил, широко открыл рот. Перед Фериш Агой стояла чаша с ароматным вином, до которой достойный шемит даже не дотронулся! Даже мрачный Конан, положивший руки на покрытый сукном предмет, слушал внимательно.

Амрод обвел взглядом притихшую публику, пригубил немного вина и продолжил:

— «Долгой была битва, но в конце концов Трейн признал себя побежденным. Он забросил небесный металл в самый темный угол мастерской и принялся за свою обычную

работу.

Прошли годы.

Однажды некий благородный альб, посетивший мастерскую, чтобы получить свой заказ, обмолвился, что он спешит на прощальный пир, устроенный по случаю отъезда принцессы Аригейль. Дочь короля выходила замуж и уезжала в далекие земли. Она была единственным существом, проявившем теплоту и нежность к Трейну. Они выросли вместе во дворце и то ли из-за случайной прихоти, то ли из-за доброго сердца, альбийская принцесса часто играла с уродливым тролликом. Кузнец решил в последний раз увидеть свою единственную подругу детства.

Он искупался, надел чистую одежду. Его беспрепятственно пропустили во дворец на королевский пир. Многие здоровались с ним. Благодаря своему таланту он стал знаменит! Посадили тролля в конце праздничного стола. Он пил и веселился, как и все остальные.

Наконец, появилась Аригейль! Она была прекрасна, как весенний день, нежна, как утренняя роса, лучезарна, как Заря! Очарованный, тролль не отводил от нее восхищенного взгляда. И когда в конце пира она простилась со всеми и уехала, Трейн понял, что с ней навсегда исчезла в небытие важная часть его жизни.

Он вернулся в мастерскую. Никогда до тех пор не замечал он, сколь мрачно его жилище! Трейн создавал красоту для других, носил ее в своем сердце. Он посмотрел в огромное серебряное зеркало, сделанное для того, чтобы можно было отовсюду видеть в нем его творения. Никогда раньше он не вглядывался в собственную внешность. И увидел отвратительное косматое чудовище! Увидел хилые, согнутые ноги, уродливые, волосатые и мускулистые руки, создавшие столько красивых вещей!

Неужели Трейн был влюблен в прекрасную Аригейль? Или гениальный мастер, исполненный желания творить чудеса, был уничтожен прихотью судьбы? С разбитым сердцем Трейн забился в самый темный угол кузницы и горько разрыдался. Его разорванная на кусочки душа вылилась в поток горьких слез. Слезы тролля?! Неслыханно! Тролли, у которых были каменные сердца, никогда не плакали! В первый и в последний раз Вселенная видела такое чудо!

Но чудеса на этом не кончились! Будто бы согретый слезами Трейна, слиток, на который оперся в своей скорби кузнец, засветился необыкновенным сиянием! Небесный металл, заброшенный в угол много лет тому назад, проснулся!»

Амрод вновь прервал свой рассказ и отпил глоток вина. На дворе наступили синеватые сумерки. Незаметно подкрался вечер.

Ванил уловил запах подгоревшего мяса. Сотея, вышедшая из кухни, увлеклась, как и все остальные, рассказом о несчастном тролле. Глаза добродушной поварихи наполнились слезами. Долг хозяина заставил трактирщика громко воскликнуть, чтобы привлечь к себе внимание слуг.

Этот звук нарушил магию легенды. Проснувшийся голодный волчонок сердито заскулил. Чаши и тарелки многих гостей были пустыми. Слуги засуетились. Сотея отнесла недовольного Беса на кухню. Вынесли светильники и лампы. Аппетитные кушанья появились на столах. В чашах заискрилось вино.

— Как кончается история кузнеца Трейна, благородный странник? — спросил король Озрик, выразив нетерпение всей компании.

— Каждый рассказ имеет свой конец, хороший или плохой, о король! Давайте подкрепимся едой и вином и уважим искусство нашего любезного хозяина!

Все с наслаждением принялись выполнять совет рассказчика. Отборные кушанья Сотеи были превосходны, напитки из винного погреба Ванила — отменны! Вскоре аппетит гостей был удовлетворен. Король, в отличие от прочих, кушал мало. Озрик рассматривал оставленный перед ним меч и с плохо скрываемым нетерпением ожидал продолжения рассказа.

Скоро двор стих. Хорошо освещенный и уютный, он был идеальной декорацией к древней легенде.

«Итак, от слез тролля небесный металл ожил! Вздрогнув от неожиданности Трейн осознал, что случилось чудо! Теперь небесный металл поддавался обработке! Кузнец собрал кусочки своей разбитой души воедино, забыл о своем кровоточащем сердце и начал творить! С помощью работы он становился другим — прямом, красивым, равным прекрасным альбам!

Он работал с целеустремленностью обреченного на смерть. Из мелких кусков космического металла, который тролль назвал митриллом, он сделал клинки и кинжалы. Сделал чудные кольчуги, выковал шлемы и щиты. Специально для короля создал нагрудную броню, непробиваемую никаким оружием. Он не украшал свои произведения, как раньше, драгоценностями. Трейн лишь вплетал образ Аригейль в каждое свое творение. Может он был влюблен в нее?

Из последнего куска митрилла Трейн выковал три меча. Первый он назвал Эскалибур — Меч надежды. Позднее кто-то назвал его Мечом Королей, потому что нетерпеливый король Фейнор сразу же взял его себе. Второй он назвал Элиндрур — Меч Зари. Он был послан Аригейль в дар ее первородному сыну. Третий… Третий меч назвали Эгисиаст — Проклятый меч. Как ни мучился гениальный мастер, меч постоянно ломался и не было никакой возможности выковать его до конца.

Трейн худел и терял силы с каждым днем. Он забыл о еде и только работа поддерживала его силы. Тяжелая, изматывающая силы, работа над Эгистиасом подорвала и без того пошатнувшееся его здоровье. И тогда Трейн создал нечто такое, чего он никогда ранее не делал — из остатков митрилла, огненных капель, оброненных его собственными слезами, он изваял чашу. Как выглядело это последнее творение великого мастера, никто не помнит. Должно быть оно было совершенным творением! Единственная вещь, созданная Трейном и не имеющая отношения к войне и насилию! Он назвал ее Грейль. Что значит сие слово, никто не знает. Многие из мудрецов-альбов после этого пытались рассеять тайну чаши Грейль. Бесполезно! Напрасно!

Обеспокоенный ухудшившимся здоровьем своего придворного кузнеца, король посетил кузницу Трейна. Тролль исхудал, но его единственный глаз остался неизменным — умный и проницательный. Он сиял, как звезда, в полумраке мастерской. Фейнор похвалил свой меч Эскалибур и чудесную броню, но уважительные и восхищенные слова правителя не согрели сердце бедного Трейна. Чтобы скрасить последние мгновения жизни своего бывшего шута, король-альб показал ему статуэтку из воска, много лет назад привлекшую его внимание к таланту презираемого всеми урода.

Трейн встрепенулся, словно разбуженный от глубокого сна. Со статуэтки на него, как живая, смотрела Аригейль — облик коей он носил ее в своей израненной душе. И понял он, насколько иллюзорными были его мечты. Понял, что может остаться красивым только в душе, только погруженный в свою работу!

Схватил Трейн восковую фигурку и расплавил ее в чаше Грейль. Изумленный король

наблюдал за ним и дивился. Гений творца жертвовал любовью во имя работы!

Трейн вынул Эгисиаст — незаконченный третий меч. Полил сломанную его часть воском из чаши Грейль. И меч стал целым. Дело великого мастера было закончено. Трейн оглядел меч, отпил почерневшими уродливыми губами из чаши Грейль и… и тотчас вонзил в твою грудь Эгисиаст, Проклятый меч!

Разъярившись, король швырнул чашу в кузнечную печь и встал на колени перед бывшим шутом. Лицо Трейна было прекрасно! Смерть выпрямила его кривые руки и ноги, его душа нашла покой.

Когда слуги вытащили меч из груди тролли, то молния внезапно ударила между острием и печью! Меч снова сломался! И назвали его — Сломанный меч! В старых рунах альбов написано, что большие несчастья обрушатся на мир, когда этот меч опять сделается целым. Предсказание в нем всегда будет оборачиваться против своего хозяина. Это легенда о кузнеце Трейне и о трех мечах».

Амрод глубоко вздохнул и отпил из чаши с вином. Все, как бы по данному кем-то знаку, последовали примеру альба. Так они отдали последнюю дань уважения Трейну — чудовищу с нежным сердцем и золотыми руками.

— Я рассказал это, король Озрик потому, что меч, который лежит перед тобой — это Элиндрур, Меч Зари!

Изумление всех было бы меньшим, если бы в стол перед королем ударила молния. Очарованные рассказом, слушатели удивленно всматривались в меч — ожившее продолжение легенды. Более впечатлительные из гостей будто ожидали, что перед ними сейчас вдруг появятся искусный Трейн, величественный Фейнор, прекрасная Аригейль.

— Неужели это один из трех мечей выкованных гениальным кузнецом? — спросил король, не осмеливаясь притронуться к блестящему лезвию.

— Есть только три меча из митрилла и все три — дело рук Трейна, король! Эгисиаст все еще сломан и надежно спрятан… Эскалибур я видел — он тяжелее и другой формы. Остается…

— Покупаю меч! — вошел в азарт принц Моррог. — За любую сумму!

— Этот меч нельзя купить или продать, принц! Род Аригейль мертв — иначе Элиндрур не находился бы здесь. Меч может быть только у Хранителя — альба или человека.

— И кто же этот Хранитель? Наверное, ты?

— Нет, принц! Меч сам выбрал своего Хранителя. Этот юноша определен Судьбой носить Меч Зари!

Король кивнул головой и лично Торфаг передал оружие смущенному славину.

— А как выглядела принцесса? — осмелился спросить он, покраснев от смущения.

Трейн метил особым знаком все свои произведения из митрилла. В знаке запечатлен облик принцессы. Посмотри сам!

Альб взял меч и потер его лезвие о кольчугу Плама. Только они вдвоем различили знак, засветившийся на эфесе. А на груди юноши, на блестящей кольчуге ярко, как падающая звезда, на миг засветился образ девушки необыкновенной красоты!

— Аригейль! — разнесся чей-то приглушенный возглас.

Старый король задумчиво поглаживал свою белую бородку.

— Чудеса, чудеса! Эх, был бы я немного помоложе!

— А чаша? Чаша Грейль? Она должно быть бесценна? — спросил практичный Конан.

— Чаша исчезла. Не расплавилась в печи, потому что митрилл, из которого она сделана,

нельзя уничтожить. Существует легенда, что когда-нибудь чаша Грейль вновь появится и сыграет важную роль в истории людей. После этого чаша опять надолго исчезнет!

Разочарованный киммериец нагнулся к Пла-му и спросил его тихо:

— Были ли какие-нибудь подобные чаши на столе в Пещере?

— Только стеклянная и глиняная посуда. И шкатулка.

— Шкатулка! — воскликнул Конан и встал, осененный внезапной мыслью. — Вот шкатулка, которую мы нашли в Пещере!

Он вытащил из-под сукна небольшой серебристый предмет. Король и сатрап первыми осмотрели внимательно предмет. Проницательный Торфаг даже сильно встряхнул шкатулку, по звука не было. Она была сделана из массивного серебра, сильно потемневшего от времени. Не было видно никаких замков или крышки. Шкатулку подали Амроду, но он покачал головой.

— Это не альбийская работа. Творение человеческих рук.

Шкатулка перешла к Реасу, который тоже не смог разгадать ее тайну, потом — к Феришу, попытавшегося нажимом косматых ручищ открыть ее, потом — к другим гостям за центральным столом. Наконец, когда все гости осмотрели трофей Конана, шкатулка вновь вернулась к владельцу.

— Знаю я один номер! — пробормотал киммериец, вынимая из-за голенища сапога тонкий зингарский стилет. Он провел им по матовой поверхности шкатулки, после чего перевернул ее и осмотрел еще раз. Пальцы его, быстрые и ловкие, порхали, как крылышки горного мотылька. Киммериец последовательно нажал на несколько выступов, сунул тонкое острие в невидимую дырочку. Послышалось тихое шуршание и шкатулка внезапно открылась. Варвар осмотрел подозрительно внутреннее содержание шкатулки, освещая его масляной лампой. Потом Конан вынул оттуда странный предмет.

— Книга! — с разочарованием в голосе сообщил он.

Вероятно, после объяснений, что найденные в подземном убежище вещи очень ценны, варвар надеялся па более солидную находку.

Предмет в серебряной шкатулке действительно был книгой, и была она написана на незнакомом Конану языке.

Воистину, после волнующих рассказов и легенд, мифических реликвий из митрилла, снежного волчонка, какая-то книга не представлялась ценной находкой. Король бегло полистал исписанные мелким шрифтом страницы и подал книгу Реасу.

— Это по твоей части, мудрец! Несколько лет назад ты провел месяцы в нашей библиотеке в Шадизаре, пренебрегая даже королевской трапезой! Хорошо, если книга эта окажется каким-нибудь интересным историческим трактатом!

Богард открыл книгу и, на его, всегда бесстрастном, лице появилось изумленное выражение.

— Перед нами некий богоописательный труд, написанный на древнестигийском, Ваше величество! Книга ценна только потому, что она — древняя. Написана более трех тысяч лет назад. За сколько ты ее продаешь, Конан? Я бы купил ее, если нет других желающих.

— За кувшин холодного вина, мудрец! — со смехом ответил киммериец, поворачиваясь к Реасу — он как раз объяснял принцу Моррогу и сатрапу действие серебряного замка на шкатулке. — И притом не самого дорогого! Половина находки принадлежит Пламу!

Юноша подтвердил свое согласие кивком головы.

Между принцем, Торфагом и Конаном началсл оживленный торг из-за цены серебряного

ларца. Гости с аппетитом заканчивали ужин. Были поднесены и ароматные пирожки — гордость Сотри. Король отдал должное большому куску яблочного пирога и мечтательно засмотрелся на звезды. Толпа зевак, удовлетворивших свое любопытство, разошлась, разнося по всему городу новости. Свободные от своих обязанностей гвардейцы наверстывали упущенное, с похвальной быстротой поглощая лакомства и напитки.

Снежный волчонок отправился к коновязи и свернулся клубком у ног Огненного Танца. Осиротевший зверек, проведший двое суток укутанным в плащ на спине асгалунского жеребца, наверное теперь принимал коня за свою мать.

Все были довольны. В теплую весеннюю ночь уютный внутренний дворик аренджунского постоялого двора «Пуповина» представлял собой оазис дружеского счастья среди пустыни бедствий Большого Мира Хайбории.

Глава XIV
«Скрижали Скелоса»

Сквозь открытое окно слышался шум поднятый слугами, убирающими двор. В комнатах Богарда на втором этаже собрался тесный круг друзей. Кроме мудреца, положившего перед собой древнюю книгу, здесь были Плам, альб Амрод, Фериш Ага и Конан. Прежде чем подняться наверх, киммериец молча протянул юноше горсть золотых, его долю от продажи шкатулки, которую купил принц Моррог. Решив, что своему могучему другу лучше не противоречить, юноша положил монеты в свой кошель.

— Друзья! — обвел взглядом присутствующих Реас. — Вы совершили изумительные подвиги, спаслись от больших опасностей и раздобыли необыкновенное оружие. Но в битве, которая ведется от самого сотворения мира, в битве между Добром и Злом, между Тьмой и

Светом холодная сталь не имеет большого значения. Не имеет значения и жизнь любого из нас. Наши победы и поражения, наши взлеты и падения — лишь только пылинки в Вихре этого величественного поединка…

Конан повел широкими плечами в знак немого несогласия со словами мудреца. Варвар, всегда жаждавший знаний, преклонялся перед ученостью и мудростью Реаса и подобно всем остальным испытывал уважение и почтение к офирцу.

— Вы совершили нечто гораздо большее: вы вернули миру это — «Скрижали Скелоса»! — показал на книгу мудрец.

— Чем так важна эта книга? Слышал я о предсказаниях Скелоса и раньше, но неужели все, связанное с этим человеком, не только легенда? — спросил Конан.

— Пророк и святой, Скелос написал эту книгу более трех тысяч лет назад! Тогда еще властвовала мрачная империя зла — Ахерон. Это были времена могучей черной магии, время постоянных воин и насилия. «Скрижали Скелоса» — это не только предупреждение и предсказание, но и средство борьбы с Тьмой!

— Ничего не понимаю! Тьма многолика! Кем были прислужники Тьмы, с которыми боролся Скелос? Последователями Сета? Колдунами и чернокнижниками из Темного круга? Имел я с ними дело и знаю, что с удачей, волей и хорошо наточенной холодной сталью их можно победить! — гневно блеснули голубые глаза киммерийца. — Мне но нужны книжки для того, чтобы свернуть шею злому колдуну!

— Ты прав, Конан! Но сколько людей в этом мире обладают твоей силой, волей и удачей? И как много заблудших душ человеческих погубили или привлекли на свою сторону слуги Тьмы? Человек слаб, а идти по удобным дорогам Зла намного легче, чем пробираться по узкой дорожке Добра!

— Значит ли это, что Тьма сильнее Света, Реас?

— Нет! Два Великих Начала сражаются с помощью своих последователей. И во тьме может вспыхнуть искра, которая разожжет большой пожар, и в самый солнечный день грозовая туча может покрыть землю мраком.

— Тогда почему существует так много злых колдунов, жрецов и чернокнижников, а кроме Акиро — Хранителя мертвых королей — или Пелиаса из Кофа я не встречал добрых чародеев?! — настаивал на своем Конан.

— Магия, особенно Светлая — сложная наука и не каждые может ее осилить! Использование некоторых заклинаний может нарушить Равновесие Мира. Изначально человек — носитель Добра. Культы большинства нынешних богов проповедуют веру в Добро — Митра, Эр-лик, Иштар и некоторые другие боги привержены Свету. За Добро, за Свет надо бороться, как ты, Конан! И как ты, Амрод…

— Повелитель, я рад, что мы наконец-то встретились. Я слишком долго ждал, — меланхоличный голос альба резко отличался от пламенных слов киммерийца.

— Почему столько людей называют тебя Повелителем, Реас? Каким народом ты правишь? Когда же скажешь и мне? Или ты мне не доверяешь?! — возмущенно вмешался в разговор славин.

— Он — Хранитель Элиндрура, имеет право знать все! — твердо заявил Амрод, глядя на Богарда.

— Но Плам слишком молод! — возразил Реас.

— Молодость — не порок! Кроме того, это, — показал на книгу альб, — это обязывает нас все рассказать. Сейчас. Сейчас и сразу.

Реас устало махнул рукой в знак согласия. Альб посмотрел внимательно в ясные глаза юноши.

Мелодичные слова Амрода навсегда врезались в сознание Плама.

— В дни тяжелых испытаний, в вечной борьбе Высших Сил рождаются люди или альбы, способные повести за собой остальных. Они — не боги, не великаны, а просто одарены мудростью, силой воли и другими талантами. Они черпают силу от знаний, опыта и добрых дел и становятся по-своему непобедимыми и могучими. Их зовут Повелителями Зари. Повелителей должны поддерживать верные и знающие последователи. Последним из Повелителей был святой Эпимитриус. Я знал его и помогал ему. Некоторые из Повелителей, овладевшие особенно большой мощью, становятся Властелинами Силы. Скелос, написавший «Скрижали», был именно Властелином Силы, Итак: со времени падения зловещего Ахерона Мрак восстановил Баланс Сил. Тень нависла над миром! Люди и боги изнежились. Последует ужасающее столкновение Начал! Реас Богард — новый Повелитель, Повелитель Зари!

* * *

— Все экземпляры этой книги уничтожены слугами Тьмы или так надежно спрятаны, что найти их почти невозможно. — вздохнул офи-рец, — Я знаю об одной книге, которую жрецы Митры спрятали в пещере под Тарантией. Даже Шевитас, которого я попросил о помощи, не смог ничего найти. Существуют легенды о Безымянном острове в Западном море, где в древнем храме хранится другой экземпляр. Я находил отрывки из этой книги, переписанные и измененные, в храмах и библиотеках Хайбо-рии. Но я и не надеялся, что когда-нибудь в мои руки попадет оригинальный и целый текст «Скрижалей». Конан, ты не видел в пещере иных сокровищ?

— Сокровищ не было! — Конан был категоричен. — Но книг и рукописей я видел много. Если желаешь, мы можем попытаться найти выход из тоннеля, через который мы

выбрались. Несмотря на то, что соваться в третий раз в Мрачный лес я не желаю.

— В переметных сумах должен быть один свиток! Я взял его с каменного стола, он лежал возле книги! — вдруг вспомнил Плам и побежал на конюшню.

* * *

— Вот! — вернувшийся Плам подал Реасу скомканный свиток. Мудрец осторожно развернул его, пригладил рукой и всмотрелся в таинственные знаки, потом подал манускрипт Амроду.

— Ты можешь помочь. Это руны. Альб просмотрел написанное.

— Это завет Дарингэйла, принца западных альбов, внука Аригейль, дочери короля Фейнора. Это объясняет, почему меч Элиндрур оказался в его стране. Принц Дарингэйл был великим воином, но после переселения альбов в страну Ферри остался в Хайбории и стал ученым мужем.

— О чем повествуется в этом свитке?

— Это часть истории моего народа. Если наш молодой соратник не имеет ничего против, я возьму рукопись себе. Принц-ученый написал предупреждение о «Скрижалях» — Силы Зла поймут, что книга появилась на белый свет и попытаются уничтожить ее или отнять у нас

— Мы должны быть настороже! С этого дня каждый из нас в большой опасности! — предупредил Богард. — Я и Амрод сразу же примемся за изучение книги. Пока что держитесь подальше от Мрачного леса и ходите повсюду вместе!

— Пугаешь рыбу водой! — засмеялся варвар. — Кошелек у меня полный, нас ждет множество удовольствий! Пришло время немного поразмяться!

— Будь осторожен, Конан! Береги Плама, он еще совсем ребенок!

— Хорош ребеночек! Повалил пятерых троллей! Но и я научу его некоторым штучкам, обещаю!

— Извини, Реас, но для меня важно понять, — смущенно начал Плам. — Понять слова о Хранителе Меча, борьбе между Добром и Злом, О твоей роли в Судьбах мира! Все это я понимаю, но кто я такой, чтобы вмешиваться в Великую Битву?! Простой пастушок из Шема, случайно оказавшийся среди великих людей! Вот Конан, Фериш Ага, Амрод — все это достойные люди! Смогу ли я стать одним из вас?

— Ты, сынок, уже сейчас — один из нас! Тебе предстоит еще много учиться, но ты вполне достоин быть Хранителем Меча Зари, Меча Элиндрур! А чтобы стать вершителем Добра и Воином Света достаточно иметь честное сердце и справедливую душу. Этими качествами ты в полной мере обладаешь!

Глава XV
«Королевские перстни»

То, что Конан может быть хорошим учителем, Плам уже знал. Но он никогда не предполагал, что его будут обучать столь многим вещам.

Пировавший двое суток подряд киммериец проснулся на ранней заре. Взяв с собой Беса, варвар и Плам вывели коней за город. Конан снова испытал быстроту Зверя и остался доволен, хотя Зверь снова проиграл Огненному Танцу. После этого друзья нашли ровную поляну, отпустив коней и волчонка погулять на воле. Варвар показал Пламу основные положения и приемы боя с мечом. Когда сообразительный юноша усвоил их, они провели учебный бой. Терпеливый Конан спокойно указывал на ошибки Плама, не привыкшего использовать стальное оружие.

За час упражнений Плам продвинулся далеко вперед в познании благородного искусства боя с мечом. Они часто прерывали урок, чтобы оттащить Беса от ноги Конана. Верный звереныш, думая, что его хозяин ведет бой не жизнь, а на смерть, был готов пожертвовать собой, чтобы спасти его!

— Такой маленький, а такой смелый! Нравится мне этот малыш! У тебя будет отличный сторож! — восхищался Конан.

Они оставили коней в загоне Фериш Аги. По-видимому, торговля у шемита процветала — стойла для коней были почти пустыми.

— Послезавтра будут скачки. Хороших коней покупают, как теплый хлеб! — объяснял раболепный Салех, поднося подогретое вино с сухарями па завтрак. — Хозяин что-то не в форме в последнее время, после той жажды на холме! — заботливо доверил им худощавый шемит.

Разбудили Фериша. После долгой и жаркой тирады на шемитском, которую Плам принял за утреннюю молитву богам, Фериш Ага окончательно проснулся и накинул на себя халат.

— Хорошо, что малый не понимает твоего языка, Фериш, — поддел купца Конан. — Иначе как бы я оправдывался перед Богардом за твои словечки!

— Теряю прежнюю стать, старею, устаю, клянусь грудями Иштар! — оправдывался шемитский вождь. — Вчерашний вечер мне запомнился! Книги, кузнецы, принцессы! Битвы! Удивительно! Эй, там, принесите вина своему господину, сыновья верблюдицы и осла! Хотите, чтобы я подох от жажды? — с отвращением сплюнул добродушный вождь.

— Найди мне более быстрого коня, король барышников! — усмехнулся Конан. — Зверь — отличный конь, но для состязания не годится!

— Нет такого коня. Если бы Огненный Танец был хотя бы четырехлеткой и терпел на своем горбу другого человека, кроме этого преждевременно выросшего сосунка… — орал Фериш, попутно гоняя прислугу: — Вина, еще вина, отцеубийцы! Вы меня уморите жаждой, черепахи такие! Знаешь, каких коней привезли гирканцы? А туранские скакуны? Для тебя у меня нет скакового коня, о благороднейший из варваров!

— Услышать такие слова от тебя, царя конюхов, ужаса конокрадов, бога сигнальных костров?! От тебя, которого все называют Спасителем потерявшихся? От покорителя

Мрачного леса! — дипломатично уламывал шемита Конан.

— Пришла мне в голову одна идея… — потеплел Фериш Ага от похвал.

— Если речь идет о деньгах, то мой кошель набит битком!

— Нет, речь идет не о деньгах. В Заморе есть только один конь, способный победить с таким громилой на своем горбу, как ты. Это — Пустынный Вихрь!

— Конь Богарда! Клянусь яйцами Ханумана! Да, это действительно прекрасный конь! Но позволит ли мне Реас воспользоваться им? — в голосе киммерийца проскользнули нотки колебания.

— Коня и жену не одалживают никому! — дополнил его сомнения Фериш.

— Жену можно! — авторитетно произнес киммериец. — Она становится опытней и лучше! Я спрошу у Реаса. Пойдем, Плам! Не хочу пропустить состязание по броску копья в цель!

— Не боишься проиграть? Наверное, ты еще не отдохнул как следует после приключений в Мрачном Лесу и пиров! — забеспокоился шемит. — Я поставлю на тебя!

— Да что может быть лучше, чем отдых на пирах? — озадачился Конан. — Я свеж, как персик! Давай-ка напоследок выпьем еще по одному кувшину вина!

* * *

Конан выиграл состязание очень легко. У киммерийца был меткий глаз и верная рука. Славин мог бы помериться с ним силами, но варвар поразил центр мишени более чем на сто ярдов — он был гораздо сильнее Плама. Юноша не смог бы бросить тяжелое копье на такое расстояние.

Уже знакомый нам пикт Соро успел добросить копье до цели, но его оружие было брошено с недостаточной силой и не забилось в мягкое дерево мишени.

Его господин, принц Моррог, сделавший ставку на Конана, вместе с Фериш Агой выиграл солидную сумму.

Вручая награды победителям, сонный король Озрик сделал знак и сатрап Торфаг подал ему маленький ларец. Лицо мрачного киммерийца просветлело.

Плам доказал, что он хороший ученик: сла-вин поставил на победу Конана и выиграл две серебряных монеты.

По дороге к «Пуповине» шемитский купец умоляюще расспрашивал киммерийца:

— Что дал тебе король в маленьком ларце, варвар?

— Сюрприз! — неизменно отвечал киммериец.

— Я люблю сюрпризы! Это хорошая награда, ведь так? Бриллианты или изумруды? Не томи меня, бессердечный медведь! Покажи! У меня сердце разорвется от любопытства! Какая жара, какая жажда! А я еще ждал тебя два дня, жег костры, как последний угольщик! Неблагодарный дикарь! Там правда алмазы? Отвечай!

— Там — сюрприз! Отстань!

* * *

Перед постоялым двором собралась солидная толпа зевак. Популярность трех покорителей заколдованного леса выросла невероятно. Конюх занялся жеребцами, а Сотея приласкала голодного Беса. Под критическим взором Ванила опытный рисовальщик добавлял к эмблеме трактира золотую корону — знак посещения таверны его величеством Озриком.

— Ну что скажете? — гордо спросил он. — А не изменить ли название на «Королевскую пуповину»?

— Не подходит! — охладил его пыл сердитый и нервный от любопытства Фериш Ага. — Что будет, если король явится сюда искать свою мать?

Они застали Реаса и Амрода за чтением «Скрижалей» Скелоса. Мудрец и альб имели глубокомысленный и отрешенный вид.

Смущенный слуга внес большой поднос, уставленный деликатесами.

— Господин Реас не завтракал, а уже прошло время обеда!

— Раз прошел обед, так принеси и обед, дубина! И не забудь вино! — отчитал его шемит.

Богард рассеянно поздоровался и пригласил друзей к столу.

— Не могу поверить! Столько забытых истин я нашел всего лишь на нескольких страницах! Скелос был великим мудрецом!

— Скелос был умным человеком и наверняка не умер от голода! — твердо заявил Конан и отодвинул книгу в сторону. — И навряд ли он написал «Скрижали» за один день.

— Ты прав, всему свое время. Как прошло состязание?

— Я победил! Битвы и турниры с оружием — это по мне, а в перетаскивании тяжестей мы еще поспорим с Джумой! Жалко, что я пропустил первые состязания!

— Слава лаврового венка все-таки манит к себе, ведь так? — загадочно усмехнулся Богард

— Слава?.. Неплохо бы получить и славу. Когда у меня была слава, а кошелек был пустым, то я мечтал о золоте. Сейчас, когда кошелек полный…

— Ты становишься философом, варвар!

В это время слуга принес еще один поднос и поставил его на стол. Реас осторожно убрал книгу в свой дорожный сундук и пригласил всех к столу.

— Ты ведь не сердишься, что я продал серебряную шкатулку принцу? — спросил Конан

— Книга — вот это бесценный подарок, а шкатулка ничего не стоит!

— Это не подарок! Ты должен нам с Пламом кувшин вина! Но есть одна услуга, которую я обменяю на сей кувшинчик. В конце седмицы будут скачки, а мой конь не предназначен для состязаний. Одолжи мне на время Пустынного Вихря!

— Бери его, — просто ответил Реас. — В близком будущем у меня не будет времени, чтобы обращать на коня особое внимание, и он застоится в яслях.

Настроение Конана заметно улучшилось. Реас расслабился от сковавшего его напряжения и ел с аппетитом. Плам радовался за своего друга-варвара. Только один Фериш был неспокоен. Его терзало любопытство.

— А теперь сюрприз, Конан, сюрприз! — пытался растормошить киммерийца шемит.

Сдавшись, Конан вынул из-за пояса небольшой ларчик и вытряхнул его содержимое на стол. Оттуда выпали пять красивых золотых перстней с большими красными драгоценными камнями. Конан подал каждому из присутствующих по одному перстню.

— Его Величество король Озрик, Правитель Заморы, барон Дера, герцог Пелиштии и прочая и прочая… Так вот, Озрик производит нас в почетные потомственные аристократы Заморы. Мы получаем право питаться за королевским столом, сморкаться в его присутствии и много других привилегий. Завтра мы получим жалованные грамоты. Лишь немногие удостаиваются подобной чести!

— Сюрприз удался на славу! Почетные заморийские аристократы! Выпьем же за это! Слуги, вина! — к шемиту вернулось хорошее настроение. Перстни были прекрасны!

— Ох уж этот король Озрик! — покачал головой Богард. — Дарит мне уже третий перстень.

— А мне второй! Первый я выгодно продал! — доверительно сказал Конан своим низким голосом.

* * *

Кони мчались по вымощенной дороге к Ша-дизару. Отдохнувший Пустынный Вихрь с легкостью обогнал Огненного танца и постоянно увеличивал расстояние между ними. Молодой рыжий скакун, не привыкший к поражениям, напрягал до крайнего предела своё великолепное тело; каждая его частичка дрожала от напряжения и желания победить. Напрасно! Несмотря тяжесть всадника, пепельно-серый асгалунец не дал никаких шансов на победу своему молодому сопернику, да и варвар был превосходным наездником.

Плам почувствовал, что его конь слишком возбужден от погони, он дернул уздечку и заставил его перейти из бешеного карьера на легкий аллюр. Молодой жеребец тяжело дышал, на боках и на морде выступила пена. Постепенно, под ласковой рукой хозяина он успокоился.

— Какой конь! Настоящий ураган! — восторженно воскликнул сидящий в седле принадлежащего Конану жеребца Фериш Ага. Шемит догнал Плама и внимательно осматривал его коня.

— Правильно! Рано еще ему выбиваться из сил. Полностью он покажет свою силу через два года.

— Сколько лет Пустынному Вихрю?

— Девять. Он — в расцвете своих сил! Равных ему нет на всем белом свете!

— Откуда у Богарда такой конь? Мудрецу не следует участвовать в состязаниях!

— Пустынный Вихрь никогда не состязался. Он ведет свою родословную от самой известной кровной линии асгалунской королевской конюшни. От рода самого Божественного Гнева, лучшего из лучших коней, которые рождались когда-либо под небом Шема.

— Значит, Огненный Танец может когда-нибудь иметь такие же качества?

— Может быть! — с сомнением покачал головой Фериш. — Только один раз в сто лет рождаются кони подобные Пустынному Вихрю. Он был отобран среди тысяч иных скакунов и предназначался для Хируна, правителя Шема. В это время заболел единственный

наследник короля — молодой принц Хайсель. Придворные лекари, колдуны и знахари были бессильны. В последний момент Реас Богард спас жизнь ребенка и в знак благодарности король Хирун подарил ему коня.

— Значит у Реаса есть много влиятельных, друзей?!

— Да, это так. Но у него есть и множество могущественных врагов!

— Но ведь Богард такой добрый и мудрый! Он никому не причинил бы зла!

— Добро всегда встречает сопротивление со стороны Зла — запомни эту истину, друг мой!

— Но почему король Хирун подарил Реасу такого цепного копя?

— У нас, жителей Великой пустыни, есть древний и нерушимый обычай — жизнь за жизнь, смерть за смерть! Чем важнее оказанная услуга, тем больше наша благодарность! — ответил Фериш и посмотрел на коня, приказав при этом Пламу: — Теперь оботри жеребца сухой травой и отпусти его попастись. Конан вернется не скоро, а чтобы нам не скучать, после хорошего глотка вина, я научу тебя драться на кинжалах!

Урок оказался очень полезным. Фериш Ага, опытный боец, показавший молодому славину как нужно защищаться мечом против двух лезвий кинжалов, удивил Плама своей быстротой и подвижностью.

Только когда солнце уже клонилось к горизонту, а мускулы Плама одеревенели после продолжительной потешной схватки, Конан вернулся. Сначала он позаботился о Пустынном Вихре, потом отпил из бурдюка шемита порядочный глоток вина и похлопал серого бегуна по шелковистой шее.

— Полагаю, лавровый венок будет моим. Этот конь великолепен!

Глава XVI
«Слуги Тьмы»

Огромным горячим обручем пустыня опоясала стигийский город Лук-сур. Длинные тени пирамид выделялись на кроваво-красном фоне потрескавшейся от жары земли. Лучи яростного солнца освещали высокие мрачные здания. Пески пустыни тихо пели свою похоронную песнь.

Пышная процессия выходила из ворот древнего города. Жрецы, одетые в шитые золотом балахоны, ступали босыми ногами по пыльной дороге. Слышалось тихое пение, прославляющее Сета-Змеенога, верховного бога Стигии…

Шествие направлялось на Запад, где поднимались огромные пирамиды главного храма Змеи. Там и находилась резиденция главного жреца Тот-Амона, Верховного Жреца Черного круга. После долгого шествия жрецы достигли колоссальных, будто построенных великанской рукой, пирамид. Они прошли мимо больших бассейнов из темного камня, в которых плавали огромные крокодилы из священной реки Стикс.

Ночь уже завладела миром, когда шествие остановилось перед самого высокой пирамидой. Море факелов призрачным светом озаряло необъятную площадь.

После общей краткой молитвы в пирамиду вошли только высшие служители бога. За ними следовали двенадцать девушек, укутанных в белые мантии. Их охраняли здоровенные темнокожие стражи. Впереди всех шел жрец с отвратительной золотой маской шакала — Анубиса, верного слуги бога Зла. Жрец уверенно продвигался вперед и свободно ориентировался в сложном переплетении тоннелей, уходящих все глубже под землю.

Перед высокой аркой, охраняемой двумя гигантскими чернокожими стражами, жрец остановился. Каждый из жрецов тоже останавливался перед входом и под внимательными взглядами молчаливых великанов делал сложные знаки. После кивка стражей каждый, кто выдержал испытание исчезал в темном проеме, а его место занимал другой. Последним вошел первый жрец в шакальей маске, пропустив вперед себя девушек. Черные великаны бесшумно закрыли двери.

Жрецы попали в огромный зал. В центре необъятного помещения был построен высокий алтарь из черного малахита. Вокруг него горели лампы, поставленные на металлические треножники в форме переплетенных змей. Под алтарем виднелось большое круглое отверстие, от которого даже в холодном зале веяло принизывающей стужей.

Перед алтарем стоял высокий мускулистый молодой мужчина. Его красивое смуглое лицо с огромным носом имело властные, надменные черты. Он был одет в обыкновенную широкую шелковую тунику, чем ярко выделялся на фоне пышно разодетых жрецов. На шее у человека него висел амулет в виде змейки, вцепившейся в свой хвост. Единственным украшением на его пальцах был обыкновенный черный перстень.

Это был Тот-Амон!

Великий маг поднял обе руки и приветствовал павших перед ним на колени жрецов.

— Добро пожаловать в обитель Сета, Правители Черного круга!

— Ты позвал нас, о повелитель, и мы откликнулись на твой зов! — жрецы сняли с лиц маски.

— С Севера долетела весть, которую я обязан передать каждому из вас. Нашептывал ее ночной ветер, вороны, каркая, сообщали ее миру. Летучие мыши рассказывали ее змеям, а те, шипя, передавали ее совам и филинам, обитающим в древних руинах. Весть разнесли вампиры и вурдалаки, и черные демоны, прокрадывающиеся во мраке Матери-Ночи. Спящий Мрак пришел в движение и эхо пронзительных стенаний разбудило меня. В мир людей возвратилась проклятая книга Скелоса, трижды будь проклято имя его! Попала она в руки нашего давнего врага Реаса Богарда. Этот недоучившийся волшебник объявил себя Повелителем Зари! До сих пор его незначительность и слабость заставляли меня не обращать на него большего внимания, чем на ничтожного клопа, которого я могу раздавить одним пальцем. Но с помощью проклятой книги он может поставить под угрозу существование Черного круга и даже благополучие Всемогущего Сета! Надо действовать молниеносно и беспощадно!

— Где сейчас находится самозваный Повелитель Зари, хозяин?

— В Заморе. Многих подробностей я не знаю. И поэтому я собрал вас, чтобы совершить жертвоприношение Чешуйчатому и провести совет Правителей Круга.

— Твоя воля — закон для нас, Великий! — в один голос ответили жрецы.

* * *

Пир победителей в «Короне и крови» был более чем скромен. Душа компании, принц Морог, сослался на легкое недомогание и не соизволил придти. Плам остался с Реасом в «Пуповине», друзья выигравшего третье место Бака Безошибочного глаза из цирка мэтра Булемеса, давали вечернее представление и рано из трактира. Конан и его верный сотрапезник Фериш Ага попытались было оживить веселье, но скоро впали в уныние.

— Кто-то нас проклял! — шемит злобно смотрел на полную луну.

— Кому понадобилось нас проклинать? — возразил Конан, показывая на заснувшего возле стола пикта Соро. — Просто люди обмельчали…

— Полностью с тобой согласен, друг! И у нас, в Шеме, слабаков стало больше, чем нормальных людей.

— Ну где это видано — жратвы и питья завались, а в полночь за столами уже никого?! — возмущался киммериец. — Здесь скучно! Давай отправимся в вертеп на ярмарке?

— Кажется, туда мы собирались повести нашего парня!

— Он молодчина, Фериш! Говорю тебе, Плам станет великим бойцом! Ему лишь остается научиться выпивать и ценить женскую ласку!

— Он берет пример в этом деле с Реаса. Ты видел, чтобы мудрец напивался?

— Парень будет бойцом, а не ученым мужем!

— Выпьем же за твое пророчество! Слуги, вина!

Выпили, однако накопившаяся за последние дни усталость дали знать о себе и железный организм Конана подвел его. Перед его глазами появились расплывчатые образы прошлого, в душу проникли жалость и умиление, столь несвойственные его твердой натуре. Впервые за много лет Конан был пьян!

— Хороший парень! Признаюсь тебе, Фериш, там, в Мрачном Лесу, этот сосунок спас

мне жизнь!

— И хорошо сделал! — глубокомысленно заявил шемитский вождь.

— Хорошо конечно! Я свалился, как побитый пес, а он схватил меня и…

Дальнейший разговор продолжался в том же духе, но речи варвара потеряли смысл, а добродушный Фериш Ага расплакался на его плече от неизвестной скорби. Выпили еще по одной чаше вина и сразу установили, что оно горьковато.

— Наверное, тавернщик думает, что мы пьяны, поэтому и подсовывает нам эту гадость, — бурчал киммериец и пытался успокоить горько рыдающего шемита. Внезапно в голове варвара родилась гениальная идея. Он подтолкнул икающего шемита и доверительно зашептал ему на ухо:

— Я знаю, что мы сделаем! В шатре Шевитаса есть почти полный кувшин розового зингарского нектара!

Во взгляде шемита появилось понимание. Он вытер слезы и спросил:

— Он наполовину полой или наполовину пуст?

— Верь мне, Фериш — кувшин наполовину полон!

— И чего мы тогда ждем? Пошли!

Царственным жестом Конан бросил на стол несколько золотых и попытался разбудить Соро, но пикт напился до беспамятства.

Они вдвоем отправились к ярмарочному городку и решили пройти напрямую, через Старый Замок. Это был заброшенный дворец правителей Аренджуна. Необитаемые постройки служили прибежищем для нищих и для бездомных собак.

* * *

Когда двое друзей вошли в тихие, темные и грязные проулки возле Старого Замка, к Конану уже вернулась его прежняя твердость духа. Он знал, что старые руины часто являются сборищем грабителей и разбойников. С одной стороны, слава Конана среди преступников Заморы была равна славе Шевитаса, короля воров. С другой, почти все благородное воинство аренджунских сейчас трудились в ярмарочном городке и опасаться было нечего.

Однако киммериец потрогал свой тяжелый кошель, проверил, на месте ли его меч и удвоил внимание. На варвара произвело впечатление то, что иа освещенных полной луной улочках не было бездомных собак и кошек. Это заставило его окончательно протрезветь. Зловещий вид Старого Замка произвел впечатление и на шемита.

— Зачем проклятущая луна светит в глаза?

Уж не хочет ли она, чтоб мы пригласили ее с нами хлебнуть от эликсира Шевитаса! Конан, почему так тихо кругом?

Конан положил руку на его плечо. Что-то было не так. Все существо Конана говорило о том, что некто, враждебно настроенный, наблюдает за ним. В какой-то момент варвару показалось, что он находится в Мрачном лесу.

В темноте блеснули чьи-то глаза.

— Подожди здесь, Фериш! Я проверю кое-что и сразу же вернусь, — и бесшумно, как

леопард, киммериец исчез во тьме. Даже металлические колечки па его кольчуге не звякнули.

Оставшийся в одиночестве храбрый пустынный вождь ничего не боялся. Он подошел к ближайшей стене и не стесняясь облегчился. В этот момент облако закрыло луну и тьма поглотила развалины Старого Замка. Поблизости послышался шум падающих камней. Наверное, это возвращался киммериец. Шемит сделал в темноте несколько шагов, споткнулся и сердито выругался, увидев что лежит под ногами — он наткнулся на все еще теплое человеческое тело.

Облако было унесено ветром и полная луна вновь осветила улицу. В ногах Фериш Аги действительно лежало тело бродяги. Голова человека была неестественно вывернута назад, горло разорвано. Из жил на шее вытекала темная, почти черная, кровь. Человек был убит совсем недавно!

Кинжалы мигом оказались в руках опытного бойца, и их лезвия блеснули в лунных лучах.

Из темноты на шемита смотрели два огненных глаза. Ага увидел массивную, наклонившуюся вперед, фигуру. Слышалось тихое, но мощное рычание.

Внезапно из оставшихся сторожевых башен древнего дворца донесся протяжный, леденящий кровь, волчий вой. Тотчас послышался могучий боевой крик, не менее сильный и дикий, сопровождаемый неистовым рыком и глухими ударами. Наверху шел бой…

У Фериша были свои трудности — шум из башни послужил знаком для нападения существу, притаившемуся в тени. Тварь бросилась на человека. Щелкнули крепкие челюсти с длинными окровавленными зубами. Могучие лапы с острыми, как кинжалы, когтями, потянулись к человеку!

Но перед чудищем стоял не парализовавшийся от ужаса бродяга, а закаленный в бесчисленных битвах опытный боец. С удивительной для его телосложения подвижностью шемит нанес точный удар. Раздался свирепый вой, в котором безумная ярость боролась с острой болью. Ужасный волк повернулся и молниеносно набросился на шемита. И снова его атака закончилась неудачей, а длинная кровавая рана пересекла грудь нападавшего. Хорошо наточенные лезвия кинжалов вонзились в тело зверя.

Кошмарное создание пыталось выпрямиться на обрубках лап, но напрасно! Шемит нанес последний удар, который разрубил надвое огромную волчью голову.

И все-таки кошмарное существо не умирало! Заметив непонятное движение, Фериш Ага посмотрел влево и не поверил своим глазам! Одна из отрубленных лап царапала когтями по каменным плитам и пыталась добраться до человека!

— Пусть Иштар придет мне на помощь! — воскликнул шемит. — Что это за исчадие Мрака?!

— Оборотень! — ответил ровным голосом Конан, бесшумно появившийся из темноты с окровавленным мечом в руке. Варвар вытер краем плаща меч, и убрал его в шагреневые ножны, а затем срезал кинжалом молодое деревце и быстро заточил оконечье. После этого Конан приблизился к бьющемуся в агонии оборотню и забил острый конец деревца в его грудь. Послышался протяжный, почти человеческий стон и оборотень застыл. Чудовищные формы заместились человеческим телом, длинная шерсть исчезла. Перед глазами изумленного шемита застывшая звериная лапа с острыми кривыми когтями превратилась в человеческую руку.

— Оборотень умирает только когда ему в грудь вонзишь деревянный кол! — авторитетно

сказал варвар. — Иначе его не убьешь.

— Хочу выпить… — пришел в себя купец.

— Тогда пойдем к шатру Шевитаса!

— А другие вурдалаки?

— Я не чувствую их присутствия…

* * *

На алтаре в главном храме Сета лежали шесть девушек с перерезанными шеями. Зло было ненасытно! Шесть прекрасных девиц, не узнавших счастья любви, были хладнокровно убиты жрецами. Их нагие холодные тела никогда не почувствуют мужскую ласку. Они были невестами Сета, невестами Тьмы!

Вглядываясь в полированную поверхность темного алтаря, Правители Черного круга недовольно качали бритыми головами. Что же показывало им облитое девичьей кровью магическое зеркало?

— Эта безмозглая гора мускулов и этот надутый мех с прокисшим вином избежали смерти! — раздался гневный голос Тот-Амона.

— Варвара нельзя не принимать во внимание, Великий! Он всегда боролся с Черным кругом и часто побеждал…

— Замолчи, несчастный! Любой человек, восставший против Круга, будет уничтожен!

— Прости меня, господин! Я только хотел сказать, что нельзя недооценивать врага! Богард и без проклятой книги доставлял нам неприятности, — голос жреца из Кеми был бесстрастным, но взгляд его — нет.

— Поэтому надо ударить по нему быстро и неотразимо! Кто из Правителей Черного круга сейчас находится ближе всего к Заморе?

— Ваш брат Тот-Атон — в Тарантии. А наш старый наставник Хирент — в Бритунии, господин.

— Мой брат достаточно могуществен, а старая лисица Хирент знает тысячи способов уничтожить врага. Отправим туда обоих!

Властным жестом Тот-Амон подозвал очередную девушку к алтарю. Нежным, почти любовным движением, он отодвинул шелковые кудри и перерезал белоснежную шею…

Глава XVII
«Пустынный Вихрь»

На другое утро, перед традиционной прогулкой и тренировкой за городом, Конан рассказал о полуночном приключении Реасу. Мудрец встревожился: — Война против нас началась! Нужно подготовиться к более серьезным ударам!

— Я и раньше встречался с вурдалаками! — попытался успокоить его киммериец.

— Но не в центре большого города! Будьте начеку! Держитесь всегда вместе! Слуги Тьмы не пожалеют сил, чтобы уничтожить нас. А прежде всего — меня.

— Значит, и тебя надо оберегать?

— Против меня они используют магию и попытаются уничтожить книгу. Однако, Правители Черного круга не смогут быстро добраться сюда.

Реас проводил Плама и Конана, оставил альба охранять жилище и вместе с принцем Моррогом отправился ко дворцу Торфага. Их сразу же приняли король и сатрап. Богард поблагодарил за почетные перстни и рассказал о ночном происшествии. Торфаг никогда не слышал о подобных случаях в управляемом им городе и приказал библиотекарю навести справки. Обрадованный возможностью услышать и увидеть еще что-то необыкновенное, король Озрик приказал полусотне гвардейцев сопроводить его до развалин Старого Замка. Они быстро нашли трупы на узкой улочке. Место было таким безлюдным и заброшенным, что городская стража посещала его крайне редко. В одной из полуразрушенных башен нашли страшно изрубленные и обожженные кости, а в нетронутом солнечным светом углу ужасные останки оборотней все еще вели свою невероятную самостоятельную жизнь. Кошмарная морда дергалась и щелкала зубами в поисках жертвы. По совету офирца гвардейцы осторожно собрал останки положили их на солнечный свет.

— А что, если я заберу челюсть оборотня в мою коллекцию редкостей? — спросил король.

— Теперь они безопасны, Ваше величество. — ответил Реас и внимательно осмотрел обугленные кости.

— Позаботься об этом, Торфаг! А почему эти руины все еще загромождают твой город?

— Эти руины — ваша собственность, о король. Могу ли я получить приказ снести Старый замок до основания?

— Сегодня приказываю: за счет казны расчистить эти развалины и построить базарную площадь и амфитеатр! От прибыли построить и содержать приют и школу для беспризорных детей. Приготовь документ и напомни мне, чтобы я его подписал!

У старого короля было много недостатков, но он был умным и проницательным правителем.

— Конан и этот шемит — какие храбрецы, какие мужи! Убить четырех вурдалаков! А не сделать ли их почетными аристократами Заморы? Они этого достойны!

— Но вчера Ваше величество соблаговолил удостоить их этой чести!

— Значит, я хорошо сделал! — ответил довольный король. На миг он глубоко задумался и пробормотал под нос: — Но ведь они расправились с чудовищами только этим вечером?! Странно!

* * *

После утренней тренировки друзья медленно возвращались в город. На следующий день Пустынный Вихрь должен был принять участие в бегах и Конан щадил его. Славин был доволен собой. Езда уже была для него не мукой, а удовольствием. Он получил похвалу от самого Конана, а мрачный киммериец редко хвалил кого-либо. Какая удача — быть другом и учеником такого мудреца, как Реас, и воина, как Конан!

Конан и Плам подъехали к шатрам шеми-тов. Благородный Фериш Ага собрал своих людей на трапезу перед шатром.

— Наверное Фериш в десятый раз рассказывает им, как зарубил вурдалака! — усмехнулся Конан.

После обычных приветствий и ранних тостов ага приказал одному из своих людей позаботиться о конях и дать Пустынному Вихрю двойную порцию овса.

— Больше кормить его не будем, — объяснил он. — Вчера я послал всех моих людей разузнать вокруг. Ну так вот, есть два коня, которые могут создать нам проблемы. Туранский король Илдиз прислал самого лучшего своего скакуна — гордость Аграпура. Великолепный жеребец-пятилетка. Если на свете есть конь с качествами Пустынного Вихря, то это он. Плохо для нас то, что с ним послали наездника, который весит меньше кошелька пьяницы. Второй скакун — это пятнистая гирканская кобыла Стрела. Ездит на ней Кетраг, который был вторым в стрельбе после нашего Амрода. До сих пор никто не побеждал ее. С гирканцем ты справишься, но с туранцем?

— Конь Богарда великолепен, Фериш Ага!

— Это меня не беспокоит. Никто не может так быстро взять старт, как серый асгалунец! Ты должен быть первым от начала до конца.

Мне пришла в голову одна идея! Я буду участвовать в скачках!

— Ты?! — с недоверием посмотрел на него Конан. — Тебе не кажется, что ты несколько… э… тяжеловат для скачек?

— Буду участвовать только в начале! У твоего боевого коня есть некоторые преимущества, знаю я его!

— У тебя есть опыт, Фериш! Оставляю решение за тобой.

Шемит хитро взглянул на Конана:

— У Шевитаса отличное вино! И голова у меня не болит. Но в «Короне и крови» нам подсунули какие-то помои, так ведь? Ночью мне привиделся кошмар: мы с тобой вдвоем дрались с какими-то чудовищами! Смешно, правда?

— Это были вурдалаки! В Старом Замке, — бесстрастно ответил киммериец, отпивая из своей чаши.

— Значит, все было на самом деле! Пусть меня поразит Эрлик! И это не было кошмаром, а, Конан?

— Клянусь Кромом, нет!

— Значит я в самом деле убил оборотня! Какой ужас! Это будет отличная история для рассказов у костра!

* * *

Ранним утром перед Львиными воротами собрались все наездники. Начало состязания было определено на полдень, по толпа зевак стала настолько плотной, что движение было почти невозможно.

Богард остался на постоялом дворе, а Амрод присоединился к группе шемитов, плотно окруживших Пустынного Вихря и Зверя.

Вскоре появился гирканец Кетраг на великолепной пятнистой кобыле. Он дружески поздоровался с приятелями Конана и потом попросил осмотреть их коней. Фериш Ага великодушно разрешил, а сам уставился на гиркан-скую кобылу. Лицо его сияло от восхищения.

— Я и не предполагал, что гирканцы выращивают таких коней!

Кетраг с уважением осмотрел огромного Зверя, но все его внимание было занято Пустынным Вихрем. Затем гирканец приблизился к Амроду, который обсуждал с Пламом и Конаном приемы боя с мечом и топором.

— Я не привык быть вторым, — заявил немногословный гирканец. — Такого коня я никогда еще не видел!

— И твоя кобылка хороша! — Фериш Ага присоединился к группе. — Принеси нам вина, Салех!

Возле туранского жеребца стояла вооруженная охрана из гвардейцев императора Илдиза. К коню не допустили даже изворотливого Фериш Агу.

— Прекрасный скакун! — прокомментировал Кетраг. — В прошлом году мы со Стрелой победили его, однако тогда он был еще молод.

Ближе к полудню король занял место на почетной трибуне. Плам и альб сели рядом с принцем Моррогом. Неисправимый игрок сделал ставку на туранца против Фериш Аги, чьим фаворитом был Пустынный Вихрь. Король дал знак, трубы заиграли и кони помчались вперед. Серая Тень вырвалась вперед поднимая пыль копытами. Пересекая широкую площадь перед Львиными воротами, Пустынный Вихрь обогнал других более чем на два корпуса. Кавалькада исчезла за шатрами временного лагеря.

Почетные зрители подкреплялись напитками и ждали, когда всадники появятся на другой стороне города.

— Конан выиграет, обязательно выиграет! Прекрасный конь Пустынный Вихрь! Он обогнал Остальных на два корпуса в самом начале соревнования! — радовался хауранский аристократ.

— И Стрела, и туранец догонят его! — был убежден сатрап.

В это время на трибуне появился Фериш Ага во всем своем великолепии.

— Мой друг, ты был третьим, почему отказался? — удивился принц.

— Пить захотелось, а и поясницу что-то прихватило! Да и не смог я догнать остальных! А раз я не первый… — Фериш осушил услужливо поданную ему чашу с вином и попросил вторую. — Стар я стал для состязаний, принц! Лучше буду драться с оборотнями!

Приближалось время, когда первые наездники должны были появиться с южной

стороны города. Публика волновалась. Ставки подскочили.

Послышался далекий топот копыт. Возле стен крепости появился одинокий всадник. Зрители на трибунах вскочили на ноги, даже король Озрик поднялся с кресла. Это был пепельно-серый жеребец!

— Конан! Конан и Пустынный Вихрь! — орала толпа.

— И никто не может догнать их! — дополнил Фериш Ага. — Они более чем на тридцать мер впереди остальных!

Принц Моррог перебросил шемиту тяжелый кошелек и в то же время победоносно посмотрел на аренджунского сатрапа. Торфаг смиренно кивнул головой. Он проиграл пари.

На достаточно большом расстоянии после киммерийца появились двое всадников, скачущих совсем рядом. Белый туранский жеребец, яростно пришпориваемый всадником, пытался отчаянно обогнать пятнистую Стрелу. Красивым было зрелище борющихся за превосходство коней! Стройные тела, с вытянутыми вперед шеями, с развевающимися пышными гривами!

С ликующим криком Конан пересек финишную линию. Трибуны восторженно взревели.

Глава XVIII
«Тучи сгущаются»

Несколько дней после конных состязаний друзья отдыхали. К ежедневным утренним прогулкам присоединились Реас, Амрод и принц Моррог.

Они оставили постоялый двор под надежной охраной свиты принца, который с воодушевлением принялся просвещать Плама в благородном искусстве фехтования.

После знаменитых скачек кочевник Кертаг, пришедший на скачках вторым, уединился с Фериш Агой. Будучи ценителем вина и знатоком оборотням, здоровенный шемит был еще и признанным авторитетом в области коневодства. На следующее утро Кетраг посетил Богарда. Он с достоинством поклонился и полнее ему в подарок великолепную шубу и шапку из шкуры редкой голубой лисицы.

— Уважаемый мудрец! Ты — великий человек, желания и стремления обыкновенных людей чужды тебе. Но твой конь — это дар богов. Второго такого нет на белом свете. Мы не должны допустить, чтобы его род пресекся! Позволь моей кобыле, чье родословие прослеживается на сорок семь поколений, забеременеть от Пустынного Вихря!

— Мудрые люди говорят, что полезный подарок и искреннюю просьбу не отвергают без причины. Я согласен! Но как это сделать? Меня ожидает долгий и опасный путь. Как ты найдешь меня, когда наступит нужный момент?

— Я — свободный воин. Рядом с тобой есть люди, которые вызывают мое восхищение и уважение! Позволь мне присоединиться к вам. Старые люди в моем племени говорят, что лишняя стрела в колчане — лишней не бывает!..

Так Кетраг оказался одним из учителей молодого славина. Изящную Стрелу теперь постоянно ставили рядом с пепельно-серым асгалунцем, чтобы они привыкали друг к другу. В конюшие «Пуповины» стало тесно, и Плам, опасаясь, что какой-нибудь конь может наступить и покалечить Беса, забрал волчонка к себе в комнату. Благодаря самоотверженным заботам Сотеи и благодаря своему истинно киммерийскому аппетиту осиротевший звереныш исцелился от ран и рос с удивительной быстротой.

Бес рос, быстро наливался силой и сопровождал людей на утренние прогулки. Когда щенок уставал, он поднимал жалостливый вой и рыжий жеребец останавливался. Плам клал маленького разбойника в специально сшитую сумку, повешенную за седло. Оттуда виднелись только уши и мордочка любопытного зверька.

Фериш Ага тоже не пропускал прогулки за город. Шемитский купец послал своих людей под предводительством Салеха обратно в Шем. Хорошая торговля требовала хорошей подготовки и его люди должны были подготовить новый табун лошадей для продажи. Сам вождь переехал к Конану в оставленный Шевитасом шатер.

Благодаря своим природным физическим качествам быстро овладевал наукой боя. Вскоре даже такие мастера езды, как Кетраг и Фериш Ага не делали ему замечаний. Гирканец показал как надо дрессировать жеребца, и невидимая связь между конем и всадником, зародившаяся еще с их первой встречи, окрепла настолько, что Плам мог мысленно позвать жеребца.

В области фехтования учителей было больше, а успехов меньше. Конан учил Плама

силовому бою, показывал, как следует противостоять превосходящему его по мощи противнику. Сам принц Моррог открыл ему тайну фехтования легким прямым оружием, особенно популярным среди аристократов. Фериш Ага, кроме боя двумя кинжалами, научил Плама благороднейшему искусству кабацкой драки и обращению с воровским ножом. Амрод показал боевые приемы альбов и обучил веерной защите, при которой один воин может сам успешно сопротивляться десяткам врагов.

Реас больше других радовался успехам Плама. Он воспринимал славина, как родного сына и радовался за его друзей.

Но с юга, севера и запада надвигались тяжелые грозовые тучи.

* * *

Жрец Хирент или Старая лисица, как его называли в Стигии, пребывал в отличном настроении. Невысокий, но крепкий и кряжистый, Хирент был энергичным и ловким человеком. Долгие годы жрец, посвятивший себя Сету, терпеливо поднимался по иерархической лестнице от простого послушника до Правителя Черного круга. Он происходил из бедной семьи и был отдан в храм Чешуйчатого бога только потому, что родители не могли прокормить его.

Умный, проницательный и обладающий большой долей честолюбия, молодой послушник быстро привлек к себе внимание старших жрецов, которые поставили его у подножия Лестницы — первой и самой низшей жреческой степени.

Хирент усмехнулся. Годы учебы, интриги, успехи и неудачи остались далеко позади! Хирент давно понял, что его низкое происхождение не позволит ему стать Владыкой Правителей Черного круга. Таким мог быть только потомок жреческой касты.

Ранее он поддержал тогдашнего главного жреца Тот-Ахтона в междоусобной войне среди жрецов. Побежденные ими Правители укрылись на неприступной вершине, далеко на востоке, в высоких Химелийских горах. Время от времени доходили вести, что низвергнутые приобрели новую мощь, но это не тревожило Хирента. Таким образом Тьма, служению которой он посвятил свою жизнь, становилась еще сильнее!

В знак благодарности за оказанную помощь Тот-Ахтон доверил ему воспитание двух своих детей-близнецов. Было известно, что один из них титул отца. Нет чести выше, чем быть воспитателем будущего Главного жреца Сета?!

Хирент отлично справился с обучением и воспитанием двоих близнецов. Они обнаружили большие способности в усвоении магических наук. Властные и амбициозные, они выросли без братской любви между собой. И когда Сет призвал к себе их отца и поставил на его место Тот-Амона, старшего брата, этот факт открыл перед бывшим сельским сыном невероятные возможности.

Он отказался от своего места в Черном круге в пользу своего сына Тутотмеса. Сам Хирент был уже стар, его бедное происхождение всегда мешало карьере, но сын был уже потомственным жрецом, пусть и во втором поколении! Унаследовавший способности отца, Тутотмес быстро стал главным жрецом Кеми — самого большого стигийского города, главного порта страны.

Вражда между Владыкой правителей Черного круга и его братом Тот-Атоном, умело разжигаемая их старым воспитателем, была готова разгореться с новой силой. Тот-Амон отправил ненавистного, но могущественного брата в Тарантию — столицу Аквилонии, самой могущественной хайборийской державы, дабы проповедовать в Аквилонии культ Сета. С подобной миссией в Бритунию был отправлен и Хирент, как самый опытный и верный слуга Главного жреца. Но тайные приказы, которые Тот-Амон дал своему верному наставнику, были иными. Хирент должен был ненавязчиво следить за его братом.

Двуличный Хирент, однако, предложил свою помощь и Тот-Атону. Если в междоусобице близнецы уничтожат друг друга, то их место может занять Тутотмес!

Одновременно Хирент следил за Реасом Богардом. Жрец не был уверен, что в его лице вырастает новый Повелитель Зари, но безошибочное чутье предупреждало Хирента — враг Тьмы силен и умел. А со «Скрижалями Скелоса» — будь стократно проклята эта книга! — его могущество увеличивалось с каждым днем. Кроме того, нельзя было недооценивать союзников и друзей Реаса.

Как смеялся Хирент над глупыми попытками Тот-Амона уничтожить соперников с помощью оборотней! Он, Хирент будет действовать гораздо изящнее!

— Старость — это не порок, а знание! — довольно сказал стигиец и приказал страже; — Приведите девушку!

Статные охранники привели в его роскошный походный шатер стройную рыжую красавицу. Ей было не более шестнадцати лет. Фигура у девушки была идеальной, лицо с правильными, слегка вызывающими чертами. Тонкие кандалы обвивали нежные запястья. Хирент лично выбрал ее на базаре рабов в Пайрогии, столице Вритунии. Она не была девственницей, но это не имело значения. Жрец не предназначал ее в невесты Сету, она должна была послужить ему для других целей!

— Снимите все с нее одежды!

Оставшись совсем голой, девушка не застыдилась и не засмущалась. В вызывающих зеленых глазах не было и намека на страх.

— Хорошо! Отличный выбор! — сам похвалил себя старый жрец.

— Что желает, господин? — спросила ласковым голосом рабыня. — Я моту сделать для него все, что он пожелает!

— Во-первых, ты научишься выполнять любое мое приказание! Во-вторых — танцевать! И в-третьих, узнаешь, что такое страх! — голос Хирента стал стальным. — Страх — самое сильное чувство!

* * *

На укрытой поляне в лесистых Карпашских горах расположился многолюдный лагерь. На больших кострах люди готовили ужин, их кони были поставлены во временный загон.

Строгий порядок и дисциплина царили в лагере. Бдительные стражи зорко следили за окрестностями. Дикие горцы часто нападали торговые обозы и следовало быть внимательным.

В центре лагеря был поставлен огромный шелковый шатер. Около него, как немые

истуканы, расположились статные мускулистые воины. Их бритые головы и смуглые тела говорили о стигийском происхождении. Остальные солдаты были хайборийцами. По их вооружению было видно, что это — наемники из Аквилонии, Немедии, Офира и Коринфии.

Пламя освещало шатер. Здоровенный стигиец, обликом похожий на Главного жреца Сета Тот-Амона, разлегся на леопардовой шкуре, брошенной на низкой широкой лавке. Двое красивых юношей лежали у его ног и ласково гладили его мускулистое тело. Это был Тот-Атон, брат-близнец Владыки Черного круга. Он был известен своим пристрастием к молодым мужчинам и юношам.

— Через какое время мы будем в Аренджуне, Пулио?

Вопрос стигийца был отправлен к двадцатилетнему высокому мужчине. Его блестящие черные волосы были причесаны невероятно сложным образом, нежное, женственное лицо было покрыто румянами и белилами.

— Где-то через седмицу, Ваше Темнейшество!

— Не ерничай, барончик!

— А ты не изображай из себя мужчину, Тот! Я живу вместе с тобой из-за нашей любви и по политическим причинам. Я не боюсь твоих фокусов!

— Моя мощь намного больше, чем ты думаешь! — ледяные нотки в голосе стигийца показывали его нарастающий гнев.

— Твоя сила ценится не выше того, что висит у тебя между ног, а эта вещица в последнее время ничего не стоит. Ты могуществен только перед своими вшивыми рабами, любимый. Стоит твоему брату пошевелить пальцем, как ты уже дрожишь, будто девственница, увидевшая перед собой дикого варвара!

— Мой брат — Владыка Правителей Черного круга и Главный жрец Сета, чтоб вечно славилось имя его! Он — самый могущественный волшебник на свете! Без его поддержки такой слюнявый сосунок, как ты, никогда не сядет на трои Аквилонии!

— Окажись ты настоящим мужчиной, то не стал бы выполнять приказы брата с такой поспешностью. За одну седмицу мы пересекли половину Аквилонии, всю Немедию и Коринфию! Кони сильно устали, а моя прелестная задница, которую ты обожаешь и которую хочешь посадить на трон Тарантии, протерлась, как старая тряпка!

— Запомни, малыш, что основа нашей жизни — это смирение и подчинение! Тот-Амон — мой брат, но и мой господин, также, как и я — твой! То, что ты спишь со мной, ничего не меняет.

— Но ты умнее его! Почему ты подчиняешься брату?

— Потому, что это мне выгодно! Сначала мы раздавим жалкого шарлатана Богарда и его шайку, получим Книгу Скелоса и тогда мы… Я буду править миром!

— Боюсь, что старый лис Хирент собирается обмануть нас.

— Хирент на нашей стороне. Он прибыл в Аренджун и начал действовать… Как развивается наш план?

— Превосходно! Я нанял самых лучших бойцов, мы нападем на шайку Богарда внезапно и перебьем всех до единого!

— Твой Марель справится ли с варваром? Говорят, что он был опасный тип!

— Марель — самый лучший боец в мире! Он удушит этого безмозглого типа голыми руками! Я тоже с легкостью могу зарубить варвара мечом! Во всей Аквилонии не найдется более великого мастера меча, чем я!

— Если мы уничтожим дикаря и его дружков, Богард — в наших руках!

— Оставь мне светловолосого красавчика с длинными волосами. Поразвлечемся…

— Все они должны умереть во славу Сета! Без исключения! — фанатизм этих слов обидел Пулио. Наследник самого богатого барона Аквилонии стал любовником Атона. Среди служителей Сета телесная любовь между мужчинами не являлась чем-то постыдным и вошла в традицию, которой придерживался и Тот-Атон. Женственный барон надеялся подняться на королевский трон с помощью денег своего отца и жрецов Сета. Ради поддержки могущественного колдуна он делил с ним его ложе и пообещал сделать культ Сета официальной религией в Аквилонии.

— Не будь ревнивцем! — промурлыкал барон. — Давай отдохнем немного! Завтра нам предстоит весь день трястись по этим камням. Если у тебя осталось еще немного мужской силы, приласкай своего уставшего котеночка!

Глава XIX
«Состязания по борьбе»

Сегодня площадь перед Львиными воротами Аренджуна нельзя было узнать. Все пространство площади разделено на пять арен. В середине каждой был очерчен круг, посыпанный мелким песком. Уже с утра площадь наполнилась народом. Нетерпеливые зрители ожидали предпоследние игры с небывалым интересом. В отборочных схватках были и неожиданности. Правила были просты: чтобы противник отказался от борьбы, нужно было выбросить его за пределы очерченного круга или прижать к земле. Одним из восьми, прошедших отборочный тур, был кряжистый раб-гладиатор Пепин. Другим был огромный вендиец с жирным трясущимся телом. Неожиданностью было то, эти испытания выдержал и небольшой кхитаец, который невероятными акробатическими прыжками и молниеносными ударами руками и ногами повалил одного за другим десяток соперников.

Раб Пепин одиноко и печально наблюдал за другими борцами из угла, где его строгий хозяин приковал его на цепь, как собаку. Хозяин, месьор Зингаро бросил борцу большую обглоданную кость и оставил ему кувшинчик с кислым вином. На этом заканчивалась его забота о рабе.

Вскоре король Озрик занял свое место. В центре площади освободили главный круг. Публика все хорошо видела и могла полностью насладиться схватками.

Первыми на площадь вышли Конан и здоровенный деревенский парень из окрестностей города, любимец аренджунских простолюдинов. Схватки не было. Варвар сграбастал в свои могучие объятия противника и сильно сжал его. Через мгновение варвар расслабил мышцы, и замориец без чувств рухнул на песок. Он пришел в себя лишь после того, как прислуга вылила на него ведро воды..

Более интересной была борьба великана Олафа с почти одинаковым с ним по росту бритунийцем. Двое гигантов долго наносили один другому тяжелые удары, пока наконец ванир не ударил в подбородок своего достойного противника и тот не упал.

Соперником раба-гладиатора стал огромный чернокожий мужчина из Дарфара. Но сила дарфарца не взяла верх над опытом Пепина, приобретенным в многочисленных схватках не на жизнь, а на смерть на арене. Несколькими умелыми ударами гладиатор ошеломил черного борца, после чего удушающей хваткой приковал его к земле и принудил признать себя побежденным.

Громкий смех вызвала среди зрителей и состязателей победа жирного вендийца Генди Сингха против статного смуглого заморийца, занявшего на предыдущих играх третье место. Сразу же после сигнала судей о начале поединка, Генди молниеносно атаковал заморийского бойца, недооценившего его быстроту. Борец был вытолкан за круг и проиграл.

Самым зрелищным был бой между маленьким кхитайцем Ли Кхао и огромным кофийцем, знаменитым своими кулачными ударами. Желтолицый боец не позволил своему противнику испробовать на нем силу его крепких кулаков. Напрасно кофиец замахивался и пытался ударить своего неуловимого соперника. Частые, резкие и сильные удары ногами быстро разбили защиту более массивного борца из Кофа. Бой закончился, когда Ли Кхао ударом ноги в голову противника лишил кофийца сознания.

— В моем племени мы знаем это искусство боя без оружия, — прошептал Плам Амроду.

— Мы тоже владеем подобными умениями, — вмешался в разговор гирканец Кетраг. — Но против таких бойцов, как Конан и Джума маленький кхитаец не выстоит!

Почти никто не удивился легкой победе Джумы. Его соперник, сильный гипербореец, избегал близкого боя и при первой серьезной атаке кушита перепрыгнул ограждающий круг бордюр. Публика продолжительно освистала его.

Последняя схватка в кругу поставила друг против друга равных по силе противников. Громадные, сильные, опытные, они предоставили зрителям возможность насладиться красивым и продолжительным спектаклем. Победитель, аргосец Титос из Мессантии, сумел вынудить своего соперника, гвардейца из Шади-зара, признать его превосходство.

Во время недолгого перерыва, данного для отдыха борцам, судьи тянули жребий для следующего круга.

— Интересный борец — раб с железным ошейником. — высказал свое мнение принц Морог. — Никогда я не видел людей подобного типа — не особенно большой, а сила и умение есть! Но и не молод.

— Год назад он победил на состязаниях по борьбе в Шамаре, по конкуренция там не была особенно большой, — пояснил сидящий поблизости легат Амальрик. — Но откуда он, так никто и понял.

— Хороший борец! А его владелец Зингаро относится к рабу, как к собаке! Опять надел на него кандалы! Отошли рабу кувшин хорошего вина! — приказал добросердечный принц своему лакею.

— Этот раб — кобольд, из древнего народа.

Когда-то они были покорены нами, альбами и до сих пор обитают в стране Ферри. Не предполагал я, что они живут и здесь, в этих землях, — мелодичный голос Амрода звучал особенно меланхолично.

— Они родственны троллям? — спросил любознательный славин.

— Нет, это совсем отдельный народ, у них было свое государство, короли и история. При необходимости кобольды могут быть отличными бойцами.

— Посмотрите только, с какой жадностью он выпил вино! Однако кобольд невелик ростом, и он вряд ли справится с кем-то из остальных борцов, кроме кхитайца.

Между тем судьи объявили конец перерыва и вызвали на арену новую пару соперников.

Первыми в круг вышли Конан и Олаф. Принц правильно оцепил возможности своего телохранителя. Несмотря на огромную силу и высокий рост, рыжебородый ванир не смог устоять против мощи варвара. Киммериец перебросил его через плечо и вышвырнул за круг. Олафу не оставалось ничего другого, как поздравить Конана с победой.

Вторая схватка была встречена зрителями с восторгом. Джума боролся против жирного вендийца. Тяжелый борец попытался повторить свою предыдущую тактику, но все равно что наткнулся на стену крепости. Кушит даже не сдвинулся с места при его атаке. Но с другой стороны, Джума все не успевал обхватить скользкое туловище Генди. После многочисленных попыток захвата, при которых его руки скользили по телу противника, громадный черный колосс повалил вендийского борца на песок.

Раб-гладиатор, освеженный вином, быстро справился с техничным аргосцем Титосом. При первом соприкосновении борцов он нанес сильный удар головой в живот противника. Задохнувшись, Титос беспомощно сполз на песок. Довольный победой своего раба, предвкушая награду, Зингаро не надел на него кандалы и бросил ему несколько плодов.

Туранец Хамди выиграл бой у кхитайца. У наблюдающих за ними зрителей было такое чувство, что против громадного Хамди борются несколько бойцов. Кхитаец был в своей стихии. Он вихрем налетал на своего соперника и столь же быстро отступал. Туранец следовал за ним с мрачной решимостью, пытаясь схватить маленького соперника своими ручищами. Множество ударов, которые он получал, по-видимому, не причиняли ему особого беспокойства.

Удача изменила бойцу из Кхитая — при одном из прыжков маленький борец поскользнулся и пошатнулся. Хамди мгновенно воспользовался этим обстоятельством, сграбастал лапищами противника, притянул к себе, после чего подмял под себя, буквально похоронив его под своим большим животом, а потом одним движением свернул кхитайцу шею. Это была вторая победа туранца и вторая смерть на арене! Публика молчала. Никаких оваций и аплодисментов.

— Живодер! — возмутился принц Морог. — Конан или Джума научат его куртуазному обхождению с противником.

На этот раз надежды хауранского аристократа не оправдались. Жребий поставил друг против друга именно варвара и Джуму. Зрители увлеченно делали ставки, в основном на кушита. Только Фериш Ага твердо ставил на Конана. Пять золотых за его победу поставил и Плам.

Борцы вошли в круг. Оба были олицетворением человеческой силы и мощи. Джума успел ухватить варвара за пояс и резким толчком перебросить его через плечо. Гибкий, как пантера, Конан легко приземлился на песок и сильным ударом ногой ударил кушита под колени. Джума зашатался, взмахнул руками и попытался сохранить равновесие, но варвар снова повторил этот прием. Чернокожий борец тяжело повалился на спину. Быстрый, как молния, Конан вскочил, схватил его за ноги под коленями, без видимых усилий поднялся и крутанул огромного Джуму вокруг себя. Кушит выпал за круг.

Несмотря на поражение, Джума, улыбнулся, протянул руку победителю и встал на ноги. Он присоединился к рукоплесканиям, которыми публика осыпала обоих за благородную и зрелищную схватку.

— Хороший прием! И все равно Джума — лучший борец, чем Конан, — оправдывался принц Морог, расплачиваясь с Фериш Агой и славином.

— Конан рожден, для того чтобы побеждать, — глубокомысленно заключил Ага. — С помощью богов далеко пойдет.

— Он уже заслужил лавровый венок, как общий победитель игр, даже если и не примет участие в последнем турнире, — добавил принц, искренне радуясь успеху могучего киммерийца.

Началась схватка между туранцем Хамди и рабом-гладиатором. Более низкий Пепин пытался использовать весь свой арсенал ударов и захватов. Однако, туранец был очень силен и быстр, он терпеливо ожидал момента, когда противник допустит ошибку. Два раза раб успевал молниеносными движениями повалить здорового Хамди, который лишь ловко перекатывался на бок и становился на ноги.

Пепин успел сделать удачный захват ключом на правом плече туранца, напряг все свои силы, уперся крепко ногами в песок. Тело его соперника медленно начало клониться к земле. Еще миг… Длинные крепкие руки кобольда скользнули по жирному плечу туранца. Используя моментную задержку, Хамди схватил врага за плечо выше ключицы. Злорадная улыбка появилась на его усатом лице. Наслаждаясь болью раба, он сломал ему руку.

Сильным пинком в голову противника Хамди закончил схватку.

Неподвижное тело побежденного осталось валяться на арене. Победитель не удостоился аплодисментов и приветствий публики. Хамди заслужил всеобщую ненависть и презрение зрителей.

Настало время последней схватки. Солнце клонилось к западу, тени от стен крепости ползли к площади.

Двое финалистов встали лицом к лицу. Внезапно туранец бросился в атаку. Конан встретил его спокойно. Сильным ударом Хамди опустил кулак на раненое плечо варвара. Затем туранец повторил свой удар, прежде чем ошеломленный его подлостью киммериец сумел отреагировать. Удара в голову или в живот можно было ожидать, но бесполезная атака в плечо была тем сюрпризом, которого и опытный Конан не предвидел! Рана открылась и начала кровоточить.

Глухой рев потряс площадь. Холодный огонь разгорелся в голубых глазах варвара. Его могучая десница безошибочно нашла горло Хамди, пальцы сомкнулись, как беспощадные тиски. Ноги громадного туранца оторвались от земли, обезумевшие глаза готовы были выскочить из орбит. Обессилевшие руки судорожно пытались расслабить железную хватку, ногти царапали запястье Конана.

Наконец, ноги Хамди вытянулись. Тело его обмякло. Конан с отвращением швырнул на землю ненавистного туранца.

Публика бурно аплодировала своему герою.

Непобедимый варвар с легкостью одолел страшного Хамди, приносящего смерть!

— Не хотел бы я оказаться врагом такого человека! Когда Конан впадает в ярость, ничто не может остановить его! — восхищался хауранский принц.

— Все киммерийцы таковы, ваше высочество! — пояснил немедийский барон Амальрик. — Не напрасно могучие армии не смогли покорить Киммерию. Я был молодым капитаном, когда при защите Венариума эти чудовища напали на нас и уничтожили два легиона гандерландской пехоты. Я готов только с одной сотней киммерийцев атаковать Султанапур, но северные варвары упрямы и недисциплинированны, Конан — достойный сын своего племени!

— Глядите, глядите! Туранец приходит в себя, его поднимают! Жалко, что Конан не прикончил Хамди!

— Конан — благородный человек, ваше высочество! — защитил своего друга Плам.

— Такие, как Хамди, не заслуживают милости! Негодяй не заслуживает жизни! — принц был категоричен. — Я не пойду на пир в «Корону и кровь». Сидеть рядом с таким стервятником?! Никогда!

* * *

Награждение борцов закончилось и публика разошлась. Друзья победителя после искренних поздравлений выпили но несколько стаканов вина в его честь. Самому Конану тоже сильно хотелось выпить и он устроил состязание с Фериш Агой и Джумой — кто из них больше выпьет. Они решили собраться в «Пуповине» для традиционного пиршества.

Перспектива провести вечер в компании туранца Хамди никого не привлекала.

Вечерние сумерки сгустились, когда развеселившаяся компания решила покинуть королевскую трибуну. Слуги принца зажгли факелы. Пересекая площадь, друзья стали свидетелями ужасной сцены — разгневанный Зингаро бил бичом скрюченного на земле раба-гладиатора Пепина.

— Вставай, собака! Не буду же я носить тебя на своей спине! Ты не стоишь и ломаного гроша! Только кормлю и пою тебя, негодная кляча! Если не встанешь, то я перережу тебе глотку!

Крепко скрученные кожаные ремни оставляли на спине несчастного существа кровавые полосы. Раненый кобольд отчаянно пытался встать на ноги, помогая себе здоровой левой рукой, правая же была неестественно вывернута и по-видимому, причиняла большие страдания. Но все его усилия были бесплодны.

Его взбешенный хозяин заткнул бич за пояс И вытащил длинный, искривленный кинжал. С недвусмысленными намерениями он наклонился над стонущим рабом, схватил его за волосы и откинул голову назад.

— Остановись! — послышался твердый голос и сильная ладонь сжала руку бывшего гладиатора — вмешался Плам. Когда Зингаро увидел, что перед ним стоит всего лишь шестнадцатилетний юноша, он лишь усмехнулся и хотел закончить начатое дело. Славин не расслабил хватки. Кряжистый зингарец пыхтел от напряжения, пот заблестел на его покрытом шрамами лбу. Постепенно в мутных, блеклых глазах появилось удивление. Закаленные в сотнях боев мускулы грубого владельца Пепина были бессильны одолеть мальчишку!

— Грязный недоносок! Сейчас я научу тебя вежливому обхождению! — прошипел Зингаро. Рука его потянулась к украшавшему пояс двулезвийному топору. Зингаро был мастером боя на топорах. Легкий укол в горло остановил его. Плам гораздо раньше рабовладельца вынул свой кинжал и приставил к кадыку грубияна.

Впечатленный подобной быстротой и ловкостью Зингаро испуганно огляделся. Не знающий пощады, зингарец решил, что наступил его последний час.

— Отпусти оружие и встань! — приказал славин, подтверждая свои слова новым уколом лезвия.

Зингаро выполнил приказание. Колени его подгибались. При свете факелов он узнал позолоченную кольчугу и широкоплечую фигуру барона Амальрика.

— Месьор легат! Заступитесь за меня! Эта падаль — моя собственность и я могу делать с рабом все, что мне вздумается!

— Зингаро прав, молодой человек! — неохотно согласился прославленный воин. Он не одобрял жестокость зингарца, но законы стояли на стороне рабовладельца.

— Тогда я покупаю этого раба! Сколько хочешь за него, мерзавец? — железные нотки в голосе Плама и его ледяное спокойствие произвели впечатление на присутствующих.

— Я купил его за десять серебряных монет! Кроме того, обучение и подготовка обошлись в несколько раз дороже! Но я уступлю его за десять монет! — заискивающим голосом начал торговаться успокоившийся Зингаро.

Плам сунул руку в кошелек, чтобы заплатить требуемую сумму, но Фериш Ага положил свою тяжелую руку ему на плечо.

— Подожди, парень, тебе еще много надо учиться! Если уж покупаешь негодный товар, то хотя бы сначала подумай. Из этого раба ничего путного не выйдет, он стар и его долго надо

лечить. Откажись от покупки!

— Я хочу его купить! — стоял на своем сла-вин.

— Твоя воля, но покупка без долгого торга — это все равно что пустой кувшин на уставленной яствами трапезе! Барон, сколько по-вашему стоит этот раб?

— Я не дал бы за него ни одного медяка. Одни только похороны доставят мне больше хлопот, — чистосердечно ответил Амальрик.

Зингаро учуял, что выгодная сделка может не состояться.

— Дайте за него хотя бы серебряных монеты, господа! Раб еще на многое сгодится, может готовить, убирать в доме…

— Последняя цена — одна серебряшка! — закончил сделку Плам и вынул из кошелька блестящую монету. Зингарец, не торгуясь, схватил ее и поспешил удалиться.

Конан, Олаф, Джума и Соро сделали из копейных древок импровизированные носилки, подняли раненого Пепина и понесли его к «Пуповине».

— Выгодная сделка, сынок! — похвалил гоношу Фериш Ага. — Один лишь металлический ошейник этого раба стоит намного больше одной серебряной монеты!

Глава XX
«Танец Дэркето»

Устроили Пепина в маленькой комнатке флигеля, неподалеку от конюшни. Конан и Плам положили раненого на чистую лавку и позвали Богарда. Б последнее время мудрец почти не выходил из своей комнаты и не общался с приятелями.

Изучение «Скрижалей Скелоса» отнимало все его время, и у него был усталый и измученный вид.

Реас осмотрел руку кобольда. Он дал знак Конану и Джуме крепко держать раненого, чтобы тот лежал неподвижно. Пепину дали выпить кувшин молодого вина. Раб, не веря, смотрел умными, проницательными глазами. Такой заботы и внимания он никогда раньше не видел.

— Рана сложная, надо правильно вправить кости. Будет очень больно! — предупредил Богард больше своих помощников, нежели раненого.

Кушит и Конан кивнули головами в знак того, что они готовы. Четкими движениями Реас вправил сломанные кости. Пепин только глухо стонал. Лекарь сделал тугую перевязку на поврежденной руке и посыпал белесым порошком пораненную бичом кожу.

— Ему надо полежать несколько дней. Через месяц сможет действовать рукой.

Слуга принес кувшин хорошего вина и горячую баранину. Реас и Плам попросили конюха проверять состояние больного ночью и оставили Пепина отдыхать.

Во внутреннем дворе кипела лихорадочная работа. Выносили столы, стулья, лампы и свечи. Приготовлениями к предстоящему пиру руководил лично Ванил. Достопочтенный хозяин отдавал своим слугам приказания, как настоящий военачальник — гордо и отрывисто. С тех пор, как Ванил пририсовал корону к вывеске таверны, он очень сильно изменился. Гордость его была обоснованной — лично король удостоил своим присутствием его постоялый двор!

Гости начали прибывать. Их любезно встречали Джума, Конан и Фериш Ага. Прибыли славный барон Амальрик и почти весь цирк месьора Булемеса. Тот пребывал в мрачном настроении — лучший силач цирка, колосс Джума, оставлял его. Кушит решил сменить ремесло циркового атлета на неспокойную жизнь наемника. Туранский правитель Илдиз усиливал свою армию и хорошо платил опытным воинам. Легат Амальрик тоже решил предложить свой меч и опыт правителю Аграпура. Смелый немедийский барон не мог долго находиться вдалеке от битв и сражений. Появился и хауранский принц Моррог, давший твердое обещание сегодня не напиваться.

Вскоре веселое настроение овладело всеми гостями. Хорошее вино из винного погреба Банила разожгло страсти. Хорошенькая акробатка Оли открыто флиртовала с легатом Амальриком. Около полуночи молодой славин сходил проверить состояние раненого. Пепин глубоко спал, а хорошо обглоданная кость и пустой кувшин красноречиво говорили о том, что страдания никак не отразились на аппетите кобольда. Болезненная бледность сошла с измученного лица больного Успокоенный, Плам вернулся к столу. Только он успел осушить кубок вина, налитого ему бдительным Фериш Агой, когда, призывая гостей к вниманию, досточтимый Ванил встал и произнес:

— Дорогие гости! Я позволил себе подготовить небольшой сюрприз в честь победителей в соревнованиях. В первый раз на заморийской земле покажет свое искусство Дея — Жемчужина Бритунии!

Проворный слуга вынес маленький трехногий стульчик, сразу же за ним появился низкий старик с короткими, седыми волосами. Он нес с собой особый музыкальный инструмент, похожий на лиру. Старик уселся поудобнее на стульчике, настроил причудливую лиру и провел пальцами по натянутым струнам.

Нежная, очень красивая мелодия заставила гостей утихнуть. Как дух, выплывший из небытия, на импровизированной сцене появилась укутанная в полупрозрачную ткань женская фигура. Она осталась на миг неподвижной, после чего, как тростинка, покачиваемая ветром, подхватила движениями ритм мелодии.

Интерес мужской части компании сильно обострился. Это гибкое, укутанное в шелк тело и возбуждающая экзотическая музыка были совершенно новым развлечением. Даже профессиональные танцовщицы и акробатки из цирка засмотрелись с интересом.

Танцовщица, подобно ночной бабочке, порхала по двору. Алая вуаль раскрылась, как крылья райской птицы, и показала прелестное тело. Большие, круглые и тугие груди следовали ритму танца, покачиваясь призывно и маняще. Изящное тело с тонкой талией и длинными округлыми бедрами было прикрыто только узким пояском на поясе. Эта «одежда» не только не прикрывала красивую фигуру от жадных мужских взглядов, а наоборот, подчеркивала ее доступность. Рыжие пышные волосы падали па плечи. Изумрудно-зеленые глаза пронизывали зрителей.

Словно околдованные, все мужчины во дворе следили за танцем рыжеволосой красавицы. Огромными кулаками они ударяли в такт музыке. Невольно из их глоток слышалось глухое рычание. Каждый мужчина был готов отдать и кошелек, и свою жизнь, даже и свою душу только за то, чтобы прижать к себе эту огненную женщину, целовать ее, обладать ею. Звенящие удары крепких мужских рук по дубовым столам сливались в угрожающем резонансе.

В этот момент само небо вмешалось, желая охладить разгорячившиеся страсти. Крупные капли начали ударять по каменным плитам, столам, затуманенным головам пирующих.

Дождь быстро превратился в ливень. Словно разбуженные ото сна, гости поспешили забежать в таверну, слуги нетерпеливо начали прибирать столы, стулья, посуду.

Скоро в уютном помещении уже горел огонь, над которым сушились мокрые рубахи и плащи. Слышались тосты, столы вновь ломились от лакомств и вина. Страстный безумный танец остался, как сладкое, слегка горьковатое воспоминание. Веселье продолжалось. Пригласили к столу и старого музыканта подкрепиться едой и вином.

Только нигде не замечался Плам — куда он ушел, никто не знал.

* * *

Вместе с другими гостями Плам бил кулаком по грубой поверхности стола и, околдованный, следил за огненным танцем. Когда дождь прервал выступление танцовщицы,

то волна стыда облила его. Он вел себя, как дикарь. Хорошо, что Богард не видел! Мудрец ненадолго посидел па пире, чтобы уважить присутствующих гостей, и вместе с Амродом поднялся в свою комнату.

Рука Плама болела от сильных ударов о твердое дерево. Он нарочно задержался подольше во дворе, наслаждаясь освежающими струйками дождевого потока. Внезапно теплая ладонь легла на его мокрое плечо.

— Ты совсем не похож на других! — ласковый, журчащий, как горный источник, голос донесся до его слуха. — Ты красив и нежен!

Укутанная в алую ткань фигура выглядела хрупкой и уязвимой. Промокшая ткань подчеркивала формы божественного тела. Воспоминание о безудержном влечении к этой женщине вновь овладело юношей.

— Что тебе надо? — пересохшими губами спросил он.

— Тебя! Ты единственный можешь согреть мои душу и тело, утолить жажду моих губ! Возьми меня!

Могучая волна желания охватила его. Он легко, как перышко, поднял незнакомку па руки и на одном дыхании поднялся по крутым ступеням в свою комнату. Плам разжег очаг. Руки его дрожали от возбуждения и пришлось несколько раз ударить по огниву. Он хотел было зажечь и свечу на столе, но мурлыкающий голос остановил его:

— Оставь!.. Иди сюда и согрей меня, красавец! Дай мне часть своего тепла!

Он присел на краешек кровати. Желание душило его. Властным жестом танцовщица привлекла его к себе.

— Зови меня Деей, красавец!

Прикосновение ее голого тела помутило рассудок Плама. Их губы сошлись в страстном поцелуе. То, что последовало за этим, не может быть описано. Человеческий язык беден словами, разум же неспособен воспринимать столько страсти. Эта любовь была не только любовью, состоящей из ласк и нежностей, здесь была и кровожадная борьба за превосходство, и твердое, как камень, столкновение, и воздушные поцелуи, и мягкое, как шерсть ягненка, опьянение. Ужасный полуночный кошмар и блаженное сновидение, слитые вместе.

Плам не хотел, чтобы этот сон кончался. Снова и снова он прижимал к себе дрожащее от возбуждения прекрасное тело, осыпал его поцелуями. Жизнь или смерть! Сон или видение. Ничто не имело значения. Весь мир превратился в комок страсти, бьющейся в полутемной комнате. С невероятной фантазией вплетенные одно в другое тела соткали феерический финал из экстаза и забвения.

Острая боль в правой руке вывела его из блаженной полудремы. Плам совсем проснулся. Огонь уже догорел, лишь красноватые отблески от тлеющих углей бегло освещали ком-пату. Плам посмотрел на руку, и увидел, что его щепок вонзил свои зубки в мякоть ладони. Инстинктивно Плам отдернул руку, и зверек шлепнулся на пол. Вместо того, чтобы опять атаковать хозяина волчонок бросился к темной тени, устремившейся к кровати. В руках загадочной фигуры блестел кинжал!

Бес успел крепко ухватить зубами таинственного нападающего за ногу в тот миг, когда Плам сильным ударом в грудь попытался вывести противника из строя. Не успел. Его удар попал в мягкое тело и только отбросил атакующего назад. Злобное шипение разнеслось по комнате.

Успев подняться на ноги, славин рассмотрел темную фигуру. Дея! Но какие

изумительные изменения произошли в нежной танцовщице! Ее волосы, дыбом стоящие на голове, обрамляли искривленное от ярости лицо. Рот, оскаленный и шипящий, как рассерженная кобра, был готов не для поцелуев, а разрывать человеческую плоть, как раненая пантера! Глаза, светящиеся ужасным зеленым пламенем, горели в полумраке. Руки с искривленными, как когти хищной птицы пальцами, сжимали его собственный кинжал!

Плам попытался отнять оружие, но с неожиданной ловкостью и умением девушка отпрыгнула назад и молниеносно атаковала его. Вцепившийся в ноги танцовщицы Бес не производил на нее никакого впечатления. Только молниеносная реакция спасла юношу от неминуемой гибели. Все-таки лезвие кинжала оставило кровавый след на его груди.

Молчаливая битва становилась смертельно опасной! Демон, вселившийся в хрупкое тело бритунийки, давал ей исключительную силу и быстроту. Делая ложное движение Плам отклонил на миг внимание нападательницы и опустил свой кулак точно на верхушку подбородка. Такой удар, сильный и концентрированный, мог повалить и вола. Огонь в зеленых глазах померк, тело Деи обмякло, по танцовщица успела задержаться на ногах. При продолжении атаки молодой славин нанес второй удар, на этот раз ногой. Тело его недавней любовницы рухнуло на пол.

Плам быстро набросал дров в огонь и зажег толстую свечу. Что тут происходило? Шум пирующих затих. Только треск разгорающихся поленьев нарушал ночную тишину.

У его ног лежала без сознания рыжеволосая бритунийка. Бес победоносно присел возле нее, смотрел на него преданно и махал хвостом, совсем как домашний пес. Плам осознал, что несмышленыш-волчонок спас ему жизнь. Если бы он не разбудил его, то теперь юноша лежал бы мертвым на кровати, пронзенный своим собственным кинжалом!

Он нагнулся и погладил верное животное. Рана на груди была поверхностной. Плечи его были поцарапаны, как от схватки с дикой кошкой, на спине он тоже чувствовал боль. По-видимому, эти раны он получил во время любовной игры со страстной Деей!

Он задумался. Кем был он, чтобы пытаться таким коварным способом устранить и уничтожить его?

Он вспомнил предупреждения Реаса. Слуги Тьмы ворвались в их спокойную жизнь…

Стук и глухие удары донеслись из глубины коридора. Злобные крики разодрали ночную тишину. Комната Богарда! Одним-единствен-ным прыжком славин оказался возле двери своей комнаты. Рука его крепко сжимала меч Элиндрур. Лезвие светилось собственным фосфоресцирующим сиянием, ближе к эфесу горел образ прекрасной Аригейль!

Через миг он был уже в коридоре. Оставленная открытой дверь его комнаты освещало узкое пространство. Он осмотрел темную лестницу. Ничего! Из комнат его наставника слышались непонятные голоса, властные и загадочные. Вдруг закрытая дверь озарилась ярким светом, просачивающимся через щели толстых досок. Как будто молния ударила в комнате мудреца!

Юноша пробежал несколько шагов и попытался открыть дверь. Крепкое дерево не поддалось. Голоса изнутри усилились, в одном из них Плам узнал теплый баритон Реаса. Его учитель говорил речитативом на древнем языке спокойные слова, похожие на укоры, относящиеся к шалуну-ребенку. Ему ответил шипящий, злобный и угрожающий крик, похожий на звук, издаваемый атакующей добычу коброй. Славин приготовился разбить плечом крепкую дверь.

Сильный гром растряс постоялый двор. Дверь соскочила с петель и упала, накрывая собой Плама! Маленький седой старичок с невероятной быстротой вышмыгнул из комнаты

Богарда и исчез на лестнице. За ним по двери, лежащей в коридоре, пробежал легкими шагами Амрод. Альб сжимал в своей деснице оголенный меч, а левой рукой тер глаза.

Юноша пришел в себя от шока и напряг мускулы. Успел с большим трудом выползти из-под тяжелой двери. Хотел было войти в комнату Реаса, но сильный топот множества ног и звон оружия с лестницы заставили его повернуть туда.

Амрод сражался в полумраке с неизвестными нападающими. Меч альба проблескивал с изумительной быстротой, успевая отразить множество угрожающих ему лезвий. Но в узком пространстве не было места для хитроумных приемов, и самой своей численностью атакующие теснили его назад.

— Иду на помощь! — предупредил Плам. Альб освободил ему пространство. Напор был остановлен.

Только теперь славин оцепил по достоинству уроки Фериш Аги в кабацких схватках. Без них вдвоем с Амродом они навряд ли бы удержали лестницу против многочисленного и хорошо вооруженного врага. Пока мечом он отбивал направленный против него удар или вонзал его в чье-то тело, левым локтем разбивал головы, ноги его ломали чьи-то голени и щиколотки.

Натолкнувшись на неожиданный и очень эффективный отпор, нападающие заколебались, пошли назад. Элиндрур с легкостью рассекал кольчуги; отрезанные руки, сжимавшие оружие падали на землю! Из-за обнаженной статной фигуры славина рубил тонкий, как жало осы, меч Амрода, который с каждым ударом поражал врагов.

Сильно поредевший строй атакующих не выдержал и панически обратился в бегство. Защитники с яростью преследовали их. Плам и Амрод получили существенное подкрепление в лице Беса, который путался у них под ногами в попытке дорваться до чьей-либо неприятельской лодыжки. Еще несколько трупов скатились по темным ступеням.

Во внутреннем дворе постоялого двора было светлее. Небо, прояснившееся от дождевых облаков, светлело на востоке. Перед дверями таверны зловещей кучей темнели упавшие тела. Некоторые из них все еще вздрагивали в предсмертных конвульсиях.

Здесь тоже кто-то вел бой, при этом довольно успешный. Вероятно, ночные нападающие имели две цели — комната Богарда и таверна, и разделили свои силы. Спасшиеся бегством от Плама и Амрода враги давно выбрались через входную дверь «Пуповины». Из таверны не доносилось ни звука.

На полузакрытую дверь оперся здоровым плечом Пепин — раненый раб-гладиатор. В левой руке он сжимал окровавленный топор для колки дров, который сразу же поднял, услышав шаги Плама и Амрода. Узнав их, он с облегчением опустил оружие.

— Где другие? Конан, Фериш Ага, принц Моррог?

Кривая, по добродушная улыбка озарила измученное лицо раненого.

— Спят. Сладко спят!

Глава XXI
«Ответы»

Все пировавшие в таверне, в самом деле, спали мертвым, беспробудным сном. Некоторые, как пикт Соро, упали под стол, другие спали, положив голову на стол. Конан склонил свою черную гриву на грудь нежной Оли, чья головка отдыхала па плече храпящего принца Моррога. Фериш Ага забил голову в широкий кувшин с вином и едва дышал. Утонуть в своем любимом питье — какая нелепая кончина угрожала достойному пустынному вождю, почетному замо-рийскому аристократу и яростному противнику пьянства! Поэтому Плам первым делом отодвинул кувшин и попытался разбудить друга. Славин полюбил тучного шемита, как родного отца, наравне с Богардом.

— Оставь их, сынок! Все равно не получится, как ты хочешь! — сошедший со второго этажа постоялого двора, Реас прижимал под мышкой «Скрижали Скелоса» и осматривался внутри таверны. Он увидел странную лиру старого музыканта. Хозяина ее не было в помещении.

— Подержи книгу, Амрод, этот инструмент кое-что объясняет!

Офирец внимательно рассмотрел лиру, провел пальцами по струнам. Послышался протяжный, неземной стон.

— Зов Мрака! Хитрый и вероломный номер! Совсем в стиле Хирента, старой пустынной лисицы! Потушите все лампы, свечи и очаги! Проверьте кухни и комнаты. Только пожара нам не хватает! Откройте окна, заприте двери и оставьте кобольда сторожить! Я не ожидаю больше сюрпризов на сегодня, но все-таки будьте осторожны!

— В моей комнате лежит девушка. Без сознания! Наверное, она участвовала во всем этом, чем бы оно ни было! Может стать очень опасной! — предупредил Плам.

— Я позабочусь об этом. Не волнуйтесь, все спящие проснутся. Через несколько часов опять будут на ногах.

Богард поднялся по лестнице, взяв с собой книгу и странный музыкальный инструмент. Юноша и Амрод выполнили его приказания. Они оставили полный кувшин сбитня Пепину, проверили кухни, привратницкую, конюшни, все комнаты на постоялом дворе. Слуги непробудно спали на своем посту. Кони встретили их радостным фырканьем. Плам насыпал им в ясли зерна и положил свежей травы.

Он расспросил кобольда, который успел уже наполовину осушить кувшин со сбитнем. Раб порылся в куче трупов и заткнул за пояс здоровый трофейный меч. Его рассказ был кратким. Проснулся он от необычайной тишины. Насилу заставил себя встать и посмотреть, что происходит. Увидел непробудный сон пировавших, почувствовал прокрадывающиеся в темноте тени. Схватил топор для дров и загородил вход в таверну. Он хотел спасти жизнь людей, которые так хорошо обращались с ним. Нападение было хорошо спланировано и началось одновременно с этим и на втором этаже. Потом…

— Сильно уж много золота для обыкновенных разбойников, хозяин! Стигийские монеты. Причем новенькие! — и показал Пламу кучку кошельков, положенных им возле двери таверны.

— Я тебе не хозяин, а друг. Как только выздоровеешь, снимем этот ошейник. Со

вчерашнего дня ты — свободный человек! Это золото твое, законная добыча. Кроме того, что свободен, ты еще и богат! И зови меня Пламом!

Он оставил ошарашенного его словами бывшего раба, взял одну золотую монету из кучки и поднялся в комнаты Богарда.

Там он застал мудреца, Амрода и Дею. У бритунийки, набросившей на свое обнаженное тело алую пелерину, был совсем измученный и несчастный вид. Она посмотрела пустыми глазами на Плама, вздрогнула всем телом и уставилась умоляющим взглядом в Богарда. Тот подал ей чашу с водой, в которой размешал какой-то порошок.

— Отведи девушку в комнату Плама, пусть отдохнет, — приказал он альбу. — Она уже безвредна, не будет больше создавать неприятностей.

Пока ждали возвращения Амрода, славин подал золотой Реасу.

— Стигийское золото! Так сказал Пепин.

— Я уже знаю все. Могу разбудить заснувших сейчас же, но после этого они долго будут болеть! Лучше оставить их поспать еще несколько часов.

Альб вернулся, неся за шиворот Беса. При виде хозяина сопротивляющийся снежный волчонок затих.

— Этот зверек спас твою, а, вероятно, и наши жизни. Здесь замешан Хирент, Правитель Черного круга, один из самый могущественных чернокнижников и уж точно самый опасный из них… Но вечером я вам все расскажу. Теперь нужно позаботиться о твоих ранах, Плам! После этого уложите кобольда в кровать, он еще очень слаб! Амрод пусть сходит во дворец, чтобы попросить у сатрапа охрану и солдат, которые уберут трупы!

— А если сатрап потребует объяснений?

— Он получит их вечером. Пусть приведет и короля, если желает. Озрик любит сказки!

* * *

Вечером настроение присутствующих в «Пуповине» было очень разнородным, но в целом — меланхолическим и унылым. Едва держащийся на ногах содержатель Ванил нанял дополнительно слуг, чтобы справиться с подготовкой для повторного посещения заморийского монарха. Его собственные слуги ходили, как живые мертвецы. Вдобавок ко всему, гости постоялого двора стали жертвой загадочного сна и теперь постоянно требовали обслуживания по комнатам!

С мрачными лицами и зловещими взглядами покрасневших глаз Конан, Джума и добродушный при других обстоятельствах принц Моррог пытались утопить в ледяном, холодном эле мучившую их головную боль.

За их столом, гордый оказанной ему честью, сидел Пепин. Искупавшийся и одетый в новую одежду, бывший раб наслаждался вновь приобретенной свободой. Кузнец, пришедший поправить дверь комнаты Реаса, снял с него рабский ошейник, и теперь кобольд чувствовал себя па седьмом небе.

Меланхоличный по своей сущности альб Амрод задумался о чем-то своем и рассеянно слушал сердитого Кетрага. Гирканец, приверженец полного воздержания, не мог примириться с фактом, что потерял волю и сознание, хотя бы и иа несколько часов.

— Не вино и женщины виноваты в стольких драках, войнах и сражениях! — трезво поучал его шемитский Ага. — А неразумное и непостоянное использование этих даров богов! Бери пример с меня! Или с Конана Киммерийца!

— Так ты, Ага, пьешь, как бездонная бочка! — изумился Кетраг. — А Конан меняет женщин чаще туранского эмира! Нет более известных драчунов и любителей скандалов, чем вы, во всем Аренджуне!

— А, так это для поддержания формы! Без постоянства нет успехов! Выпьем же за это! Вина!

Лучше всех чувствовал себя Плам. Несмотря на тяжелую ночь и полученные раны, внутреннее удовлетворение от одержанной над силами Тьмы победы было большим. Каким великим чародеем был Богард, его учитель! Он смог блестящим образом разбить козни могучего Правителя Черного круга!

Но одно объединяло всех присутствующих. Всех мучило любопытство! Особенно нетерпеливыми были те из них, которые скоро проснулись с тяжелыми головами и налитыми свинцом ногами и руками. Они терялись в догадках. Даже принимавшие участие в полуночном сражении Плам и Амрод не знали почти ничего.

Поздним утром, сопровождаемый многочисленной стражей, прибыли король Озрик и сатрап Торфаг. С большим интересом осмотрели они зарубленные тела во дворе и на лестнице, а также тяжелую дубовую дверь, сорванную с петель как будто великанской рукой. Но даже па вопросы настойчивого правителя Заморы Богард непреклонно отказывался отвечать прежде, чем наступил вечер.

Государственные дела задержали короля Оз-рика во дворце, и нетерпение в таверне «Пуповины» росло. Хорошо, что присутствовал только узкий товарищеский круг, потому что в нервной обстановке легко мог вспыхнуть скандал.

Наконец, король и Торфаг прибыли, и Банил, делая героические усилия, приветствовал их и посадил на почетные места. Почти сразу же из комнаты вышел Реас, неся с собой лиру старого музыканта и «Скрижали Скелоса». В последнее время он не расставался с книгой даже на утренних прогулках.

Строгай Торфаг, очень ревностный и педантичный, что относилось до защиты и соблюдения порядка и закона в Аренджуне, встал первым и задал те вопросы, которые волновали всех:

— Благородный Богард, почетный вельможа Заморы и уважаемый всеми нами мудрец! Властью, данной мне королем Озриком, правителем Заморы, пусть славится его имя в веках, здесь присутствующий, спрашиваю тебя самым учтивым и настоятельным образом: что случилось? Как попали эти семнадцать трупов известных в стране разбойников сюда, на постоялый двор? Что это был за странный сон, который обуял гостей и посетителей? Кто несет ответственность за эти пренеприятные события?

— Длинный вопрос требует длинного, пространного ответа. Но прежде чем начать рассказывать, я хочу предупредить вас, что речь идет не о сказках и развлечениях, а о серьезных, доверительных и очень опасных делах!

Внимание всех присутствующих было направлено к излучающей мощь и достоинство фигуре Реаса. Голос его глубоко проникал в сознание слушателей.

— Налейте себе вина и запаситесь терпением, благородные гости и друзья! Я отвечу не только на заданные мне сатрапом вопросы. Всему свое время!

Компания последовала совету мудреца. Конец долгого ожидания пришел. Наконец-то,

все получат так желанные ответы на мучившие их весь день вопросы. После краткой паузы Богард продолжил:

— Корни этой истории уходят в Мрачный лес. На белый свет наши друзья Конан и Плам вытащили могучее оружие против сил Тьмы — «Скрижали Скелоса»! Это та самая древняя книга, что находилась в серебряном ларце, который сейчас принадлежит принцу Моррогу.

Прозрения и напутствия святого прокладывают путь к настоящему Свету в сумраке нашего современья. Выползшие из Тьмы и накопившие исполинскую мощь в недрах Вечной Тьмы исчадия Зла готовы на все, чтобы отнять или уничтожить эту книгу.

Первыми к битве за «Скрижали» подключились слуги чешуйчатого Сета. Обладающие колоссальной магической силой Правители Черного круга и их мрачный хозяин — Главный жрец Сета Тот-Амон нанесли первый, пробный удар с помощью одних из самых низших, по опасных рабов — оборотней. К счастью, Фериш Ага и Конан блестяще справились с ними.

Второй удар был отлично спланирован и подготовлен. Его целиком и полностью замыслил Хирент, самый лукавый и хитрый из всех Правителей Черного круга. Не напрасно его называют Старой Лисицей.

Интрига внутри интриги. План внутри другого плана. Такова тактика Хирента, которая сочетает в себе предательство и множество неожиданностей. До сегодняшнего дня эта тактика действовала безотказно!

Первый план Старой Лисицы включал в себя два сильных оружия — эту особенную лиру, известную посвященным как «Стон Мрака». С ее помощью можно зачаровать большие массы людей, довести их от состояния крайнего возбуждения до глубокого, непробудного сна. Второе оружие — это «Танец Дэркето». Возбуждающая, доводящая до сумасшествия, красивая танцовщица приводит в умопомрачение публику. Настает всеобщая резня, в которой обычно выживает только самый сильный. Он сливается с девушкой в экстазе, оплодотворяет ее лоно, а после этого в любовном истощении умирает от ее рук. Плод такой страсти становится могучим оружием в руках чернокнижников.

Если бы этот план осуществился, то все мы были бы мертвы, а книга — в руках Хирента! Но проливный дождь и мой ранний уход с пира обрекли на неудачу первый план Старой Лисицы. Однако второй, умело разработанный, был еще коварнее и неотразимее!

Используя силу «Стопа Мрака», Хирент, вчерашний старик-музыкант, усыпил людей в таверне, на постоялом дворе и в окрестных домах. Почувствовав еще во время танца Дэркето, умело исполненном бритунийской рабыней Деей, что Плам не поддается полностью власти «Стона Мрака», он подослал девушку к нему. Дополнительной ее задачей было убить его!

На безопасном расстоянии его ждали подкупленные стигийским золотом головорезы, чтобы зарубить всех спящих. Этот план вдвойне коварен, потому что Хирент не использовал магические приемы, о которых знает, что я их почувствую, а сделал ставку на человеческие слабости и страсти.

Провал и этого плана — плод счастливой случайности. Углубленный в изучение «Скрижалей Скелоса», я почувствовал, что кто-то прокрадывается в мою комнату. Последовал краткий обмен магическими заклинаниями, и я успел прогнать Хирента. Но сам настолько устал и обессилел, что мог стать легкой добычей его головорезов, которых он натравил на меня.

Точно тогда появился Амрод, и так как он — альб, а не человек, лира Хирента не действует на него. Он задержал первую волну. Потом Плам был разбужен снежным волчонком и справился с соучастницей Хирента, что само по себе — большой подвиг.

Юноша вовремя вмешался в бой на лестнице, и таким образом часть нападающих были отброшены. Заснувших в таверне спас бывший раб-гладиатор Пепин. Он тоже не человек, а кобольд, наследник древней расы! Такова истина о событиях на постоялом дворе «Пуповина» за вчерашний день…

* * *

— Значит мы обязаны своей жизнью раненому воину с одной здоровой рукой и несмышленому зверенышу! — принц Моррог первым нарушил продолжительную тишину, наступившую после рассказа мудреца. — Я их озолочу! Наверное, Плам не пожелает продать мне волчонка, но раба..?

— Со вчерашнего дня Пепин — свободный человек! — твердо заявил молодой славин.

— А с сегодняшнего я провозглашаю его почетным заморийским аристократом! — отозвался старый король, воодушевленный подвигом кобольда. — Но что ты думаешь делать с лирой, мудрец Богард?

— Это смертельно опасный инструмент и он должен быть надежно спрятан, Ваше величество! Я отдам ее жрецам Митры, чтобы они укрыли инструмент в тайном храме под Тарантией, где похоронен святой Эпимитриус. Там силы Зла не достанут его. Но для вашего собрания диковин у меня есть кое-что! Сандалия Хирента, которую он потерял при бегстве по лестнице. Она сделана из кожи болотного демона, провинившегося на службе Сету. Сдирают ее с живого его тела, и она начинает жить собственной жизнью!

— Очень интересно, благородный Богард, очень интересно! Спасибо! А девушка?

— Девушка — рабыня, околдованная Хирен-том, она и в самом деле хорошая танцовщица. Я освободил ее от заклинаний и думаю дать ей свободу. Если хотите, она с радостью станцует для вас.

* * *

Танец Деи в этот вечер целиком отличался от предыдущего. Не было одурманивающего аккомпанемента, дикого стука по столам, желания смерти и разрушения. Но исполнительница была та же. Та же прекрасная фигура, пленительное и привлекающее к себе лицо, огненные, страстные губы. Тот же изумрудный блеск в зеленых глазах. Та же неописуемая красота!

Даже старый король, давно переставший чувствовать влечение к женщинам, впал в экстаз. А мужчины, видевшие танец и накануне вечером, с трудом сдерживали эмоции в присутствии монарха.

Когда танец закончился и король вознаградил маленьким кошельком преклонившую перед ним колени танцовщицу, Дею усадили за центральным столом.

Свободное место было и возле Плама, но он ни взглядом, ни жестом не пригласил ее.

Бритунийка села между Конаном и принцем Моррогом…

Через несколько минут король Озрик получил сандалию сбежавшего Хирента. Обрадованный и очень усталый, он тепло распрощался с дружеской компанией и, сопровождаемый Торфагом и Реасом, отбыл во дворец. Храм Митры находился в непосредственной близости возле жилища сатрапа, а Богард хотел провести ночь в молитвах и бдении.

— Хороша королевская компания, особенно если ты почетный вельможа, как мы! Но правила этикета сковывают! Вина! — так рассуждал достойный шемит.

— Когда я стану королем, то запрещу подобные выдумки! — с жаром сказал Конан. Флирт между ним и рыжеволосой танцовщицей быстро продвигался вперед — жадная ру-ка киммерийца уже проникла под шелковую тунику. Варвар не терял времени даром! Ласково расчесывая его черную гриву нежными пальчиками, бритунийка проговорила сладким, чарующим голоском:

— Надеюсь, вы не сердитесь на меня за то, что я была вчера безвольной игрушкой в руках этого ужасного жреца!

— Хорошенькая игрушка! — шумно засмеялся Конан. — Плам, друг мой, удивляюсь я тебе, как ты устоял перед такой очаровательной девушкой?

— Не устоял! — устало ответил спрашиваемый. — Была волшебная и неповторимая ночь! Желаю каждому пережить такую, хотя бы в первой ее части. У меня больше нет такого желания!

Глава XXII
«Кобольд»

Миновало несколько спокойных дней. Ярмарка замирала. Опустело большинство загонов и временных торговых лавок. Полностью закрылся базар для животных. Множество шатров и палаток были собраны, и их обитатели уже уехали. Разобрали и шатер цирка месьора Булемеса. Вместе с ним в далекие земли уехала и Дея.

На месте цирка осталась гора мусора, которая напоминала о блестящих представлениях. Там собрались бездомные собаки, которых прогнали из их укрытия в Старом замке. Расторопный Торфаг приказал расчистить древние руины, и проворные работники выполняли его приказание.

Туманные воспоминания о красивой рыжеволосой бритунийке остались в сознании Конана и Плама, если только варвар вообще запоминал вереницу женщин, проходящих через его постель.

Но жизнь продолжалась. Возобновились и утренние прогулки, и упражнения за городом. К дружескому кругу присоединился и кобольд Пепин. У него был на удивление здоровый организм. На второй день после получения рапы только стянутая шиной и прикрепленная перевязкой к груди рука напоминала о тяжелом переломе. Плам подарил ему оставшийся от атамана шайки кофийских работорговцев каурого жеребца, и кобольд сразу же доказал, что он — хороший наездник. С тех пор он не пропускал возможности принять участие в прогулках за город.

Друзья как раз только что вернулись в «Пуповину» и расседлывали коней, когда Ванил таинственным голосом сообщил, что к вечеру Пепин устраивает угощение для своих товарищей. Плам оставил ему кошельки зарубленных им головорезов, и теперь бывший раб был богат.

Конан, шемитский Ага, Джума и Кетраг оставили шатер Шевитаса и перебрались жить в освобожденные гостями постоялого двора комнаты на первом и втором этажах. Теперь вся компания собралась под одной крышей. Узнав от Ванила о предстоящем пире, все разошлись по почти опустевшему ярмарочному городу в поисках подарков.

Вечером больше всех был удивлен Пепин. Когда все собрались на вроде бы случайно организованную пирушку, каждый принес хороший и полезный подарок для кобольда.

Первыми в таверну сошли вниз Богард и Плам. Офирец учил древне-стигийскому языку своего молодого воспитанника. Мудрец уже заканчивал изучение «Скрижалей Скелоса». Узнав о поводе для веселья, славин смутился, что пришел с пустыми руками.

— Не обвиняй себя, сынок! Ты подарил Пепину самое дорогое — свободу! Я уже познал его верное сердце и знаю также, что до самой смерти он останется верен тебе.

— Это моя мечта — служить тебе, пока я жив! — поклонился кобольд Пламу.

— Раз это твое желание, то я согласен! Но ты будешь моим товарищем, а не слугой!

Пришел и Конан, неся тяжелый железный щит с нарисованным рубиновым глазом. Он вручил его Пепину и обернулся в поисках места, чтобы оставить обоюдоострый боевой топор с рукоятью из носорожьего рога, с металлическими пластинами. Это было очень редкое и страшное оружие в руках сильного бойца.

— Я купил его у одного вендийского купца. У них уже почти не используются такие топоры. Мужи нового поколения слабы сражаться таким оружием! — пояснил киммериец, положив топор в ноги Пепину.

Смущенный гладиатор не знал, как поступить. Здоровая его рука держала тяжелый щит и он не мог его оставить, чтобы поздороваться с Конаном. Варвар вывел его из затруднения, взяв из руки кобольда щит, чтобы опереть его о стену. Потом он сердечно обнял Пепина.

— Не могу я речи держать. И я, как и ты, тоже был с железным ошейником и знаю, как чувствуешь себя. Я тебе обязан! Будь моим братом!

Кроме сильной руки, у кобольда было мягкое и доброе сердце. Он прослезился.

Фериш Ага принес чудесное покрывало и кольчугу для боевого коня. Кетраг — закаленный в огне шемитский лук и колчан с отличными гирканскими стрелами с оперением из перьев цапли. Джума преподнес Пепину плащ из очень редкой шкуры черной кушитской пантеры. Принц Моррог подарил красивый железный шлем с забралом для глаз и крепкую плетеную кольчугу, сделанную из стальных пластин.

Все теплыми словами поблагодарили Пепина за оказанную услугу в ночь мертвецкого сна. Только один Амрод не принес никакого подарка. Гордый альб избегал разговоров с кобольдом, как бы не замечая его присутствия.

Хорошее вино и уставленный яствами стол завладели на некоторое время вниманием компании. Через несколько произнесенных тостов растроганный до глубины души кобольд осознав, что у него появилось столько много друзей, пришел в себя. Он любил выпивать.

— Славный человек ты, Пепин! Одной рукой и то после такого тяжелого ранения повалил, как снопы, семерых отъявленных головорезов! В моем дворце в Хауране всегда найдется место для тебя!

— А попадешь в Шем, только упомяни имя Фериш Ага, и никогда не останешься без вина!

— Едем в Гирканию, друг! Только там, среди необъятных степей, среди моря скачущих коней сможешь почувствовать себя вольным, как ветер!

— В Киммерию я тебя не приглашаю, это мрачная и суровая страна. Но мой кошелек и меч всегда к твоим услугам!

— А можешь остаться и здесь, в Заморе! Перстень и грамота, которую прислал тебе король Озрик, сделали тебя почетным аристократом! Получишь имение, слуг, земли…

— Я предпочитаю следовать за благородным Богардом и Пламом. Не привык я к сидячей жизни!

— Значит, мы будем вместе! Хорошо быть рядом с воином с верной рукой и верным сердцем! Как ты, Пепин! Так выпьем за это! Вина!

— Расскажи нам свою историю, Пепин!

— Ну, вырос я в маленькой пограничной укрепленной крепости на Боссонских возвышениях. Недалеко от Велитриума, почти на берегу Черной реки. Граница с Пиктскими дебрями проходит совсем недалеко от крепости. Я возмужал в бесконечных схватках с дикими ордами. Когда я подрос, то заметил, что я отличаюсь от высоких, стройных боссонцев. Не был я похож и на пиктов, наших врагов. Я попросил своих родителей рассказать о моем происхождении. Старейшина деревни вспомнил, что меня нашли в ивовой корзинке па рыбалке на Черной реке. Я был запеленат в изящно вытканные пеленки, каких ни у бос-сонцев, ни у пиктов не было. У одного из рыбаков недавно умер ребенок и он усыновил меня.

— В Пиктских дебрях, наверное, все еще живут альбы, кобольды… и другие, — не закончил свои слова Амрод. — Ты — кобольд!

— Это я узнал гораздо позже. От одного альба. Он рассказал мне много о своем и о моем народе.

— Альб из Пиктской пустоши?

— Нет, остатки его парода жили далеко к югу от Стигии. В джунглях, у истоков реки, называемой Зархеба. Звали его Ололивел, и мы были с ним хорошими друзьями.

— Из южных альбов! Не знал я, что кто-то из них остался после Большого переселения!

— Их было мало, и их раса вымирала. Тысячи лет назад весь их народ переселился в страну, далеко на юг. Она называлась Ферри.

— Что случилось с этим альбом? Где я могу его найти? Много лет прошло с тех пор, как я не получал вестей о соплеменниках!

— Я понял, что ты из благородного рода альбов и не могу сердиться па тебя за пренебрежительное отношение ко мне. Испокон века мой народ служил твоему. Но если у тебя есть

терпение и если достойным господам будет интересно, я закопчу свой рассказ. В нем содержится и история альба Ололивела.

— Достойные господа будут слушать с интересом! — от имени всех ответил Фериш Ага. — Но сначала промочим глотки. Выпить хочется, как после резни оборотней… расскажу я тебе об этом случае как-нибудь в другой раз! И Конан показал себя тогда с лучшей стороны! Вина!

Выпили. Ожидание интересной истории, хорошая еда и вино, потрескивающий огонь в камине создали у этих разбросанных по свету авантюристов уютное чувство дома и семьи. Одиночество собрало эти обломки бури жизни вместе, и они начали чувствовать друг друга, как родные, а не как стая голодных волков.

— Этот постоялый двор «Пуповина», как ласковая материнская утроба! Я чувствую себя ребенком, нашедшим дом в снежной буре! Не испытывал такого чувства даже в своем дворце в Хауране. А вас воспринимаю, как родных братьев! — прочувственно заявил принц Моррог.

— В стране Куш, моей родине, у меня есть много кровных родственников, братьев, так водится у нас, — пояснил Джума. Чернокожий колосс оставил цирк месьора Булемеса, чтобы наняться в солдаты в Туране. — Да, я даже и не знаю, сколько братьев и сестер у меня было, по никогда они не были мне настолько близки, как вы!

— Это потому что хорошее вино объединяет души настоящих мужчин, как пролитая вместе кровь роднит сердца, — добавил шемитский Ага.

— И еще потому, что все вы — достойные люди с открытыми душами и смелыми сердцами! Я встречал много настоящих мужей, но таких, как вы, собранных в одном месте — никогда! — вмешался в разговор Богард. — Поэтому я рад, что у меня будут такие спутники, Но давайте прекратим восхвалять друг друга, как старые куртизанки. Пусть дела сами говорят за себя. Продолжай свой рассказ, Пепин. Вина!

* * *

«Служил я на Боссонской границе долго — и стрелком, и следопытом. Потом поступил в аквилонскую армию к королю Вилеру. Участвовал во многих сражениях, но в войне с Кофом попал в плен. Я был не из знатной семьи, никто меня не выкупил, и я был продан в рабство. Умею я делать почти все: был и гребцом на галере, и в соляных шахтах, и на строительстве крепостей и дорог. Я умею хорошо готовить, шить, стирать и даже сопровождал одну торговую экспедицию в Кхитай. При возвращении меня укусила ядовитая змея в джунглях южнее моря Вилайет. Я серьезно заболел и едва не умер.

Продали меня на золотые рудники в горах Ильбарс. Они находятся между туранскими городами Хоарезм и Шангара. Из всех мест, куда меня забрасывала неволя рабства, эти рудники были самыми ужасными. Для работы там использовали истощенных на галерах гребцов, изувеченных строительных работников, постаревших слуг и куртизанок. Рабская жизнь не стоила и ломаного гроша. Одетые в увядшую кожу скелеты, покрытые язвами, струпьями и грязью — это были мы! Кормили нас какими-то помоями, которые один раз в день спускали в глубокие шахты. Воду мы слизывали с влажных стен галерей. Солнечного света я не видел ни разу за все те три года, в которые был похоронен там.

Внизу за нами никто не надзирал. Если мы не отправляли иа поверхность определенное количество руды, то нам не спускали и еду. Таким образом мы старались выполнять норму. У нас были свои вожаки и свои рабы. Самые сильные не работали. Они терроризировали слабых и жили на их горбу.

Вожаком там был здоровенный чернокожий, бывший гладиатор. Он потерял на арене один глаз и пальцы на правой руке, по сила его огромных кулаков пугала всех. Убивал несчастных существ, не моргнув и глазом! Все радовались, когда кто-то умирал. Тело умершего сразу же разрывали иа куски и съедали. Самые лучшие куски получал Джоко — одноглазый изверг.

Я очень ослаб от болезни, когда меня спустили в мрачную шахту. Но но сравнению с ходячими скелетами там я был здоров и силен. Работал много, и успевал дорваться до достаточного количества еды. Нашел в заброшенной галерее подземное озеро, в котором водились слизистые безглазые существа, похожие на рыб. Иногда я успевал поймать их, и вкус их совсем был неплохим! Я брезговал человеческим мясом и предпочитал подкармливаться большими подземными тараканами, которые ползали по шахтам.

Постепенно я стал набирать силы. Джоко не трогал меня, да и я старался не попадаться ему на глаза. В это время одноокий мучил с особой жестокостью одно бледное, скелетоподобное существо, которое несмотря па свою слабость, работало по целым дням наравне со мной. С ним мы не сказали друг другу ни слова больше месяца. Да, наверное, и никогда бы не заговорили друг с другом, если бы не произошло следующее.

Как и у настоящего короля, у Джоко был собственный гарем и слуги. Его любимой женой была Мея — однорукая аграпурская куртизанка, все еще сравнительно свежая. Вожак хотел, чтобы слугой ему был бледный работяга-раб, но тот гордо отказывался. Каждый вечер, а мы уже знали время, когда в шахту спускали скудный казан с помоями, Джоко жестоко избивал его и не давал ему есть. Чем тогда питался этот бедняга и как он вообще выжил, я так и не понял.

Так вот, однажды вечером Джоко был в особенно хорошем настроении. Днем спустили новую группу рабов, среди которых была симпатичная молодая кушитка с начальной формой проказы. Обняв повое приобретение, зловещий вожак что-то приказал Мее. Недавняя фаворитка, привыкшая к более хорошему отношению, ответила ему резко. Джоко разозлился!

Начал бить ее своими огромными кулачищами и повалил на землю, Продолжил пинать ее изо всех сил даже после того, как умертвил ее.

Я лежал далеко от костра. Часто я видел, как Джоко убивает других рабов, но чтобы поднять руку на женщину! Я вскочил и растолкал несчастные создания, но бледный раб был первым. Его скелетоподобная фигура набросилась на огромного главаря и ударила его. Джоко повернулся и с диким огнем в единственном глазу схватил его за тонкую шею. Как только он не переломил ее, как тростиночку? Может быть ему помешало отсутствие пальцев.

В этот момент я добрался до него и крепко ударил по почкам. Тот заревел, как раненый лев, отбросил бледного и напал на меня. После короткой схватки я убил его.

Так я стал вождем несчастных рудокопов. Заставил крепких и здоровых лентяев работать. Самых слабых оставил заботиться об огне, привел женщин к подземному озеру. Они научились ловить безглазых рыб даже лучше, чем я, нашли корни, глубоко проникшие через скалы и землю, из которых варили суп. Я поставил бледного быть ответственным за распределение еды.

Мы начали посылать наверх больше руды, и нам начали опускать еды получше. Лечились мы кто как может, купались в озере. Я запретил драки. Мы зажили получше и даже иногда находили время для веселья!

Но с бледным рабом мы все еще не разговаривали. Он только сказал мне, что сам он родом с юга и что зовут его Ололивел. Все-таки однажды ночью стена молчания между нами была сломана. Это было после первых похорон в шахтах рудника Ильбарс.

Один из сильных рабов умер, когда на него упал обломок скалы. Я категорично запретил остальным съедать его. Похоронили мы его близко от костра, где спали. Я опасался, что кто-нибудь выроет труп. Я очень устал. Работал я наравне со всеми, ничего что считался вождем. Я лежал возле огня и мечтал о чистом небе, звездах, свободе.

Неожиданно Ололивел сел рядом со мной и заговорил. Он рассказал мне о славном народе альбов, о чудесах, которыми они владеют. Он знал, что я не подозреваю о своем происхождении. От него я узнал, что я — кобольд, сын порабощенного альбами народа. Он не думал, что кобольды могут быть способны на что-то иное, кроме как быть слугами.

Много ночей разговаривали мы при свете огня. Многое я узнал от Ололивела. Постепенно мы сблизились и стали нераздельны. В мечтах мы видели себя свободными. Обещали друг другу, что вместе отыщем страну Ферри, куда переселились наши деды.

Ололивел был еще молод по меркам своего долгоживущего народа. Обитающие в джунглях возле Зархеба альбы забыли большинство умений и тайн своего народа. С горячей кровью, молодой Ололивел отправился вместе со своим другом Нерендолином в путь искать страну Ферри. После многочисленных приключений они добрались до Кеми, самого большого порта Стигии. Продали драгоценности и поднялись на борт корабля, который плыл в Кордаву.

По дороге на них напал пиратский корабль с Барахских островов. Их взяли в плен, обратили в рабство. С тех пор он ничего не слышал о Нерендолине.

Так мы прожили в рабстве три года. Постепенно рудник истощился, и нас подняли на поверхность, чтобы перебросить в другую шахту. Оставили нас в огромном дощатом сарае и охраняли не особенно бдительно. Мы решили ночью бежать. Глаза наши уже были привыкли видеть в темноте, да и оба с Ололивелом мы выросли в лесу охотниками.

Слепой случай соединил нас, он же и разделил нас!

Незадолго до наступления ночи, собственник гладиаторской школы Зингаро увидел меня

и купил. За кувшин вина и горсть медяков. Ололивел остался в сарае. Два года я работал на Зингаро. Принес ему много денег. Он обещал, что освободит меня, если я заработаю ему сто золотых монет. Своими победами на гладиаторских аренах я принес ему гораздо больше денег! Но он не сдержал свое обещание. Относился со мной хуже, чем с животным. Потом… потом появился Плам…»

* * *

— Да, браток, жизнь, не гладила тебя по головке! Ну, и твой Ололивел настоящий мужчина! Хотелось бы мне помочь ему! Голод, темнота, жажда! Бррр! Волосы у меня встают дыбом! Вина! Выпьем за друзей в беде!

— Тогда давайте выпьем и за то, чтобы не оставлять их в беде! — мрачно поддержал Агу Конан.

— Так ведь отсюда мы отправляемся в Аграпур, столицу Турана! Можем отыскать и выкупить Ололивела! — предложил Плам.

— У меня есть хорошие связи при дворе Илдиза, короля Турана, — задумчиво сказал принц Морог. — Но побеспокоить императора ради одного раба! Меня примут за сумасшедшего! А может он уже давно мертв. Два года в том руднике…

— Я должен его найти! Мы альбы, так легко не умираем. Я уверен, что он жив! — меланхоличный Амрод говорил с жаром.

— И без того трогаемся через три дня. Останемся только для того, чтобы Конан выиграл турнир послезавтра и получил заслуженные награды. Теперь, особенно после ярмарки, дороги опасны. Да и не верю я, что только попыткой Хирента наши враги исчерпали свой арсенал. Мы поедем через Шем и Хауран. Оттуда па лодках по реке Истар быстрее всего добраться до Аграпура. Легат Амальрик собрал несколько хороших наемников, сделаем небольшой, но сильный караваи! — слова Богарда были приняты всеми благосклонно. Авторитет офирского мудреца был большим, и он несомненно был вожаком всей компании.

— Из Хаурана путь будет легким! Возьмем самые лучшие лодки и ладьи. Сейчас в Туране спокойно, я поеду с вами! — объявил свое решение принц.

— Из Аграпура до Хоарезма на корабле можно доплыть меньше, чем за два дня. Я работал там несколько лет назад, хорошо знаю побережье!

— Ты моряком плавал по морю Вилайет, Копан? — спросил любознательный славин.

— Пиратом! Ну, и немножко был на галерах рабом, на каторге, но это другой разговор.

— Значит, ты был и рабом на галерах?

— Был. Был я и вором, и вождем зуагиров в пустыне, и атаманом козаков, которые для тебя, как родные братья, на реке Запорожке!

— Много чего ты повидал, расскажи!

— Побывал я в странах, в которых никто из моего племени не бывал, а о многих из них даже и не слышали! Был я следопытом на Черной реке в Пиктских дебрях, и наемником в Стигии и Туране, и пиратом из Красного братства с Барахского архипелага. Вдоль и поперек я прошел Черные королевства, а и далее, далеко к югу от них. Разбойничал немного в Химелийских горах, а уж не будем вспоминать с мелких племенных войнах в Асгарде и

Ванахейме. Но всему свое время. Богард, может, и не захочет, чтобы я рассказал тебе о кое-каких делах.

— Конан! Ты — честный и достойный человек! Любая профессия, пусть даже и работорговца, и сутенера хороша, лишь бы исполнять ее по-честному и по справедливости!

— Вот поэтому я и люблю тебя, Реас! Но сутенер из меня не получится! У куртизанок не останется сил для клиентов! Я разорюсь!

Глава XXIII
«Непобедимый»

Высокие трибуны постепенно заполнялись народом. Площадь перед Львиными Воротами была полностью ограждена и походила на громадный амфитеатр. В середине был оставлен большой овал свободного пространства — арена.

По старой традиции, сегодня должен был состояться только один поединок. Король выбирал символического защитника города, который боролся за награду в триста золотых монет. Щит с его гербом выставлялся на специальном постаменте в центре арены. Желающие помериться с ним силой ударяли по щиту своим оружием. Если ударяли острием — бой проводился настоящим оружием и часто заканчивался смертью. Если удар был рукоятью оружия, то бой проводился притупленным тренировочным оружием. Если появлялся больше чем один претендент, король определял самого достойного.

В этом году защитником был Конан. Его слава и успехи на играх были более, чем достаточны, чтобы король Озрик остановил свой выбор на нем. Его щит, с нарисованным большим рубиновым глазом, был уже выставлен посреди арены. Король и почетные гости как раз занимали места на центральной трибуне. Все было готово к началу поединка.

В этот момент произошел неприятный инцидент. Глава аквилонской делегации, пуантенский герцог Троцеро представил королю аристократа со странной внешностью.

— Ваше величество, это барон Пулио, один из видных аристократов королевства Аквилонии.

— Я рад приветствовать его на заморийской земле. Жалко, что он прибыл так поздно и пропустил самую интересную часть игр!

— Всегда успеваю к самому интересному, Ваше величество! — женственным голосом отозвался барон. Его волосы были окрашены в несколько цветов, он был одет в особенную, почти женскую одежду. Его рука, небрежно положенная на эфес длинного прямого меча, усыпанного драгоценностями, была с кроваво-красным маникюром.

В типично женском реверансе барон Пулио поклонился смущенному монарху и занял свое место рядом с заметно взволнованным графом Троцеро. Король Озрик наклонился к сатрапу Торфагу, который ему что-то прошептал. Король понимающе кивнул головой и почесал лоб.

— Кто этот человек? — тихо спросил Плам всезнающего принца Моррога.

— Это барон Пулио из Аквилонии. Из очень богатого и влиятельного рода. Немножко со странностями, понимаешь ли, но большой мастер меча!

Барон осторожно поправил сложную прическу, смотрясь в серебряное зеркальце. Победоносно осмотрел публику накрашенными глазами.

— Пусть Дэркето поразит мой детородный орган! Герцог, а мы не ошиблись трибуной?! Посмотри, там возле хауранского принца сидят какие-то крестьяне! Как только воняют! Тот, светленький, однако, ничего! Какой жеребчик! Но старый бакалейщик возле него — отвратителен!

Эти слова, произнесенные громким голосом, явно метили обидеть Богарда и его компанию. Принц Моррог приготовился ответить, но Реас остановил его тихими словами.

Сам Троцеро остро порицал барона. Пулио замолчал, сначала поджал губы, как обиженная девица, но потом начал посылать воздушные поцелуи Пламу и махать ему шелковым платочком.

Главный глашатай игр вышел на арену. Трубы возле короля заиграли.

— От имени великого короля Озрика, владетеля Заморы, Конан из Киммерии, почетный вельможа, вызывает каждого желающего на поединок с острым или тупым оружием!

Это сообщение было сделано перед каждой из четырех полукруглых трибун. В полном боевом снаряжении, в блестящем асгардском шлеме с высокими бычьими рогами, Конан ждал, сидя возле маленького шатра. Рядом с ним Джума, в качестве помощника держал широкий аквилонский меч и боевой топор с длинным, почерневшим от времени топорищем.

Наступила мертвая тишина. Ожидали претендента. Если не появится желающий, то великан Олаф проведет с Конаном показательный поединок. Зрители не останутся недовольными.

По традиции, нужно было выждать несколько минут, после чего глашатай должен был повторить вызов. Как раз истекал определенный срок, и церемония должна была повториться, когда послышались тяжелые ритмичные шаги. Из прохода между двумя трибунами вышла громадная фигура, закованная в стальную, отливающую синью, броню. Закрытый шлем с пучком страусиных перьев наверху делал приближающегося к щиту Конана бойца великаном. С металлическим звоном и скрежетом, незнакомый воин достиг середины арены. Медленно поднял одетую в стальную перчатку десницу, в которой сжимал огромный боевой топор. Ударом, который смел постамент, как вихрь, он поразил острием топора щит, и тот отлетел аж к подножию королевской лоджии.

— Я, Марель из Аквилонии, названный Непобедимым, принимаю вызов! — прогремел мощный голос. — Я, Марель, отправлю душу Конана Киммерийца к его жалким богам!

* * *

Даже если бы молния упала на арену, не наступило бы такого сковывающего изумления па трибунах. Зрители смотрели, как остолбеневшие. Марель Непобедимый! Воин-легенда, победивший в последние десять лет всех своих противников! И это сверхчеловеческое проявление мощи! Невозможно!

Первым пришел в себя от удивления старый король. Посмотрел озабоченно на невозмутимо сидящего Конана, коротко посоветовался с сатрапом Торфагом и послал слугу известить глашатая.

— Король Озрик принимает претендента Мареля из Аквилонии! Поединок с острым оружием начнется через полчаса! Битва будет до первой крови или до смерти одного из бойцов!

Мареля и его оруженосца — здоровенного мужчину, который доставал едва лишь до плеча непобедимому воину, усадили в удобные кресла и поднесли им ободряющие напитки. Крепкое дерево угрожающе заскрежетало под тяжестью аквилонца.

На трибунах наступило оживление. Такое сенсационное зрелище ожидало зрителей! Великий Марель здесь, в Аренджуне! Продемонстрирует свою неповторимую силу и

мастерство! Невероятно!

Никто не делал ставок. Исход поединка мог быть только один. Конан будет побежден, вероятно, потеряет жизнь. Против Мареля Непобедимого ни у кого из бойцов не было шанса.

Среди друзей Конана настроение было не радужным.

— Никто не может победить Мареля! — отчаянно тряс головой принц Моррог. — Я наблюдал за ним много раз. Это не человек, а настоящий демон! Конан пропал!

— Марель убил более ста первоклассных воинов на турнирах и в единоборстве! У него нечеловеческая сила! Да и проворен, как пантера! Я не видел, как орудует топором Конан, но навряд ли он справится с Непобедимым!

— Какой демон принес сюда этого великанища! Чтоб у него поясница отнялась, чтоб у него мужские причиндалы отвалились! — проклинал добрый Фериш Ага. — Хоть бы Конан отказался… Если этот аквилонский верзила его погубит, лучше и мне умереть. Вызову его, а там…

Богард молчаливо выжидал, но был не особенно обеспокоен. Плам однако не выдержал!

— Что вы оплакиваете Конана? Он же не малое дитя! Он победит! Вы не видели Конана в настоящем бою! Этот Марель, может, и был непобедим до сих пор, но он только человек. А Конан в бою как бог! Я своими глазами видел, как он голыми руками задушил тролля!

— Тролль! Пфу! Что такое тролль перед этим людоедом! И я посек троих оборотней, но это другое. Знаю, что Марель Непобедимый пронзил в одной схватке пятерых бойцов одним ударом своего копья! Но ему это так не пройдет, этому выродку, если что-то случится с Конаном! Фериш Ага здесь!

В этот момент барон Пулио встал и вызывающе помахал тяжелым кошелем.

— Пятьсот золотых монет против десяти, что Марель раздавит варвара, как гусеницу. Смелее, красавцы! Никто ли не желает подарить десять золотых даме?

Никто не отозвался. Рисковать десятью золотыми для такого безнадежного дела? Даже ставка пятьдесят к одному не стоила риска!

— Перевелись, что ли настоящие мужчины в Заморе? — издевательски вопрошал барон.

— Принимаю! — прокричал Плам

— Красавец! Деньги потеряешь, жеребеночек! Но потом сможешь их вернуть другим способом, очаровательный мой!

— И я принимаю, Пулио! — откликнулся принц Моррог, нарочно пропуская титул барона.

— Я тоже! Пятьсот золотых — это целый погреб с вином! Выпью его на поминках Мареля Непобедимого! — прогремел бас Фериша Аги.

Не говоря ни слова, Богард сделал знак одному из распорядителей и отсчитал десять золотых монет в знак того, что принимает ставку женственного аристократа. Кетраг и Пепин присоединились к офирцу. Легат Амальрик лишь покачал головой. Опытный полководец не верил в победу Конана.

— Целое удовольствие для меня делать ставки против вас! Приготовьте мне быстро денежки, потому что бой не продлится долго!

Встав в полный рост посреди арены, двое бойцов приветствовали короля и публику. Разница между ними была очевидной. Марель возвышался над Конана на целую голову и был на две пяди шире в плечах, стальная броня давала ему серьезное дополнительное преимущество перед одетым в плетеную кольчугу варваром. Боевой топор аквилонца был больше, руки длиннее. Единственно оставленные в противоположных углах арены мечи, как

запасное оружие, были одинаково длинны и тяжелы.

Марель нес огромный щит с нарисованным чешуйчатым драконом, сжимающим в своих длинных когтях цыпленка. Конан был вооружен прямоугольным щитом с нарисованным на нем рубиновым глазом.

Король поднялся с места, и его слегка дрожащий голос разнесся над притихшими трибунами.

— Пусть достойнейший победит. Начинайте! Противники повернулись один против другого. Лицом к лицу. Не обменялись обычными для такого благородного поединка приветствиями.

— Ты подохнешь, варвар!

— Каждый умирает когда-то, молодец!

— Но твой день пришел, дикарь!

— А может быть твой, здоровяк!

При этих словах аквилонец взревел, как раненый лев, и бросился на Конана. Будто бы сметающий на своем пути ураган видит перед собой одиноко торчащую сосну, единственную устоявшую при его быстром прохождении через столетний лес… Атака была ужасной. Тяжелые и сильные удары, быстрые как молния, градом сыпались на киммерийца.

Громадная фигура Мареля с беспощадной неумолимостью теснила его и отталкивала назад.

У зрителей создалось впечатление, что Конан похоронен под градом убийственных ударои. Вынужденный отступать с первого момента сражения, он в самом деле потерялся под напором великана-аквилонца.

Но отступление варвара совсем не было паническим бегством. Каждый удар он отражал щитом, наклоняя его под необходимым углом, чтобы нейтрализовать поистине ужасную силу ударов Мареля. Отступал он полукругом, чтобы не оказаться прижатым к краю арены. Там большая масса и более длинные руки соперника могли оказаться решающими для исхода поединка. Таким образом, скоро битва вернулась опять в центр боевого поля. Непривыкший к подобному сопротивлению, Марель взбесился. Его удары зачастили, но потеряли добрую долю своего напора и силы.

До этого момента Конан не использовал свой топор. Его любимым оружием был тяжелый меч, но из-за правил турнирной этики он был вынужден начать бой оружием, которым его вызвали. Почувствовав потерю свежести у своего противника, киммериец перешел в яростную контратаку.

Теперь роли сменились. Однако Марель не отступал. Широко расставив ноги, он принимал на себя, словно незыблемая скала, все выпады варвара.

— Он еще жив! Конан жив! — прокричал кто-то на центральной трибуне, и публика оживилась.

— Конан! Конан! — разнесся восторженный возглас, сначала подхваченный десятком голосов на центральной трибуне, а вскоре и всей публикой. Симпатии большинства были на стороне черноволосого варвара.

И тогда Марель доказал, что не только рост и сила подняли его на пьедестал самого великого и непобедимого бойца. Хитроумным приемом, знакомым лишь немногим, он подложил под удар Конана свой собственный топор. Его острие попало в рукоять топора киммерийца. Крепкое, закаленное в огне дерево переломилось, и в руках варвара осталось лишь около пяди ненужной древесины. Публика умолкла.

— Э, теперь уж я выбью из тебя первобытную твою душонку и накормлю ею псов Эрлика, — прогремел торжествующий голос акви-лонца. Его огромный топор заблестел на солнце, на обезоруженного Конана посыпался новый град ударов. Один из рогов его асгардско-го шлема был отсечен, куски выкованного в Кордаве щита рассыпались по плитам. Плечо плетеной кольчуги было разодрано, и оголенную плоть заливала ярко-красная жидкость.

При виде крови Марель издал довольный торжествующий крик и удвоил усилия. Как опытный дровосек рубит столетнее дерево в лесу и от него летят щепки, сыплются веточки, а ствол уже почти рассечен и дерево в любой момент упадет, так на глазах притихших трибун огромный аквилонец прижимал своего соперника. Не было земной силы, которая отклонила бы неминуемую гибель, нависшую над храбрым киммерийцем.

Но Конан так не думал! Умело используя интервал между двумя ударами, когда рука его противника поднялась для нового замаха, резким движением боковой грани щита он встретил запястье великана. Тяжелый боевой топор выпал из онемевших пальцев, описав длинную параболу, и с глухим звуком забился в ограждение королевской ложи.

Еще раньше, чем ошарашенный аквилонец успел отреагировать, варвар со всей силой забил острый нижний край щита в его живот. Крепкая броня выдержала удар, но у Мареля на миг сперло дыхание, и он перегнулся надвое. Одетая в стальную перчатку десница Конана нанесла два быстрых, коротких удара по закрытому наличником шлему, и его соперник грохнулся на колени на арену.

Зрители не верили своим глазам! Великий, непобедимый, несравнимый и легендарный Марель повален на колени невооруженным противником.

Не воспользовавшись своим преимуществом, поворачиваясь спиной к ошеломленному противнику, Конан медленными шагами подошел к своему углу, где был оставлен его верный меч. Снял свой уже однорогий шлем и опустил его на землю. Принял от Джумы высокий бокал с вином, церемониальным жестом приветствовал короля и трибуны и выпил до кайли ободряющую жидкость.

Публика впала в экстаз! Какое зрелище! Какой мужчина! Вместо того, чтобы поспешить прикончить поваленного аквилонца, варвар спокойно попросил второй бокал вина!

— Конан! Конан! — этот крик потряс не только площадь перед Львиными Воротами, по и весь Аренджун!

Киммериец вытащил свой блестящий меч из ножен и осторожно протер лезвие от песчинок, прилипших к нему. За это время Марель пришел в себя. Вооруженный мечом, непривыкший к поражениям, он нетерпеливо ожидал соперника в центре арены.

— Никто до сих пор не позволял себе делать этого со мной, Марелем Непобедимым! Грязный варварский пес, я выпотрошу тебя, как хромого цыпленка! — встретил он Конана, который был без шлема. — За все это ты умрешь мучительной смертью!

— Становишься докучливым и начинаешь повторятся! Что ты дурак, это я понял сразу, невежа!

Они столкнулись, как два урагана в степи. Меч ударился о меч, щит о щит. Никто не отступил! Конан компенсировал внутренней сосредоточенностью яростный напор взбесившегося аквилонца. В его глазах разгорался холодный волчий огонь, мышцы наполнялись нечеловеческой силой.

— Кром и сталь! — разнесся боевой крик над ареной. Потом крик перешел в нечто нечленораздельное, дикое и неописуемое, как сама природа. От этого звука стыла кровь в

жилах, волосы вставали дыбом, холодный пот выступал на лбу. То был боевой клич диких киммерийцев, забывших обо всем, даже о собственной жизни, объятых единственно жаждой крови и разрушения!..

Титаническим ударом щита Конан поразил высокий, как крепостная башня, щит изумленного Мареля. Парализованная от боли рука аквилонца уронила щит, и тот с треском обрушился на плиты. Варвар тоже отбросил свой. Теперь двое противников стояли один против другого, с мечами, крепко схваченными мускулистыми руками. Лишь миг затишья — и опять столкновение! Пучок страусиных перьев со шлема великана медленно полетел вниз, умело отсеченный могучим киммерийцем!

Взбешенный Марель потерял способность контролировать себя. Над ним, над великим воином, издевались!.. Он замахнулся во всю свою мощь.

Дождавшись именно этого момента, Конан отступил в сторону и коротким уларом задел шею закованного в железо колосса. Острие его меча окрасилось кровью.

Марель отскочил назад. Левая его рука отпустила рукоять меча, стряхнула на землю железную перчатку и протиснулась между шлемом и броней. Изумленным взглядом аквилонец посмотрел на собственную кровь. С диким ревом замахнулся он правой рукой, метясь в незащищенную шлемом голову киммерийца.

Изящным финтом Конан нырнул под сильный, но не рассчитанный замах. Окровавленное острие его меча, с властным взвизгом рассекло воздух и впилось в тело Мареля.

Не выдержал выкованный в Тарантии наплечник, не выдержала и закаленная в сотнях боях и поединках человеческая плоть.

Железо, кости, мускулы и сухожилия отступили перед хорошо наточенной сталью.

Тело аквилонского воина все еще держалось на ногах, а отсеченная вместе с правым плечом и рукой голова свалились на арену. Мощные струи крови облили Конана. Потом тяжелые доспехи и все еще сопротивляющееся смерти тело в них с грохотом последовали за головой.

Непобедимый Марель лежал, вытянувшись во весь рост, на кровавой арене. Даже рассеченный надвое, его труп выглядел огромным и устрашающим. Над ним возвышалась мрачная фигура победителя. Окровавленный, в разодранной кольчуге, застывший с длинным мечом в руке, готовый к новому, разящему удару! Волчий огонь в его глазах медленно угасал.

— Кром! Прими еще одного слугу в мрачные свои владения! Хотя вряд ли он тебе будет полезен!

* * *

Никто не может описать эйфорию, обхватившую трибуны. Зрители орали от восторга и опьянения, хлопали в ладоши, стучали ногами.

— Конан! Конан Непобедимый! — разносилось, как гром, над толпой. Даже и сдержанные заморийские аристократы включились во всеобщее скандирование.

Единственно победитель и его жертва сохранили ледяное спокойствие. Один, успокоенный навсегда зловещей утешительницей воинов — смертью. Другой — неся в руке

пучок страусиных перьев со шлема Мареля, поднимался по лестнице к королевской ложе. Конан опустился на одно колено перед старым владетелем Заморы. Заиграли трубы, и трибуны утихомирились.

Король Озрик поднялся и подождал, пока утихнет и последний шум. Заговорил торжественно:

— Я рад, Конан из Киммерии, во второй раз возложить на твою голову лавровый венок! Уверен, что я никогда не награждал более достойного мужчину и бойца, чем ты!

— Примите Ваше величество, от меня, в ваше хранилище редкостей, этот пучок перьев! Гордому павлину, который похвалялся своей непобедимостью, они уже не нужны!

Более чем довольный, король Озрик снял с пальца перстень с великолепным бриллиантом и положил его на ладонь Конана.

— Сегодня вечером, ты мой гость во дворце, сынок! Я помню, что многим тебе обязан. Обязательно приведи и своих друзей, они — чудесная компания!

Толпа долго не хотела расходиться. Только барон Пулио, разозленный и не умеющий скрывать свои чувства, быстро покинул официальную трибуну. В суматохе никто не обратил внимания на сопровождавшего его высокого мужчину, укутанного в темный шелковый плащ.

— Его отец — самый богатый человек в Аквилонии. Пулио привез Мареля сюда. Но зачем? Для чего может послужить ему смерть Конана? — удивлялся пуантенский герцог Троцеро.

— Этих извращенцев не возможно понять! У них свои способы действия и мысли! Наверное, когда-нибудь мы поймем мотивы барона! — рассуждал принц Морог. — Но вот и наш победитель! Какой успех, Конан, какой триумф! Поздравляю! Такого поединка я еще не видывал! Чуть сердце не выскочило из груди от напряжения! Долго будут помнить твою схватку с Марелем, Конан! Или, может быть, уже Конан Непобедимый!

— Нет, Ваше высочество, только Конан из Киммерии. Непобедимых нет! А слава и рост Мареля были больше его воинских умений.

— Но до сих пор никто его не побеждал!

— Поэтому и первое же его поражение превратилось для него в гибель. Если бы он не оскорбил меня и Крома, наверное, я бы оставил его в живых. Сегодня вечером все мы в гостях у короля! Фериш Ага, друг мой, вина! После поединка всегда чувствую жажду.

Глава XXIV
«Засада»

Едва лишь рассвело и открылись городские ворота, небольшой караван покинул Аренджун и тронулся в южном направлении. Само по себе это не было каким-то значительным событием. После завершения ярмарки десятки караванов, гораздо больше и пышнее сегодняшнего, оставляли город в разных направлениях. Купцы, артисты, зрители, авантюристы, посланцы из близких и далеких стран отправлялись по своим родным местам.

Поэтому бдительные стражи на Львиных воротах были удивлены, увидев большое количество провожатых, которые несмотря на ранний час собрались на стенах крепости, чтобы проститься с скромным караваном.

Сам заморийский правитель, король Озрик, сопровождаемый сатрапом Торфагом, сердечно простился с отъезжающими. Толпа приветствовала монарха, после чего начала бурно скандировать:

— Конан! Конан Победитель!

Оседлав громадного черного Зверя, в полном боевом снаряжении, с высоко поднятыми руками, могучий киммериец ответил на овации провожающих. После этого пришпорил коня и догнал отъехавших от него спутников.

— Приветствуют тебя, как короля! — язвительно заметил Фериш Ага. У него было плохое настроение из-за того, что пришлось встать рано, чтобы караван мог вовремя отправиться в дорогу. Достойный пустынный вождь был вооружен прекрасной чешуйчатой стигийской броней, высоким островерхим шлемом и длинным копьем. На седле его крупного жеребца был навешен круглый щит из многопластовой крокодильей кожи.

— Да, обычно я выбираюсь из городов ночью, и то потихоньку! — засмеялся на его слова Конан.

— Так хорошо я провел этот месяц в Аренджуне, что полюбил этот город! Но без нас им будет скучно. Бот увидите, как мы повеселимся в Хауране! Так вам понравится в Джавелдже, что не захотите ее покинуть!

— Только бы доехать туда, Ваше высочество! Я отлично знаком с вашим гостеприимством. Но дорога может преподнести много опасностей и неожиданностей, да и перед нами — могучий и вероломный враг! — спокойный голос Реаса выдавал его внутреннее напряжение.

— Не волнуйся, благородный Богард! На вчерашнем совете мы выбрали более прямой, но и более неудобный путь через горы Шема. Дикие горцы едва ли посмеют напасть на наш отряд из семидесяти хорошо вооруженных мужчин. Барон Амальрик, которому я и граф Троцеро уступили командование, замечательный полководец. Мы с легкостью разобьем тысячу горцев, а их никогда не бывает столько много в одном месте.

— Не они беспокоят меня, принц! И не только военная сила возможных нападающих. Вместе с аквилонским посольством и наемниками легата нас вполне достаточно, чтобы защититься от людей. Но против нас могут выступить не только люди…

— Повелитель Зари уже доказал, что он — не беззубая старушка! В поединке с Хирентом ты прогнал его, как шелудивого пса! Кроме того, кто мог бы нас нагнать?

— Навряд ли кто-то будет догонять нас, принц Моррог. Но одна хорошо спланированная засада создаст нам много неприятностей.

— Для засады надо ожидать нас на дороге, а откуда им знать, где мы проедем?

— У наших врагов есть помощники повсюду. Грачи в небе, упыри в темной ночи, летучие мыши, ползучие твари и гадины. Да и этот ненормальный барон Пулио, который все вертится около нашего Плама. Совсем мне это не нравится! Что-то он очень быстро сменил тон после смерти Мареля! И какое дело у него в Хауране?

— Это верно, что барон — извращенец, но, в общем-то, он — отличный боец и изысканный аристократ! Проиграл три тысячи золотых, не моргнув и глазом. Да и так изящно извинился за свое дерзкое поведение на турнире! Мне по секрету он сказал, что его оставил любовник, и его сердце было разбито. Едет, чтобы развеяться, а может и для того, чтобы найти новую любовь!

— Едва ли он найдет ее там, где ищет сейчас!

Немного в стороне от каравана ехали Плам па рыжем Огненном Танце и аквилонский барон Пулио на прекрасном белом коне. До наступления вечера они должны были двигаться через местность, которая под твердой рукой сатрапа Торфага была спокойной и цивилизованной. Славин использовал каждую свободную минутку, чтобы прогулять Беса подальше от многочисленных конских копыт. Со следующего дня строгий легат Амальрик, ведущий караван, запретит любое своевольное отсутствие от колонны.

На ужин, устраиваемый королем в честь победы Конана, неожиданно приехал и аквилонский аристократ. Он вел себя совсем по-другому, чем на трибунах. Изысканностью и тактом он очаровал гостей и подарил Конану чудесный кинжал работы знаменитого оружейника, разговаривал долго и учено с Богардом о каких-то рукописях, найденных работниками в одном из многочисленных имений его отца. Учтиво поспорил с Фериш Агой о качествах шемитских коней и аргосских вин, выслушал рассказ пустынного вождя о поединке с оборотнями. Обменялся несколькими фразами даже с меланхоличным Амродом, показывая альбу древнюю брошь с красиво гравированными рунами. Радость его была очень велика, когда альб прочел на рунах, что это — амулет любовной верности и очень редкая вещь.

Теперь, пользуясь тем, что они отделились от компании, молодой барон с подкупающим вниманием расспрашивал:

— Ты сказал мне, что твое племя живет в горах Шема. Мы будем проезжать там. Не хочешь ли ты встретиться со своими близкими?

— Мое племя живет в труднодоступных землях, намного севернее перевала Келинана, через который мы будем проходить. А и я — изгнанник, и не могу вернуться к своему народу.

— Наверное, ты очень одинок, Плам!

— С помощью Богарда и моих друзей я нашел новый дом и новую жизнь!

— Богард — великий ученый и мудрый аристократ! Я был еще ребенком, когда он прибыл в Тарантию и помог жителям города вылечиться от ужасной Черной лихорадки.

— Я обязан ему больше, чем родному отцу! Всем я обязан ему! Когда я оставил горы, то был обыкновенным пастушком, который никогда раньше не видел город. А ты, барон, почему так одеваешься и ведешь себя столь странно?

— Да кто его знает! Наверное, боги подшутили надо мной. В битвах я чувствую себя мужчиной, а во всем остальном — женщиной! И как увижу такого красивого самца, как ты, колени у меня начинают дрожать! Чувствую, что начинаю влюбляться в твои идеальные

плечи, золотые волосы, крепкие бедра!

— Оставь, барон, ничего не выйдет из этого! По-моему, такое влечение к представителю своего же пола противоестественно!

— Наоборот, сладенький ты мой, наоборот! И в природе очень часто встречаются такие вещи. Большинство животных вступают в такие связи, а во многих жреческих орденах это даже поощряют!

— Это не для меня. Я не могу пренебречь красивыми девушками! Не надо дальше продолжать эту тему, барон. Колонна уже скрылась за горой, поспешим! — Плам похлопал жеребца по шее, Огненный Танец нагнулся, поднял осторожно Беса зубами и подал его хозяину. Это был один из трюков, которые конь усвоил на продолжительных прогулках за крепостными степами Аренджуна.

Двое собеседников пришпорили коней и быстро догнали караван. Там Пулио направился к передовому отряду, где ехал легат Амальрик и герцог Троцеро. После краткого, но бурного спора барон повернул копя и отдал приказания своей свите отделиться от каравана. Он приблизился к арьергарду, где ездил славин и крикнул:

— Прощай, красавец! Мое бедное сердце не вынесло бы твоего отказа, если влюблюсь в тебя еще больше! Поэтому я оставляю вас, чтобы найти более отзывчивого утешителя! Когда ты возмужаешь еще немного, тогда, может быть, поймешь мои чувства! Прощай, и до скорого свидания!

После этих двусмысленных слов Пулио пришпорил своего белого жеребца и, сопровождаемый своими людьми, поскакал назад к едва видневшемуся вдалеке Аренджуну.

* * *

Они остановились для ночевки на небольшой, укрытой высоким широколистным лесом поляне. Поздняя весенняя природа украсила лес свежей зеленью. Ароматные цветы, как шангарский ковер, покрывали открытые пространства. Совсем близко, к югу, возвышались гордые Кезанкийские горы. Голые вершины, увенчанные одиноко торчащими скалами, напоминали молчаливую стражу, охраняющую покой остановившихся у их подножия путников.

Под руководством опытного легата Амальрика, бойцы устроили привал по всем правилам военного искусства. Посередине временного лагеря поставили шатры принца Моррога, герцога Троцеро и бывший шатер Шевитаса. Жилище короля заморийских воров было очень легким и удобным и его можно было положить на спину коня, поэтому Конан подарил его Богарду. Солдаты расположились в круг возле палаток и зажгли небольшие костры из сухих веток, которых во множестве валялось кругом.

Коней поставили в маленький, огражденный колючими кустами загон. Принц Моррог расставил посты, а барон Амальрик приказал зарезать одного вола из небольшого стада животных, которое они гнали с собой. Запеченное животное должно было обеспечить обильный ужин всему каравану. После этого немедий-ский полководец собрал около большого костра всех из товарищеского круга Богарда и десятников наемного отряда.

— Мы совершили хороший переход, — начал он. — И если все пойдет и дальше так же

хорошо, то завтра, к закату солнца мы будем у перевала Келинана. А оттуда до пограничных хауранских застав рукой подать! Опасность засады существует только на самом перевале. Если попытаются неожиданно напасть на нас, то легкая кавалерия под командованием герцога Троцеро задержит противника, пока не войдут в бой все остальные силы. В этот передовой отряд войдут Плам и свита принца Моррога, за исключением Олафа. Этому отряду выпадает самая тяжелая задача! Квинт, Кетраг и Амрод займут удобные позиции и позаботятся о стрелках противника. С тяжелой кавалерией остаемся я и принц. Олаф, Конан, Джума и Фериш Ага будут с нами. После трехкратного звука моего сигнального рога, легкий отряд разворачивается по флангам и пропускает пас. Пепин и Богард охраняют обоз. Таков боевой план. Завтра наш путь будет проходить через густые леса, но мы пошлем вперед дозоры и боковые разъезды. Все-таки бдительность в основной колонне нам не помешает!

Десятники разошлись. Пикт Соро и Джума сами принесли ободранную и вычищенную от внутренностей тушу вола, нанизанную на крепкую жердь. Они поставили дерево на предварительно забитые в землю рассохи. Уже почти выздоровевший Пепин занялся приготовлением ужина для всего отряда.

Откуда-то появился мех с вином и начал переходить из рук в руки. Даже сдержанный барон Амальрик расслабился. Амрод проявил желание встать на тяжелую полуночную стражу, а слуху и обонянию альба можно спокойно было довериться.

Вскоре аппетитные запахи стали доноситься от костра. Насадив кусок сала на длинную палку, кобольд внимательно следил за тем, чтобы мясо не подгорело, и обильно мазал салом покрасневшие места. Днем он собрал ароматные травы, из которых сделал настойку в миске с вином, в которую окунал сало.

Чистое звездное небо, накрывало, как сказочный балдахин, лесную поляну…

Бес, удобно улегшийся у ног Пепина, давился от жадности потрохами убитого животного. Волчонок привязался и к молчаливому бывшему рабу.

— Славная погодка! И винцо хорошо! Этот Ванил — чудо-содержатель!

— Не задерживай мех, Ага! И другие тоже хотят выпить! Что-то чистый воздух заставляет тебя пить больше!

— Прошу, киммерийский медведь! Вам, северянам, всегда хочется выпить! Можете пить в любое время! Варвары! А нам, шемитам, подай простор! Дайте вина и Пепину, а то сгорит парень на этом огне!

— Красивые здесь леса! У нас, в Гиркании, редко можешь увидеть дерево или куст. Пустыни и степи! Но и у них есть своя красота! — сказал Кетраг. — Ты мужчина что надо, гирканец! И душа у тебя, как шемитская, вольная и бескрайняя, как наши степи! Только не могу я понять, почему ты никогда не выпиваешь?

— Когда-то я пил. И много. Потом — потом перестал.

— Наверное, это интересная история, Кетраг! Точно как по заказу, пока ожидаем ужин. Какой аромат!.. Годится Пепин в повара! Плам, сынок, сбегай за другим мехом с вином, этот как будто пробит, уж очень быстро кончился! А ты, гирканец, расскажи нам историю о твоем пьянстве! А если не хочешь, то я расскажу вам, как мы с Конаном дрались с оборотнями!

Все хором стали просить Кетрага. Настроение было, как по заказу — томно для хорошей истории. А перспектива слушать в сотый раз историю Аги не привлекала никого.

Плам вынес из шатра новый мех с вином. Кетраг покачал головой и начал свой рассказ:

— Народ, где я родился и вырос, живет далеко на востоке. Часто воюет с кхитайцами и многочислен и силен. Мой отец, Бато — вождь племени и выше его по власти стоит только

главный каган гирканцев.

У меня был и младший брат, Батай. Моя мать умерла при его рождении. Я не помню ее, тогда мне было всего два годика. Очень я любил своего брата, а для него я был и братом, и отцом, и матерью. Наш отец часто отправлялся в боевые походы и сражения вместе с бойцами племени, а нас вырастил один старый воин, Дула. Когда-то он был великим воином и знаменитым стрелком. Научил нас всему, что знал сам.

Из всей ребятни я и Батай всегда были первыми в детских играх и соревнованиях. Часто мы устраивали скачки на конях, состязания по стрельбе, борьбе. Будучи старше и сильнее, я побеждал своего младшего брата почти во всем, кроме стрельбы из лука. Там Батай был непревзойден. Может быть, он единственный из людей, которых я знал, мог бы соревноваться в стрельбе с благородным альбом Амродом!

После одного успешного похода наш отец в виде военной добычи пригнал табун великолепных коней. Подарил нам по одному коню, позволив самим их выбрать из табуна. В качестве первородного сына я сделал первым свой выбор — буланого жеребца, сильного и быстрого, как молния. Мой брат выбрал пятнистую кобылу, прабабку моей Стрелы.

Отец объявил, что независимо от того, что мне было четырнадцать лет, а моему брату Батаю — двенадцать, мы оба примем участие в соревнованиях молодых бойцов. Это была великая честь для нас, и мы ожидали скачек с большим нетерпением.

Я был очень доволен своим конем. Скорость его давала мне шанс выиграть даже первое место. Отец мог гордиться своим первородным сыном Кетрагом!

Само соревнование было не особенно интересным. Мой конь был настолько быстр, что обогнал с легкостью всех остальных. Но в самом конце меня догнал и обогнал Батай. Мой собственный худосочный брат на своем невзрачной кобылке вырвал победу у меня под носом. Я страшно рассердился. Даже не пошел получать награду за второе место. Поскакал далеко в степь. Я не привык проигрывать. Ехал я долго, голый и без оружия, прямо с состязания. Хотел, чтобы степной ветер охладил боль и зависть, которые сжигали мою грудь. Оскорбленная гордость травила мою душу.

И тогда появились волк и. Они разорвали моего жеребца. Окружили меня со всех сторон, и я уже предавал свою детскую душу Эрлику, когда появился Батай. Он вырвал меня буквально из зубов голодной стаи. В стане он подал мне уздечку своей кобылы, благодаря которой спас мне жизнь. Сказал, что любит очень своего старого коня, а эта кобыла больше подходит его любимому брату Кетрагу — гордости племени! Таким был мой брат Батай!

Когда отец наказал меня за своевольный уход из лагеря и прогнал меня голым на десять дней в степь, без еды, без постели и оружия, мой брат убежал вместе со мной, голодал вместе со мной и был счастлив, что мы вместе! Таким был мой брат Батай!

Я любил своего брата больше всего на свете! Когда мне исполнилось двадцать лет, то вместе с группой молодых бойцов из племени я отправился предводителем в свой первый боевой поход. Мы напали на отдаленное кхитайское пограничное поселение. Эрлик подарил нам победу и богатую добычу. Я послал часть трофеев со своими людьми, а с остальными решил пробраться поглубже в земли Кхитая. Мы увидели чудеса и дотронулись до чудес! Но удача оставила пас.

Вместе с отрядом я попал в плен к могучему волшебнику. Наши шаманы и хайборийские чародеи — маленькие дети по сравнению с восточными магами. Тот, который взял нас в плен, был чернокнижником, и ужасы, на которые я насмотрелся за пять лет рабства, невозможно описать!

Убежали мы с помощью одного из учеников Чиенг Тхо, так звали кхитайского колдуна. Этот ученик был хайбориец, и звали его Пелиас. Он многому научился у своего зловещего учителя, но сердце его было добрым, и мысль о том, чтобы оставить свою душу служить черной магии, ужасала его.

Так вот, с его помощью я выбрался оттуда вместе с остатком своего несчастного отряда. С нами бежал и Пелиас. Его умения уберегли нас от магии разгневанного Чиенг Тхо. За пять лет рабства мы выучились языку и обычаям огромной страны. Переодетые, как охранительная часть, мы спокойно добрались до границы.

Отпраздновали мы свою свободу, перебив до последнего солдата гарнизон последней кхитайской пограничной заставы. Переодетые, как их воины, мы легко застали врага врасплох. Взяли хорошие трофеи и сменили наших павших коней. Потом поехали по степям к родному племени. Мы были уже на своей земле! Заночевали вблизи высокого холма с одиноко торчащими скалами, похожими на челюсти огромного животного, оскалившегося в ночное небо.

Мы разожгли большой костер. Зажарили убитых по пути антилоп-сайгов. С разграбленной заставы мы взяли с собой большое количество рисовой настойки — любимого питья в Кхитае. В первый раз за пять лет, уже на родной земле, мы расслабились. Ужасы рабства остались далеко позади! Хорошая еда и выпивка, вольный ветер в волосах, свободное звездное небо над головой! Что еще нужно мужчине, чтобы быть счастливым!..

Мы напились больше, чем это было необходимо. Хорошо пировать на свободе! Не озираешься, как дикое животное, нет страха перед бичом надзирателя. Это был чудесный пир.

Внезапно из темноты долетела стрела и вонзилась в рог с рисовой настойкой, который я подносил ко рту. Властный голос приказал нам не трогаться с места.

Если бы я не пил столько, то наверное, сообразил бы, что голос говорит на моем родном языке. Что стрела, пронзившая рог, — гиркан-ская. Что мы одеты, как кхитайские воины. Если бы не пил так много!..

Мысль о том, что я снова попаду в плен, привела меня в ужас! В моей пьяной голове появилась одна-единственная мысль — бой до смерти! Я перекатился по земле, добрался до лука со стрелами и выстрелил по направлению темных фигур, которые прыгнули из темноты. Одна из них покачнулась и повалилась на землю.

Мои люди, еще пьянее, чем я, не оказали никакого сопротивления. Лавина тел накрыла меня, и я потерял сознание.

Пришел я в себя от ледяной воды, вылитой на мою голову. Мы находились в гирканском стане. Руки мои были связаны. Возле меня валялись, связанные веревками, как шелковые коконы, Пелиас и люди из моего отряда.

Надо мной стоял крепкий поседевший воин с мрачным, но очень знакомым лицом. Он дал мне крепкого пинка, называя меня «грязным кхитайским псом». С затуманенным от похмелья сознанием я начал понимать, что свои приняли меня за врага. Я узнал и человека с ведром. Его звали Йола, и он был один из помощников моего отца. Осипшим голосом я назвал его по имени и сказал, кто я такой. Сначала он не поверил мне. Долго всматривался в мое лицо.

Только тогда мне все стало ясно! Я оставил племя юношей с едва пробившимися усами, а возвращался мужчиной в расцвете сил, с бородой, подрезанной по-кхитайски. Годы рабства изменили и утвердили черты моего лица.

Наконец Йола узнал меня и догадался, кто мои товарищи. Поднялся большой шум. Меня сразу же развязали и позаботились о моих спутниках. Йола помог мне подняться и повел к шатру вождя. Моему родному шатру! Старый воин не отвечал на мои вопросы, избегал моего взгляда.

Очень быстро я узнал о причине его смущения. В отцовском шатре лежал раненый молодой мужчина. Сильный, красивый, умирающий, с глубоко забитой в живот стрелой. Моей стрелой! А умирающий был моим братом Батаем! Мое второе «я», человек, к которому я отчаянно стремился вернуться за все долгие годы рабства!

Около моего брата суетились с беспомощным видом шаманы и знахари. Рана его была смертельна! Мой брат был обречен. Главный заклинатель племени шепнул мне, что ему остается несколько часов жизни!

Умирающий сразу узнал меня. Боль исчезла с его побледневшего лица, улыбка озарила печальный шатер. Он попробовал встать, но силы оставили его.

Мы долго разговаривали. Я узнал, что вскоре после моего исчезновения наш отец Бато погиб в сражении против туранцев. Погиб славной смертью, среди посеченных им врагов! После его гибели вождем племени стал Батай. Мы не говорили о фатальном ночном сражении, когда заблудившаяся стрела, моя стрела, пронзила самое близкое мне существо. Мой брат ничуть не изменился по характеру. Он радовался, как ребенок, моему возвращению, объявил старейшинам, что наконец-то племя будет иметь в моем лице достойного вождя! По слезам в глазах закаленных ветеранов, окружившим смертное ложе, я понял, как сильно все любят моего брата и уважают его.

Батай слабел с каждой минутой. Он указал мне на прекрасную девушку, которая должна была стать его супругой. Он откладывал свадьбу с Сулимой, так звали красавицу, до моего возвращения. Не поверил, что его старший любимый брат погиб где-то вдали. Ждал меня! И дождался!

Батай заставил меня поклясться, что после его смерти Сулима станет моей женой. Отличалась она спокойным нравом, и очень веселая. Как в старое доброе время!.. Такой брат был у меня! Но был ли я достоен его?

Тогда в шатер вошел Пелиас. Я совсем забыл о нем. Он осмотрел рану Батая, ощупал его живот. Заявил, что попытается спасти ему жизнь. Наши шаманы и знахари повскакали со своих мест с гневными упреками, что он, дескать, только ускорит смерть Батая. Но я знал о способностях Пелиаса. Мой брат и Йола поддержали меня.

Пелиас спас жизнь Батая. Но брат остался с неподвижными ногами. Стрела коснулась позвоночника и парализовала нижнюю половину его тела. Не было лечения этой ране. Но маг дал надежду! Существовала магия, древняя, как мир! Восточные чародеи помнили ее. Чаша, сделанная из неземного металла, могла разбудить и поднять на ноги даже мертвых. Но где она находится, никто не знал. В молодости злой Чиенг Тхо напрасно искал волшебную чашу много лет подряд.

Я остался на несколько месяцев в Гиркании. Оставил верного Йолу помогать моему брату в управлении народом. А сам пришел в хайборийские земли вместе с Пелиасом. Искать исцеление для Батая, искать чашу. Когда я слушал легенду о тролле Трейне и трех мечах из уст благородного Амрода, то подумал, что именно чаша Грейль и есть то целебное средство, избавление от мук для моего брата. Чаша Грейль!..»

* * *

— Чаша Грейль упоминается и в «Скрижалях Скелоса». Ей предопределено сыграть важную роль в судьбах мира. Найти ее — это очень трудное, но и не невозможное дело! Может быть, и наш путь проходит через то, что мы сможем когда-нибудь найти Грейль, — поглаживая подрезанную бородку, задумчиво сказал Богард.

— Уважаемый мудрец, знаешь ли ты что-то еще об этой чаше? Где можно ее найти? Только надежда, что я могу помочь брату, поддерживает меня живым в последние несколько лет. Даже собственный мой народ называет меня Кетрагом Проклятым!

— Я мало знаю о самом Грейле, но думаю, что знаю, как мы можем найти его. Знаком я и с Пелиасом, теперь он живет в Нумалии. Хороший волшебник!

— И ты много страдал, гирканец! Теперь я понял, почему ты отказался от выпивки. Но по-моему, вина в твоем случае не в тебе, а в плохом качестве напитка! Бррр! Рисовая настойка! Ужасно! Как только кхитайцы могут пить такие помои! А уж вроде бы были цивилизованным и умным народом! Но я позволю себе выпить за здоровье твоего брата Батая! Какой благородный мужчина! Пусть Эрлик помогает таким, как он! Будем здоровы!

— Если Эрлик не поможет, то поможем мы! — возвысился мрачный голос Конана. — Киммерийцы привыкли помогать себе сами. Наш бог Кром не любит тех, кто не может позаботиться о самом себе! Пью за твоего брата, Кетраг!

* * *

Следующий день прошел спокойно. В заросших густыми лесами предгорьях водилось много дичи, но человеческое присутствие не наблюдалось. Несколько раз посланные на разведку патрули докладывали о найденных в лесах хижинах лесорубов или угольщиков, кото рые были оставлены их обитателями.

На лигу впереди колонны ехали двое опытных следопытов, внимательно наблюдающих, нет ли где спрятанной засады? С утра эту задачу выполняли Конан и пикт Соро, а после полудня вперед выехали Амрод и Кетраг.

Раннее лето было красиво в самой южной части Великих Кезанкийских гор. Пышная зелень покрывала крутые склоны. Облысевшие местами одинокие скалы поднимались, как строгие стражи, на узком, покрытом мелкими камешками торговому пути. Наклон кверху увеличивался все больше и больше. Гужевые животные с трудом преодолевали высоту.

— Сколько еще остается до перевала Келинаиа, Конан? По этому холму у меня растряслись все внутренности! Да и это солнце жарит, как в Стигийской пустыне! К демонам! Пропустили обед! Хорошо, что я запасся немного вяленым мясом! Горло мое пересохло, как кузнечная печь, скоро растаю на этой жаре! — жаловался Фериш Ага.

Достойный шемит вытирал свое потное лицо и с досадой ощупывал пустой мех, привязанный к седлу. На узкой дороге, где могли двигаться только два коня плотно друг к другу, ему было невозможно отъехать к концу обоза и пополнить свои запасы.

— Возьми! — великодушно подал ему Конан собственный мех. — Промочи горло, Ага! Через час мы должны быть на гребне горы, это самая трудная часть пути. Легат спешит добраться туда до захода солнца, потому что только там есть удобное место для лагеря.

— Ты, киммериец, друг что надо! Хорошо пошел у меня этот глоточек!

— За скалой, названной ради своей формы Орлиной Головой, начинается спуск. Оттуда до границы Хаурана совсем близко. Побольше удачи, и завтра к вечеру мы будем в Джавелдже, столице Хаурана.

— Ты бывал там? Что это за город?

— Не такой большой, как Аренджун или Шадизар, и больше похож на крепость. Хауранцы постоянно воюют — и с Кофом, и с За-морой, и с Тураном, и с твоим родным Шемом! Но у них есть хорошие кабаки и легкомыслен-иые женщины.

— Вот эта работа для нас! А сам принц — парень что надо! Умеет веселиться, ничего, что аристократ!

— Его брат, король Коборг, — серьезный и воинственный правитель. Принц Моррог очень популярен в Хауране именно из-за своего кроткого и спокойного нрава!

— Что-то он выглядит мрачно сегодня! Едет с Богардом и Пламом во главе каравана. Уж не обиделся ли он на барона Амальрика, что тот вчера назначил его руководить авангардом? Или и у него кончилось вино? Страшный выпивоха, этот принц!

— Принц не честолюбив, а кроме того хороший товарищ и отличный воин! Я сражался под его командованием в войне с Тураном года три назад.

— И выиграли?

— Проиграли. Против каждого нашего бойца было по пять туранцев. Но мы здорово им подрезали крылышки! Оставили на поле сражения вдвое больше убитых врагов, чем наших!

— Видно, славная это была битва, Конан! И я тоже участвовал, но все в небольших сражениях. Руки у меня чешутся на что-то большое!

— В больших битвах покрывают себя славой не только полководцы, но и обыкновенные воины. Но и шанс погибнуть от слепой стрелы или копья гоже большой! Приближаемся к перевалу, Ага. Дай один глоток вина и приготовь свое оружие! Не нравятся мне эти стервятники, что вьются высоко над гребнем!

Вскоре караван перевалил гребень последнего хребта Кезанкийских гор. Начался спуск.

Огромные стервятники кружили над перевалом Келинана, открывающимся под ногами путников. Солнце клонилось к западу, мрачные тени зловещих птиц сеяли смуту в сердцах всадников. Напряженными взглядами они осматривали лесистые склоны гор.

Внезапно едущий впереди легат Амальрик высоко поднял руку. Колонна остановилась. Оставляя после себя облако пыли, двое скачущих всадников быстро приближались к отряду.

Это были Амрод и Кетраг. Они коротко доложили барону:

— Засада! Точно перед Орлиной Головой. Это не горцы. В кольчугах и шлемах из металла. Их много. Больше четырехсот бойцов. Шестерых мы убили стрелами.

— Битва! — прогремел густой голос неме-дийца. Глаза легата Амальрика заблестели, мрачная, но радостная улыбка озарила его лицо. — Битва, благородные друзья мои!

Глава XXV
«Битва»

Отряд без суеты и спешки приготовился к бою и стал походить но небольшую, но хорошо организованную войсковую часть. Легко вооруженный авангард, составлен-ный из полусотни бойцов, построился в колонну по четыре. Дорога до самой Орлиной Головы не позволяла более широко развернуться. В первом ряду, рядом с веселым, радующимся предстоящей битве принцем Моррогом, одетым в роскошную позолоченную кольчугу, выстроились пикт Соро и Плам, тоже в кольчуге из Пещеры Истины и с Элиндруром в руке.

Молодой славин повесил через плечо и колчан с тремя дротиками. Сверху, на нервно переступающего Огненного Танца, было положено плетеное стальное покрывало. Длинные русые волосы юноши свободно развевались от легкого горного ветерка. Плам никогда не использовал шлем, даже в самых тяжелых сражениях и поединках, которыми была насыщена его дальнейшая жизнь.

За отрядом хауранского принца встали стрелки Квинт, Кетраг и Амрод. У всех троих была задача — обезвредить рассеянных между скалами перевала стрелков и рогатчиков противника. Все трое повесили на седла дополнительные колчаны со стрелами.

За ними выстроились двадцать тяжело вооруженных копьеносцев, во главе с бароном Амальриком и аквилонским герцогом Троцеро. В первых рядах сидели на своих закованных в железо громадных конях великаны Олаф, Джума, Конан и Фериш Ага. Все копьеносцы были в стальных бронях и с большими кованными щитами.

В конце отряда ехали Богард и Пепин. Еще не совсем здоровая рука кобольда не позволяла ему полноценно сражаться, но одетый в блестящую кольчугу, со стальным шлемом на голове и сжав крепко топор с носорожьей рукоятью, бывший раб имел весьма воинственный вид!

С этими силами легат Амальрик рассчитывал разбить засаду из многократно превосходящего по численности противника. Опытный военачальник верил в своих закаленных в битвах ветеранов. Кроме того, у них было и легкое преимущество, что враг расположился вниз по склону. Атака тяжелой конницы, если ее провести в нужный момент, могла стать неотразимой.

Об отступлении или защите на одном месте никто и не помыслил. Самоубийством было бы бежать или обороняться в наступающей лишь через час темноте против многочисленного врага.

— Принц, с помощью Митры, Иштар и Эр-лика, вперед! — скомандовал легат.

Передовая колонна подтянуто тронулась вперед и скоро остановилась перед Орлиной Головой. Две высокие скалы, слегка изогнутые в верхней части, преграждали перевал Келинана. Издали они выглядели, как клюв горного орла, откуда и шло название скалы. Перед ними лежала длинная, узкая поляна, на которой выстроились множество хорошо вооруженных бойцов на конях. Их было более трехсот. По скалам расположились рогатчики и пешие стрелки с луками. За скалами было еще много тяжелой конницы, по сколько, никто не знал.

Враги были хайборийскими наемниками. С невысокого возвышения ими руководил

статный воин на прекрасном белом коне. Рядом с ним стоял высокий мускулистый стигиец с бритой головой и в белой одежде жреца.

— Проклятый извращенец Пулио! — гневно крикнул принц Морог. — Иштар поможет мне свести счеты с ним! Вперед! Хауран! Хауран!

Авангард дружины легата Амальрика пустился галопом за своим храбрым предводителем. Неприятельские стрелки встретили его залпом, который из-за отдаленности не нанес поражений среди атакующих.

Но боссонец Квинт со своим длинным луком послал несколько стрел, и двое врагов скатились с высоких скал, а третий выпустил оружие из рук и схватился за пронзенную десницу. Амрод и Кетраг, мастерски держась в седле, скача зигзагом и постоянно меняя местоположение, безошибочно посылали стрелу за стрелой, и вскоре скалы очистились от стрелков и рогатчиков.

В это время легкие конные отряды столкнулись на узкой поляне. Атака людей принца разорвала первые ряды вражеской кавалерии. Неприятели смешались. Настал хаос: человеческие и конские тела, плоть, сталь, озверевшие лица и оскаленные морды, боевые возгласы и стоны умирающих слились в одно!

Веселый и непринужденный, как аист, попавший в болото с толстыми лягушками, принц Морог сражался со стремительной быстротой и мастерством. Его тонкий меч плел сложные узоры и впивался в чье-то тело, отражал направленные на него лезвия, сеял смерть среди врагов. Возле него Соро и люди из свиты принца рубили с профессиональной ловкостью и не отставали от своего предводителя.

Но самые большие опустошения среди неприятелей производил Плам. Он успел еще перед столкновением двух отрядов выбить из седла троих неприятельских наездников дротиками, и теперь использовал свой меч. Он доказал, что является достойным хранителем древнем! реликвии! Меч Элиндрур пел свою смертоносную песню! Направляемое твердой и опытной рукой творение гениального кузнеца Трейна рассекало с одинаковой легкостью брони, щиты, человеческие тела и конечности. Каждый, кто дерзнул возникнуть перед страшным светловолосым воином на рыжем жеребце, падал, как сраженный громом!

Огненный Танец подчинялся и самому слабому прикосновению коленей всадника. Таким образом молодой славин освободил от поводьев и свою левую руку. Крепко сжав длинный аквилонский кинжал, он левой рукой отражал атаки, наносил молниеносные удары. Быстрота его реакций делала Плама ужасным противником! Скоро блестящая кольчуга из митрилла целиком обагрилась вражеской кровью.

Вопреки огромному численному преимуществу, легкая конница барона Пулио начала выгибаться и отступать! Земля была устлана убитыми и ранеными. Конские копыта добивали упавших. Искусные стрелки легата Амальрика косили задние ряды, сея дополнительную смуту среди врагов.

Сначала отдельные наездники, а после этого и целые группы вырывались из водоворота битвы и пытались выбраться из ущелья Орлиной Головы. Чтобы помешать этому и поднять дух своих солдат, барон Пулио ввел в ущелье и приготовил к бою перед скалами свою тяжелую кавалерию. Ряд за рядом закованные в железо кони и люди выстраивались, как на парад, перед хаосом сражения!

Наконец безудержный натиск отряда принца Моррога окончательно разорвал строй неприятельской легкой конницы. Бежавшие сгруппировались за спиной тяжелой кавалерии, многие искали спасения в лесу. Кетраг и Амрод уничтожали их без всякой жалости.

Боссонский гвардеец Квинт лежал на земле с пронзенным стрелой горлом. Великий стрелок погиб достойной смертью.

От победоносного отряда принца на копях осталась горсточка людей. Расчистив пространство от бежавшего неприятеля, уцелевшие хауранцы увидели перед собой стальную стену из тяжелых копьеносцев.

— Вперед! В атаку! Хауран! Хауран! — заревел опьяненный боем принц Моррог, и человек двадцать всадников пришпорили своих уставших коней!

Безуспешно! Все равно, что морская волна ударяется в скалистый берег, пенится и разбивается в мелкие брызги! Как падающая крепостная стена, стальные копьеносцы пошли вперед и начали теснить людей принца. Пронзенный длинным копьем, пал храбрый пикт Соро. Свалился на землю и боевой жеребец принца Моррога, и безумно смелый аристократ тут бы и погиб, если бы Плам не подхватил его, посадив его за собой на Огненного Танца.

Они попытались устоять перед сильным врагом. Рубили длинные копья, пытались добраться до конницы за ними. Но самой своей массой тяжелая кавалерия теснила их назад, топтала, убивала! Люди около Плама таяли, как лед под летним солнцем. Гибель нависла над русой головой славина!

* * *

С высокого возвышения вся битва была видна, как на ладони. Сражающиеся почти не поднимали пыли, заходящее солнце озаряло кровавую сечь. Дисциплинированные копьеносцы барона Амальрика молчаливо наблюдали ожесточенное столкновение. Только Фериш Ага возбужденно шептал Конану:

— Герои! Смотри, наши прорвали центр! Они что, с ума сошли что ли?! Их же перебьют, как цыплят! Принц упал! Атакуем! На помощь друзьям!

— Рано еще, Ага! Легат отлично знает, что делает! Пусть они нарушат строй. Их больше сотни, а нас — только двадцать!

— Плевать я хотел на ваши стратегии! Чтобы смотреть как наших разбивают наголову! Так ведь там внизу Плам! Он погибнет!

— Приготовься, Ага! Сейчас наступил подходящий момент! Они нарушили строй!

— В атаку! — проревел барон Амальрик и опустил забрало па своем шлеме.

Как будто скатывающаяся по горному склону лавина, бросились вниз люди легата. Стена копий дрогнула и направила свои острия вперед. В один миг расстояние до поля сражения было сокращено.

Пронзительный звук сигнального рога барона Амальрика разодрал воздух. Горсть уцелевших воинов из отряда принца отступили налево и направо, и открыли неприятеля. С громовым треском две стальные силы столкнулись на боевом поле! Но тогда как воины барона Амальрика были как бронированный кулак, конница Пулио нарушила свой боевой порядок.

Всего лишь за миг могучий напор атакующих разорвал и разбил кольцо врага! Как титанический молот, Конан и его товарищи свалились на головы ошарашенных вражеских солдат. Огромные кони топтали дезорганизованного неприятеля. Большинство копий были

сломаны при первоначальном столкновении, и теперь в ход пошли мечи и боевые топоры.

Громадные Конан, Олаф и Джума косили людей, как снопы на поле. Никто не мог выдержать их могучих ударов. Присоединившиеся к товарищам остатки из отряда принца с удвоенной энергией поражали врага. Принц Моррог пересел на коня своего убитого телохранителя Соро и вместе с Пламом навалился на фланги разгромленного в центре неприятеля. Стрелы альба и Кетрага снова запели свою смертоносную песню!

Но больше всех отличился Фериш Ага. В этот день пустынный вождь покрыл себя бессмертной славой. Он попал вместе с первыми рядами прямо в центр защиты противника, отшвырнул остаток своего сломанного копья и ненужный в такой толпе крокодиловый щит. Крепкими локтями он расчистил пространство вокруг себя и вынул из-за пояса кинжалы. С приобретенным в сотнях кабацких драк опытом, он ринулся в водоворот битвы. Хищные лезвия кусали врага, как челюсти рассвирепевшего оборотня. В тесноте безжалостного боя, где частенько нет места, чтобы развернуться и взмахнуть оружием, кабацкая техника Аги была особенно эффективна. Скоро он обогнал даже разошедшегося Конана. Полоса из окровавленных изрубленных тел показывала путь устрашающего воина через плотные вражеские ряды. Позади него остальные товарищи сеяли смерть и разрушение. Как мифическое чудовище, огромный черный Зверь топтал все на своем пути, кусал, дробил челюстями и копытами брони и черепа.

Несмотря на огромное численное превосходство, тяжелая кавалерия Пулио не выдержала. Выжившие в этой резне солдаты повернули коней назад и, сметая остатки своих легких отрядов, попытались выбраться из ущелья Орлиная Голова.

Получился затор, паника нарастала. Передние ряды бегущих начали рубить тех, которые были позади. Воины легата Амальрика безжалостно убивали своих врагов. Наступил момент полного поражения, гибели и уничтожения!

Глава XXVI
«Повелитель Зари

Увидев полное поражение своих войск, незадачливый полководец барон Пулио пришпорил своего великолепного белого жеребца по дороге вверх, к горному хребту. То ли он надеялся убежать, то ли целью его был стоящий вместе с Пепином Реас Богард? Кобольд заслонил своим телом мудреца и поднял свой тяжелый топор.

Но из водоворота сражения выбрался облитый кровью наездник на рыжем коне. Как молния, устрашающий Плам поскакал, чтобы пресечь путь барону к его любимому учителю.

Пулио заметил его и повернул коня к нему. С криком, в котором не было ничего человеческого, а менее того мужественного, он набросился на молодого славина.

Барон в самом деле был непревзойденным мастером меча. Легким, почти незаметным кругообразным движением запястья тот отбил направленный к его голове выпад и нанес ответный удар прямо в грудь Плама. Кольчуга из митрилла спасла юношу. Второе нападение — и кровь заструилась по виску славина.

— Я разукрашу тебя, прежде чем отправлю к твоим вшивым предкам, надменный выродок! — яростно завыл возбужденный до крайнего предела Пулио.

Истощенный боем, Плам тряхнул головой и собрал все свое внимание в кулак. Он отбил следующую неистовую атаку. Барон был очень быстрым, демонически быстрым! Новая атака — и новый удар, на этот раз в плечо. И нова кольчуга спасла Плама.

Кони разъехались и унесли противников в разные стороны. И опять они пошли один на другого. Славин успокоил жеребца и приготовился к новой атаке. Он должен был показать себя достойным чести быть Хранителем Меча Зари, который сиял в его деснице! Все помыслы и все существо юноши сосредоточились на острие меча. Столкновение, искры — и успех! Острие Элиндрура пронзило позолоченную броню и утонуло глубоко в левом плече Пулио. Меч барона однако же серьезно поранил шею Огненного Танца. Благородное животное заржало от боли и споткнулось. С о зловещим завыванием окровавленный аквилонец оставил своего противника и поскакал к Богарду. Все еще не оправившийся от раны, с одной здоровой рукой, Пепин навряд ли представлял серьезное препятствие для мастера меча такого класса, как Пулио.

Плам соскочил с дрожащего жеребца. Вытащил из-за пояса боевой топорик и взмахнул рукой. Блестящее лезвие воткнулось в спину барону, и боевой конь поскакал дальше без седока. Честолюбивый, чрезмерно богатый и амбициозный Пулио, претендент на трон Тарантии, лежал мертвым на каменистой дороге к перевалу Келинана.

Потерявший много крови, Плам опустился па колени и уперся руками в землю. Мир кружился вокруг него, земля качалась, как деревянная детская лошадка. Встревоженный, Пепин подбежал к нему и успел подхватить его за плечи, прежде чем юноша свалился на землю.

Впавшая в панику, оставшаяся без предводителя, армия барона Пулио побросала оружие и сдалась на милость победителя. Легат Амальрик громко приказал остановить сражение и собрать обезоруженных пленников вместе. Принц Моррог яростно ругался. Удар мечом серьезно поранил его правое бедро в последние минуты боя. Боевой топор унес роскошный

шлем герцога Троцеро, но аквилонский аристократ бодро подгонял отчаявшихся врагов к определенным для пленников местам. На куче ужасно порубленных тел лежал храбрый Фериш Ага. Длинное копье пронзило чешуйчатую стигийскую броню, и показавший себя с самой лучшей стороны в сегодняшней битве шемит был серьезно ранен. Над ним, печально наклонив голову, стоял его верный боевой конь.

Бой закончился. Груды трупов, умирающие и раненые устилали поле сражения. Сломанные копья, пики, выпавшие из рук мечи, боевые топоры валялись повсюду. Множество коней, потерявших своих седоков, бесцельно блуждали по узкой поляне. Солнце уже было почти за горизонтом, только тонкая полоска яркого света все еще виднелась на западе. Вскоре милосердным сумрак должен был накрыть собой исстрадавшуюся землю.

* * *

И тогда, на границе между днем и ночью, началась новая битва. Битва, более ожесточенная и беспощадная, чем та, что только что закончилась. Битва между двумя великими волшебниками! Сражение, в котором оружием были могучие заклинания, древнее колдовство, лаже космические силы!

Богард приблизился к возвышению, с которого совсем еще недавно ныне покойный Пулио командовал своими войсками. Скрестив спокойно на груди руки, там его уже ожидал статный стигиец. Во время сражения он не сдвинулся с места. При виде стольких смертей ноздри его точеного носа затрепетали, как будто упивались запахом крови.

— Твой замысел снова не удался, Правитель Черного круга! Наверное, имею честь познакомиться с Тот-Атоном, братом главного жреца Сета? — учтиво заговорил офирец.

— Все правильно, Реас Богард. Я — Тот-Атон! Но с сегодняшнего дня к моим титулам прибавится еще один — Уничтожитель Повелителя Зари! Ведь именно этим смехотворным титулом величают тебя твои паршивые последователи?

— Титулы — это одно, а реальная сила — совсем другое. Если бы ты был в самом деле так велик, то едва ли собрал бы столько много помощников, стигиец! Так много смерти! Ты погубил своих людей!

— Дерьмо! Ни на что не годный мусор, недостойный даже для того, чтобы целовать мои ноги! Моя магическая сила увеличивается с каждой каплей пролитой крови, глупец!

— Хватит разговоров, Тот-Атон! Ты ведь не побежишь, как это сделал старый Хирент!

— Да, это так! Он пощадил тебя, потому что слава о твоем уничтожении должна принадлежать только мне! Твой час настал!

Стигиец протянул вперед и вверх свои мускулистые руки. Небо странно потемнело и обагрилось неземным изумрудным оттенком. Темные дождевые облака с градом собрались в небе над перевалом Келинана.

Люди, наблюдающие этот словесный поединок, и победители, и побежденные, почувствовали странную слабость в теле. Руки и ноги их отяжелели, как будто налитые свинцом, многие присели на землю. Испуганные, кони собрались все вместе, как во время природного бедствия. Смущение и ужас охватили всех. Ледяные щупальца страха сжали и самые горячие сердца!

Между раскинутыми над головой руками стигийского жреца зародилось яркое сияние. Оно все больше разгоралось и скоро превратилось в искрящий от напряжения зеленый клубок лучистой энергии. Властным жестом Тот-Атон бросил ее в неподвижно поджидающего его Реаса.

Мудрец выпрямился во весь свой рост у подножия холма с небрежно скрещенными на груди руками. Огненный клубок ударился в невидимую сферу, окутавшую его тело, и разбился на миллионы частиц, накрыв холодным пламенем всего Повелителя Зари!

Вторая и третья молнии ударили в искрящуюся вокруг Богарда сферу, но не смогли пробить ее защиту. Только образ мудреца стал каким-то прозрачным, глаза его засветились, как яркие звезды!

Удивленный неожиданным сопротивлением, жрец Сета прокричал какое-то заклинание. Мрак около него сгустился, его фигура начала увеличиваться и приобретать гигантские размеры. Облака над головой Тот-Атона начали пульсировать алыми и ярко-красными тонами. Зарождался какой-то колоссальный космический катаклизм, способный уничтожить не только осмелившегося вызвать на поединок могущественного чернокнижника Реаса, но и горы, даже весь мир!

Именно тогда Богард нанес свой удар! Из его глаз вылетела синяя молния, которая поразила стигийца прямо в грудь! Сильнее пламя взвилось вокруг пораженного Реасом Тот-Атона. Тело его скрючилось и почернело! Пронзительный визг, полный невыразимой ярости и боли, гнева и ненависти, прорезал горы!

Пламя на вершине холма разгоралось все сильней. Тьма отступала. Как гигантский факел, горящее тело стигийца озаряло перевал Келинана.

Внезапно жертвенный огонь погас! Исчезла и блестящая сфера вокруг Повелителя Зари. С опущенными плечами, побледневший и поблекший, Богард, теряя равновесие, поднялся на возвышение, где совсем еще недавно стоял его враг.

Там ничего и никого не было! От Тот-Атона, Правителя Черного круга осталась только горсть черного пепла!

* * *

В центральном зале Главного храма Сета, в оазисе западнее Луксура, царила гробовая тишина. Человек пятьдесят высших жрецов в белых робах и с бритыми головами, не веря своим глазам, смотрели в темное окровавленное зеркало на малахитовом алтаре. То, что они увидели, благодаря черной магии и кроил при-

песенных в жертву девственниц, было невероятно! Тот-Атон — самый могущественный колдун среди них, не считая Главного жреца, был побежден! Побежден даже после того, как призвал космические силы, подвластные только немногим среди живых!

Первым опомнился Тот-Амон. Его обычно красивое и бесстрастное лицо было перекошено безумной яростью.

Хриплым, идущим из глубины его мрачной души голосом он изрек слова древней и нерушимой клятвы Слуг Тьмы:

— Я, Тот-Амон, Главный жрец Чешуйчатого бога и Владыка Правителей Черного круга,

во имя господства Матери Ночи и благословенного ее чада Тьмы, клянусь! Клянусь всеми перевоплощениями Всемогущего Сета и его верных слуг! Клянусь демонами и духами, над которыми властвую, клянусь Черным Перстнем, источником моей силы! С сегодняшнего дня единственной моей целью будет уничтожение врага Того, Кому я служу. Я положу к ногам кровавого бога растерзанную душу Повелителя Зари — Реаса Богарда! Я призову из преисподней кошмары, которые изледенят кровь его последователей! Дух мой не найдет покоя и имя мое пусть будет навеки опозорено, если я не выполню своей клятвы!

— Сет! Сет! Сет! — подпевали старшие жрецы, упав на колени и ударяясь лбами о холодный пол зала.

Тутотмес подвел к алтарю прекрасную русоволосую девушку. Ее обнаженное тело, белое, как алебастр, говорило о том, что это аквилон-ка или гиперборейка. Зачарованная девушка медленно поднялась на кровавый пьедестал. Ее фигура идеальных очертаний блестела при свете жертвенных огней.

Сет, Всемогущий Сет, жаждущий крови! Явись и прими жертву, выбранную для тебя среди тысяч, о, Великий! — голос Тот-Амона становился все громче и громче, почти граничил с шипением. — О, Великий Сет, явись перед своими слугами и возрадуй их сердца, принимая эту жертву!

— Сет! Сет! Сет! — огромный зал гудел от восторженных голосов жрецов.

Внезапно из широкого отверстия иод алтарем послышалось пронзительное шипение. Огромная блестящая голова, больше лошадиной, показалась из отверстия. За пей выползло длинное змеиное туловище, толстое, как ствол столетнего дерева. Гигантская рептилия начала обвиваться около малахитового пьедестала. Бесконечной серебристой рекой потекло длинное, более сорока шагов, тело.

Отвратительная чешуйчатая голова с рубиново-красными глазами поднялась высоко над жертвенником. Длинный раздвоенный язык, мелькающий с изумительной быстротой между ужасными челюстями, внимательно ощупал девушку. Все жрецы, за исключением Тот-Амона, уткнулись лбами в пол.

Медленными, почти ритуальными движениями змея начала обвивать девушку. Двух колец было достаточно, чтобы свободными остались только плечи и голова прелестной жертвы. Огромные челюсти раскрылись с чавкающим звуком и поглотили светловолосую невесту Сета. Медленно, с наслаждением, с клокочущим журчанием отвратительное чудовище поглощало девственницу!

— Сет! Сет! Сет! — снова начали свои молитвы жрецы.

Молчаливый и угрожающий, устрашающий более, чем гигантская рептилия, в своей мрачной решимости, Тот-Амон с наслаждением наблюдал за этим ужасающим зрелищем.

Глава XXVII
«Прощание»

Ревущее буйное пламя освещало утес Орлиная Голова. Молчаливая группа воинов окружила полукру-гом костер. Их мрачные лица ничем не напоминали о том, что эти же самые люди только час назад одержали грандиозную победу над многократно превосходящим их по численности врагом. Только забрызганные кровью доспехи и поспешно сделанные перевязки напоминали о свирепой битве.

У огня, с остатком переломанной пики в груди, лежал на куче из звериных шкур славный Фериш Ага. Склонившийся над ним, побледневший и крайне изможденный, Реас Богард печально качал головой. Веселый и добрый шемитский вождь умирал! Его все еще ясный взгляд поймал взор мудреца и безошибочно угадал приговор судьбы.

— Повелитель, я мужчина и воин. Я знаю, что сегодня в последний раз скакал на коне и сжимал в своей руке оружие! Но я умираю счастливым, что нал в большой битве, среди людей, которых люблю! Ты — великий человек, Реас, больше, чем человек, и я горжусь, что был рядом с тобой в последнем бою! Прощай, Повелитель Зари!

— Прощай мой друг! Ты уходишь туда, где встретятся все герои, которые боролись во имя Добра на этом свете! Прощай!

— Кетраг, друг мой, иди ко мне, гиркан-ский сокол! У тебя такая же вольная душа бродяги, как и у меня. У нас, в Шеме, есть обычай — перед долгой дорогой оставлять что-либо на память близким товарищам. Вот тебе мой рубин, почетный знак Заморы! И пусть Эрлик поможет твоему брату! Если я встречу бога там, куда ухожу, я попрошу его и об этом!

— Я с честью буду носить твой перстень, Фериш Ага! Мужчин, похожих на тебя, не так уж и много!

— Принц! Я не смог увидеть твою Джавелд-жу. Выиграл я у тебя немало ставок, но надеюсь, что «выиграл» и друга! Возьми моего боевого коня. Его имя — Потоп, и он — верное и надежное животное! Оставляю его в достойных руках!

— Друг! Ты изменил мое мнение о шемитах — давнишних врагах моего королевства! Я принимаю твоего копя с благодарностью и в твою честь отпущу из хауранских тюрем всех шемитских пленников! Твое имя будут помнить как «Герой с перевала Келинана», брат мой!

— Плам! Где Плам? Взгляд мой затуманивается! Сядь рядом со мной, сынок! Амрод, Олаф, Пепин, Джума — прощайте друзья! Выпейте стаканчик или два за старого шемита! Плам, сынок, ты мне как родной сын. Иштар не подарила мне отпрыска мужского пола, но устроила встречу с тобой! Ты помнишь наш «танец»? В Эруке род Феришей очень известен, а я — богат, очень богат! Когда уйду в Царство мертвых, сними с моей шеи медальон из синего лазурита. Теперь ты — глава рода Феришей! Са-лех знает! Вспоминай о старом гуляке, сынок!

— Фериш Ага! Для меня нет большей чести, чем эта — носить твое имя! Я люблю тебя и как отца, и как учителя, и как друга! Не оставляй нас! — огорченный потерей своего верного товарища и из-за полученных ран, юноша не почувствовал как теплые капли начали стекать по его щекам.

Глаза всех присутствующих были полны слез. Какое сердце не дрогнуло бы при виде

достойной кончины храброго шемита? Один лишь Конан, чудом не получивший ни царапины в жестокой битве, не проронил ни единой слезы. Киммерийцы никогда не плачут! С сухими глазами могучий варвар встал па колени возле своего умирающего друга.

— Почему вы печалитесь? — твердым голосом спросил он и осмотрел присутствующих.

— Потому ли, что провожаем в далекую дорогу самого достойного из нас? Или страдаете от того, что сегодня он заставил всех нас стыдиться, показав пример в бою? Ты, Ага, — один из немногих истинных мужей, которых я встречал! Но ты первый кому я искрение завидую! Завидую не твоей силе и воинским умениям, которые ты неоднократно доказал. Завидую твоему славному прощанию с миром, которое дарят тебе боги! Кому суждено умереть, как первейшему герою, после такой победы, как нынешняя? Кто может похвастаться столькими верными друзьями возле себя в свой последний час? Завидую павшим героям, среди которых ты займешь достойное место на праздничной трапезе на Серых Равнинах! Завидую им за незаменимого собеседника и товарища, которого они получают! Вина! Пей, Ага, пей за нас, которые остаются в этом угрюмом мире!

После этой долгой и непривычной для молчаливого киммерийца речи Конан поднес к губам умирающего мех с вином. Богард хотел было остановить его, но отказался от этой мысли. Фериш Ага пил долго, с удовольствием. Потом закашлялся, изо рта потекла струйка крови. Взгляд его прояснился. Широкая улыбка засветилась на добродушном лице.

— После сечи мне всегда хочется выпить, Копан! Хорошее винцо! Возьми мой кошель и повеселитесь с товарищами в кабаках Джа-велджы! Горжусь, что я был вашим другом! А ты, варвар, — мое второе «я»! Буду ждать тебя с полной чашей там, в другом мире! Не страшно умереть, страшно умереть трусом!

* * *

Похоронили Фериш Агу на другой день. Выкопали глубокую могилу рядом с Орлиной Головой. Положили тело в полном боевом снаряжении, в руки героя вложили верные ятаганы. Вместе с ним, в одной могиле, похоронили пикта Соро и боссонца Квинта.

С ближнего горного хребта друзья докатили огромный гранитный валун, которым покрыли общую могилу.

Караван остался на перевале Келинана еще три дня. С помощью пленных наемников, а их было более двухсот, сложили громадный костер и сожгли тела павших воинов. Из семидесяти бойцов в отряде легата Амальрика уцелели двадцать девять. Убитых в армии барона Пулио было более двухсот человек.

Со всеобщего одобрения, Амальрик освободил пленников. Оказалось, что Пулио нанимал их в Аквилонии, Немедии, Коринфии и Заморе. После его гибели, свободные от обязанностей к нему, они дали клятву верности принцу Моррогу. Это были хорошие солдаты, и несмотря на их поражение, хауранский аристократ с удовольствием принял их на службу в свою армию.

Работы было немало. Кроме погребального костра и хлопот о раненых, нужно было поймать испуганных коней, принадлежавших бойцам, павшим в сражении. Богатые трофеи: золото и драгоценности, шелковый шатер Тот-Атона, доспехи и вооружение были свалены в

кучи и должны были быть распределены между победителями в столице Хаурана.

После похорон Фериш Аги Плам сильно затосковал. Тяжелая рана на виске и контузии по телу, хотя и защищенному чудесной кольчугой Трейна, подорвали его здоровье. Реас Богард, порастративший силы в магическом поединке, лежал, непривычно слабый, рядом со своим воспитанником в шатре Шевитаса. Альб Амрод заботился о своих товарищах.

Найденными среди трофеев инструментами кобольд Пепин высек на надгробном камне барельеф — большого коня, скачущего в бесконечность. Выдолбил и каменную чашу, которую наполнил вином. Это был единственный знак на могиле, приютившей в своих холодных объятиях останки славного шемита.

* * *

Многие годы и века воспоминание о битве у перевала Келинана разносилось по хайборий-ским землям. Спустя долгое время люди начали забывать имена победителей и побежденных. Помнили только то, что горсть храбрецов победила многократно превосходящего их по численности врага. «Смелый, как келинанец» — стало нарицательным во всем мире.

Скромный гранитный памятник оброс лишайником и мхом. Время постепенно сгладило скальный барельеф. Но стало традицией, чтобы проезжающие и проходящие через перевал путники чистили и наполняли вином и элем каменную чашу. Она никогда не оставалась пустой, даже в лютые зимы, когда ледяные метели и снег закрывали перевал.

Через много лет, в горах, начали рассказывать сотни легенд о похороненных в могиле телах. Говорили о великом воине, победившем в одиночку сотни врагов. Бородатые горцы клялись своими богами с толстыми животами, что богатый царь из далекой восточной страны похоронен иод круглым валуном. Гадатели и знахари при свете лагерных костров шепотом рассказывали о великом волшебнике, победившем демонов Зла, и погибшем в битве.

Рассказывали и о несметных богатствах, зарытых в древней могиле. И о страшных заклинаниях, охраняющих ее от осквернителей. Даже самые отчаянные искатели приключений не осмеливались посягнуть па загадочный камень!

Так обрела покой душа вольного шемитско-го вождя Фериш Аги. Слава пришла к нему и ушла, но легенда навеки сохранила память о его делах!

Глава XXVIII
«Восход»

И вот уже почти миновало лето. Пожелтела высокая трава на тучных пастбищах Хаурана. Сухие ветра приносили духоту и тягостную жару. Только полноводная река Истар, которая лениво несла свои прозрачные волны к морю Вилайет, охлаждала каменную столицу Джавелджа.

В сравнительно прохладное раннее утро почти все население города собралось на набережной. У почетной стражи хауранского правителя, охраняющей гавань, не много проблем с уважавшими порядок жителями столицы.

Сам король Коборг и его брат, принц Моррог пришли на пристань, чтобы проводить дорогих гостей. На четырех больших ладьях, оснащенных двумя рулями, в Аграпур уезжали немедийский легат Амальрик со своим отрядом наемников, Реас Богард — Повелитель Зари и его друзья. За те без малого три луны, которые победители у перевала Келинана гостили в Джавелдже, король и простые жители столицы полюбили и начали уважать их.

Долгий отдых был просто необходим из-за болезни Плама и сильного истощения Богарда. Лечение молодого славина затянулось и из-за тяжелого душевного расстройства, вызванного смертью Фериш Аги. В серьезном лечении нуждался и великолепный асгалунский жеребец Огненный Танец, который был ранен в сражении. Прекрасные кони гостей вызвали восхищение у знатоков.

Верный своему обещанию, которое он дал умирающему другу, Конан пропивал туго набитый кошелек Фериш Аги. Компанию ему составляли чернокожий великан Джума, рыжебородый ванир Олаф и реже — Пепин. Бывший раб-гладиатор почти круглосуточно заботился о больном Пламе. Только тогда, когда состояние больного славина значительно улучшилось, Пепин присоединился к веселой компании гуляк.

Снежный волчонок Бес вырос и заматерел. Он очень привык к Пепину, который занялся его обучением. Часто молодой зверь дрался с собаками на дворе королевского дворца, где разместились гости, или с уличными псами перед кабаками, где пировал Пепин. Редко когда какой-то особенно сильный или злобный пес вырывался из его крепких челюстей.

Кетраг и альб Амрод часто предпринимали длинные верховые прогулки по просторным хауранским степям. Конь альба был убит в сражении, и он получил от барона Амальрика белого жеребца убитого Пламом аквилонского вельможи Пулио. Амрод назвал его Лебединой Песней. Вдвоем с гирканцем они часто демонстрировали свое умение стрелять из лука на тренировочном плацу во дворце.

Прихрамывающий принц Моррог радовался пребыванию своих друзей у него в гостях. Он часто устраивал пиры во дворце. Предоставил Богарду королевскую библиотеку, посещал таверны и кабаки вместе с Конаном и его компанией. Барон Амальрик дал ценные советы королю Коборгу об улучшении организации армии.

Слава, как ореол, окружала победителей, уцелевших в жестокой схватке у Орлиной Головы. Казна выкупила трофейное оружие и копей. При дележе трофеев каждый получил свою долю по справедливости. Послали гонца в Эрук, который отнес туда последнюю волю Фериш Аги. Оттуда в Джавелджу приехали Салех и зять Аги Кадер, который был женат на

старшей дочери погибшего вождя.

Оба пали на колени и почтительно поцеловали руку Плама. Синий амулет сделал из недавнего пастушка вождя одного из самых влиятельных родов в Шеме. Молодой славин, по совету Салеха, передал руководство, теперь уже своим народом, опытному Кадеру, в качестве наместника, чтобы тот в его отсутствие был главой древнего рода. Шемиты с огромным вниманием слушали рассказы очевидцев о подвигах Аги и поехали поклонится его могиле у перевала Келинана. Более двухсот шемитских пленных, освобожденных принцем Моррогом в честь и память его друга Фериш Аги, сделали их свиту поистине внушительной.

Король Коборг предложил Конану и Джуме капитанские посты в своей гвардии, но те наотрез и тактично отказались, так как решили следовать за Повелителем Зари.

Наступила пора прощания.

Сердце доблестного принца Моррога готово было разорваться. Рана не позволяла ему уехать вместе с людьми, с которыми его связывало многое и которых он полюбил всей душой. Не слушая протестов Богарда, он устроил пышные проводы.

Кони вместе с пожитками были уже погружены на ладьи. Один за другим знаменитые путешественники прощались с гостеприимным городом. Тепло простились с королем, братскими объятиями распрощались с принцем Моррогом. Последний уличный бой провел неутомимый Бес, разбивая в пух и прах стаю портовых псов.

Опытные гребцы отчалили от берега. Приветственным ревом собравшийся народ проводил уезжающих. Ленивое течение прозрачной Истар приняло ладьи и понесло их к землям Турана.

Солнце робко показалось точно по курсу.

На миг оно выглядело еще как узкая полоска света, а потом мощно поднялось в небо и залило своими золотыми лучами весь горизонт с востока! Туран, золотая империя, ждал их впереди!

Выпрямившись на носу ведущей ладьи, Плам задумчиво вглядывался в залитый солнечным светом горизонт. Позади оставались юность, кровавый закат, Мрачный Лес, Аренджун и Джавелджа. И скромная могила у Орлиной Головы. Перед ним простирался бескрайний простор, новые приключения и подвиги.

И Свет, много Света!..